

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- ЭСКИЗ К ПОРТРЕТУ ДИКТАТОРА
- ГОСУДАРСТВО ИЗ ТРЕХ БУКВ
- ТАМ, НА ШАХТЕ УГОЛЬНОЙ
- ИДЕОЛОГИЯ СПАСЕНИЯ

ОТ ТЮРЬМЫ ДА ОТ СУМЫ

- ПОБЕДИЛИ, - ЧТО ДАЛЬШЕ?
- РЯДОМ ШАГАЕТ НОВЫЙ КИТАЙ
- ПРОТЕЗИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
- ДЖОЙС И СОЛЖЕНИЦЫН

Общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал «Страна и мир» издается в Мюнхене один раз в два месяца под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Эйтана Финкельштейна. Обложка художника Б.Рабиновича. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

Представители журнала:

В Москве – Сергей Лёзов (125167, Ленинградский просп., 45, корп. 4, кв. 367).

В скандинавских странах – Борис Вайль (Det Kongelige Bibliotek, Chr. Brigge 8, 1219 København K, Danmark).

В Израиле – Рафаил Шапиро (Rehov Halot, 41/9 Gilo, Jerusalem 93384 Israel).

Стоимость годовой подписки в Европе 75 нем. марок, в США, Канаде и Израиле – 60 ам. долл., в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване – 70 ам. долл. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Цена одного номера – 12 нем. марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высылаемого в редакцию.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Страна сегодня	1
<i>Р.Бахтатов.</i> Дороги, которые нам выбирают	10
«Не хочу платить за пристрастия президента». <i>Беседа с В.Голиковым</i>	22
Политическое обозрение	31
<i>Т.Мэтьюз, Д.Уоллер.</i> Тайная история войны	39
<i>Т.Герелс.</i> Андрей Сахаров: интеллект, мужество, цельность	55
<i>А.Верховский.</i> Либерализм после перестройки	61
<i>В.Абрамкин, В.Чеснокова.</i> Тюремный закон	65
<i>Ю.Чижов.</i> «Воздух свободы»	75
<i>А.Мурженко.</i> Маски	83
Места лишения свободы – возможные пути реформы. <i>Докладная записка</i>	88
Структура исправительно-трудовой системы МВД РСФСР	94
Контурсы реформы	95
<i>Л.Радзиховский.</i> Источники и составные части	99
<i>С.Таненхаус.</i> Что знали антикоммунисты?	114
<i>П.Мейдмент.</i> Свежие ветры в конторе Гобсека. <i>Окончание</i>	121
<i>М.Суэйн.</i> Китай в кризисе	133
<i>Б.Хазанов.</i> Лео Блум и Саня Лаженицын	148
<i>Ю.Карабчиевский.</i> Ошибка Бога	152
<i>И.Мирович.</i> Лев Гумилев и другие	155
<i>Геребен А.</i> Счастье быть советским писателем	158
Вниманию Бессмертных!	160

Das Land und die Welt e. V.

Schwanthaler Str. 73, D-8000 München, 2, Federal Republic of Germany

Tel. (089) 530514. Telex 5218017 umbt d. Telefax 534603

Deutsche Bank München, Konto 331 9613 (BLZ 700 700 10)

Postgiroamt München, Konto 223981-804 (BLZ 700 100 80)

ISSN 0178-5036

СТРАНА И МИР

*Союзный договор
Лвиад Гамсахурдия
Южная Осетия*

СТРАНА БЕЗ ИМЕНИ

Итак, после нескольких месяцев обсуждений, споров и переделок, как раз к референдуму, появился на свет новый проект документа, известного в просторечии как «Союзный договор». Тем самым населению была как бы предложена модель «обновленной Федерации равноправных суверенных республик», за или против которой ему предстояло голосовать 17 марта.

Надо признать, новый проект значительно отличается от первого, ноябрьского варианта. Как принято говорить, «проделана большая работа». Я думаю, будь такой проект Договора предложен в 1987 году, он был бы принят республиками на-ура или хотя бы (в Прибалтике) благосклонно. Но сейчас, из девяносто первого года, год восемьдесят седьмой видится уже чуть ли не как прошлый век. Общество накопило политический опыт, и для того, чтобы его вновь обмануть, требуются интеллектуальные усилия, выходящие за пределы возможностей президентской команды.

Взглянем поближе на документ, которому, по мысли создателей, предстоит стать основой будущей Конституции страны. Начнем с названия. Казалось бы, это вещь второстепенная: хоть горшком назови, только в печь не сажай. Но уже здесь ясно проявил себя характер политического мышления авторов документа – лицемерие и неискренность, с одной стороны, правовой инфантилизм – с другой. Оказывается, нам предстоит жить в стране, обозначаемой аббревиатурой, которая не имеет расшифровки, – в стране без имени.

Документ торжественно озаглавлен: «Договор о Союзе Суверенных Республик», однако далее по тексту речь идет исключительно о государстве, которое

обозначается как Союз ССР. К такому названию мы привыкли еще с 1922 года, когда оно обозначало Союз Советских Социалистических Республик. Теперь слова «Советский» и «Социалистический» исчезли и нигде в тексте Договора не упоминаются, в приятном контрасте с ноябрьским вариантом проекта. Что же означают в таком случае две буквы «С» в названии страны? Ведь аббревиатура названия страны, фигурирующего в заголовке документа – «Союз суверенных республик», – должна звучать как ССР или же Союз СР, но никак не Союз ССР. Смысл второго «С» остается загадочным.

На деле все очень просто. Во-первых, Союз «эс-эр» был для составителей психологически невозможен из-за эсеровских аллюзий. Во-вторых – и в главных, – очень важно было сохранить все как было, включая даже привычное название: СССР. Это, собственно говоря, и есть политическое кредо авторов проекта Договора: чем больше перемен, тем больше все должно оставаться по-старому, – «сохранение обновленного», согласно внешне абсурдной формулировке вопроса, вынесенного на референдум. Кстати, на референдуме обошлись уже без лингвистических ухищрений и повели речь напрямик о Союзе Советских и Социалистических.

Ну ладно, пусть будет Союз Суверенных Республик, забудем про аббревиатуру. Но что это за название?! До сих пор в мировой истории название любой страны отражало некое качество, которое составляло ее характерную особенность. Например, в нем находило отражение название народа: в Испании живут, в основном, испанцы, в Греции – греки. Использовали топонимы (Чад, Гамбия), традиционные исторические имена регионов (Египет, Йемен), имена основателей (Сан-Марино) и т.д. Важно то, что второго такого назва-

ния не было ни у кого, а если совпадения и появлялись, приходилось вводить дополнительные отличия (как в случае с двумя Конго). Даже старый СССР – кажется, первое государство, названное по политической системе, – и то сохранял свою особенность: только мы были в этом мире «советскими», и это вполне выделяло нас из серой несветской массы.

Но что такое «Союз Суверенных Республик»? Что это за качество такое – суверенность, которого больше нет ни у кого? Разве члены ЕЭС – не суверенны? Или все дело в том, что в нем среди республик затесалось еще несколько королевств? Тогда в чем различие между Союзом СР и Андским пактом? После крушения всех мировых империй, кроме советской, в мире практически не осталось несuverенных государств. Так что выбор «суверенитета» в качестве основы для национального названия представляется несколько странным.

Трудно вообразить себе, например, название: Суверенная Французская республика, СФР. Разве кто-то сомневается в суверенности Франции? Для чего же нужно было это отдельно подчеркивать в названии *нашего* государства?

Ответ на этот вопрос давно уже дал Джек Лондон в повести «Лютый зверь»:

«Почему каждый боксер из кожи лезет вон, чтобы доказать, как честно он дерется? Почему у всех такие прозвища: «Честный Джон», «Честный Билл», «Честный Блексмит» и все в том же роде? Разве вам не кажется, что они чего-то боятся? Если человек бьет себя в грудь и во все горло кричит, какой он честный, вы, наверно, подумаете: что-то тут неладно».

И впрямь: что-то неладно в Союзном договоре, «они» чего-то боятся.

Боятся, что «им» не поверят. Справедливо боятся.

Начать хотя бы с того, что «суверенные» республики объединяются в «союз» недобровольно. Нет, заверений о добровольности в тексте договора предостаточно, добровольность даже объявлена – в самом начале документа – первым «основным принципом». Но посмотрите, как же практически это добровольное объединение происходит. Об этом написано в самом конце, в «заключительных положениях». Оттуда мы узнаем, что Договор об образовании СССР 1922 года утрачивает силу только для республик, подписавших новый Договор. Для тех же республик, что Договор откажутся подписать, сохраняет силу «действующее законодательство Союза ССР», то есть выйти из Союза они могут только на основании пе-

чально знаменитого «закона о невыходе». Вот и вся добровольность.

Уровень юридического и политического мышления президентской команды законодателей вполне этим продемонстрирован. На момент публикации проекта уже было известно, что шесть республик новый Договор подписывать не будут (позднее заявила свои возражения седьмая республика – РСФСР, но это составляет особую проблему, которой мы коснемся позже). Итак, после торжественного подписания нового Договора на географической карте мира появятся *два* Союза: один, живущий по законам 1991 г., другой – по законам 1922 г. Такая ситуация сохранится, как минимум, пять лет, а если тормоза, заложенные в «закоме о невыходе», срываются, то гораздо дольше. Задумались ли законодатели, как вообще сможет функционировать эта противоестественная химера? С двумя конституциями, двумя парламентами, двумя правительствами и, страшно сказать, – двумя президентами (ибо новый Союз, согласно ст. 13, изберет себе президента всенародно – и не обязательно Горбачева, – у старого же Союза на ближайшие годы останется уже «избранный» Горбачев). Пикантная и бессмысленная ситуация, которую невозможно всерьез обсуждать.

Смысл этой юридически безграмотной и неспособной работать конструкции только один: припугнуть непокорные республики, заставить их «добровольно» подписать новый Договор.

Какой же реальный суверенитет обещает новый Договор своим участникам? Декларативно – полный, ибо пятый «основной принцип» Договора провозглашает, что «республики обладают всей полнотой государственной власти». Пустота и лживость этой декларации очевидна с самого начала, ибо речь-то ведь идет о федерации, а не конфедерации, так что полнота государственной власти республик невозможна *по определению*.

Но не только это общее соображение показывает декларативный характер республиканских суверенитетов. Конкретные статьи проекта демонстрируют это с меньшей ясностью. Например, заявлено, что «республики самостоятельно определяют свое национально-государственное устройство». Эта фраза очень напоминает слова старого Форда – основателя автомобильной династии, что он готов продавать потребителям автомобили любого цвета, при условии, что этот цвет черный. Если речь идет о «республиках», а не о «государствах», как следовало бы, то, значит, не так уж и самостоятельно определяют они

свое государственное устройство: конституционная монархия, например, тем самым исключается.

Но отнесем это всего лишь на счет юридической неграмотности авторов проекта (не прошло в голову, что республика – всего лишь одна из форм национально-государственного устройства). Чтобы убедиться более предметно в декларативности провозглашенных в Договоре республиканских суверенитетов, достаточно обратиться к статьям, трактующим о разграничении полномочий Союза и республик. Учитывая возмущение, которое в сей части вызвал ноябрьский проект, на этот раз к непосредственным полномочиям Союза отнесли сравнительно немного. Зато введен новый, ранее отсутствовавший раздел: полномочия, которые Союз осуществляет «совместно с республиками». Об этом нехитром фокусе мы поговорим чуть позже, а пока заметим, что даже короткий перечень чисто союзных полномочий тоже вызывает удивление.

Например, к ведению Союза отнесено «руководство оборонными предприятиями и организациями». В России, например, более половины промышленного производства относится именно к этой категории (по некоторым оценкам – до 70%). Это означает, что Центр претендует на подавляющую долю российской промышленности. Немногим лучше ситуация на Украине, да и в большинстве других республик – роль, которую играет в отечественной промышленности военно-промышленный комплекс, хорошо известна. О каком же экономическом суверенитете уже после этого одного может идти речь?

Вообще миф о необходимости централизованной военной промышленности совершенно неоправданно живуч. Считается, что эта промышленность должна быть организована едва ли не на тех же принципах, что и армия. Между тем, во всех промышленно развитых странах военная промышленность сосредоточена в частных руках и правительству неподконтрольна. Правительство просто размещает свои заказы на частных предприятиях, и если оно платит, то производители заинтересованы в выполнении таких заказов, притом в выполнении высококачественном. То, что такая система работает эффективно, можно видеть по многочисленным вооруженным конфликтам (особенно ближневосточным), ясно продемонстрировавшим преимущества западного «частного» оружия перед советским «государственным». (Государственной, в виде исключения, повсеместно остается лишь ядерная военная промышленность – но не ракетная! – по

понятым соображениям «нераспространения».)

Поразительно, но к ведению Союза отнесено также и «осуществление внешнеэкономической деятельности», тогда как «совместно с республиками» производится лишь «установление основ» этой деятельности. Практически это означает контроль Центра над всеми валютными поступлениями в Союз. Так сказать, Центру – валюта, республикам – «суверенитет»! Впрочем, дело тут даже не в том, кто именно – Центр или республика – «осуществляет» внешнеэкономическую деятельность. Внешнеэкономическая деятельность – часть экономической деятельности вообще, и «осуществлять» ее должно не государство какого бы то ни было уровня, а производители товаров. Мы ведь, если память мне не изменяет, вознамерились перейти к рынку!

Посмотрим теперь на те полномочия, которые Союз осуществляет «совместно с республиками». Список этих полномочий необычайно длинен и включает в себя практически все сферы экономической, политической и общественной жизни, за исключением разве что производства сувениров: от обороны до «охраны материнства и детства». Казалось бы прекрасно: республики ко всему этому допущены. Но как же именно эти свои полномочия они смогут осуществить?

А вот как (ст. 6): «посредством совместного формирования союзных органов, создания иных механизмов и процедур». А союзные органы – это Верховный Совет СССР, эффективность работы которого и умение блюсти интересы республик лишней раз демонстрировать не надо; Совет Федерации, создающийся для «рассмотрения», «согласования» и «координации», то есть в чисто консультативных целях; Кабинет министров, в котором главы правительств республик «могут» (?) участвовать с правом решающего голоса. «Иные механизмы и процедуры» не конкретизированы никак. Вот и все возможности для «осуществления» своих полномочий и утверждения суверенитета. Таким «суверенитетом» республики обладали и в соответствии со Сталинской конституцией.

Полномочия же, которые дозволено осуществлять республикам не «совместно с Союзом», а самостоятельно, в проекте Договора даже не упомянуты. Нет их, и все! Может быть, составители проекта имели в виду: республикам остается «все остальное», что не «союзное» и не «совместное». Я попытался вычислить, что же осталось за пределами этих двух категорий, но, сколько я ни бился, ничего, кроме

упомянутого «производства сувениров» и другой деятельности того же масштаба, придумать не смог.

Согласно той же статье 6, любая республика может «дополнительно делегировать» Союзу еще какие-то свои полномочия (Господи, какие же еще!). Но вот обратное не так легко: забрать у Союза какие бы то ни было свои полномочия (пусть даже «совместные») республика может только «с согласия всех республик». Хорошо известный принцип круговой поруки.

Примерно так же, как и с разграничением полномочий, обстоит дело и с вопросом о собственности, поскольку ст. 7 тесно увязывает собственность с распределением полномочий. Республики оказываются владельцами своих природных богатств лишь номинально, поскольку все, что необходимо военно-промышленному комплексу, автоматически из ведения республики изымается.

Но и провозглашение собственности республик на землю и недра тоже особой радости не вызывает. Это означает, что вопрос о введении *частной* собственности на землю изначально блокируется Договором. Ведь частная собственность – это *не* союзная и *не* республиканская! При этом, согласно ст. 24 Договора, и сам он, и «отдельные его положения» могут быть изменены лишь с согласия *всех* республик. И если хотя бы одна из них, где руководство «верно социалистическому выбору», выступит против частной собственности на землю, то и быть по сему повсеместно! Между прочим, в той же самой фразе, где республики объявляются собственниками всей земли, говорится и об их праве собственности на имущество, но только на *государственное!* То есть составители проекта ясно понимали, что имущество может быть и *не* государственным. Имущество – но не земля!

Итак, проект Союзного договора не только подчеркнута направлен против республиканских суверенитетов. Он еще и подчеркнута антирыночный, де-факто он фиксирует установившуюся «социалистическую» хозяйственную систему.

Нельзя обойти молчанием и еще одну мину, заложенную в Договоре, – мину, которая потенциально может взорвать любую государственную конструкцию, на этом Договоре основанную. Именно с этой проблемой связаны в первую очередь возражения и опасения Российской Федерации. Речь идет о субъектах федерации и проблеме автономий. Проблема эта в тексте Договора никак не решена. Туманная фраза о том, что республики входят в состав Союза «непосредственно либо в со-

ставе других республик», не проясняет, а лишь запутывает дело. Так каков же будет статус автономий согласно новому Договору, чем он будет отличаться от статуса союзных республик?

Я думаю, этот вопрос составители проекта не только не хотели, но и не могли решить. Взяв с самого начала курс на «спущенный сверху» договор, а не на договор, возникающий путем «наращивания снизу», в результате обобщения создающихся горизонтальных связей, они сами обрекли себя на тупик. В такой сложной национально-государственной структуре единого централизованного решения просто не может быть. Разумеется, закрыть любой автономии возможность прямого участия в Союзе было бы и несправедливо, и невозможно. Но и механически приравнять все национальные формирования к союзным республикам столь же губительно и несправедливо.

Во-первых, тем самым фиксируется совершенно искусственное национально-государственное устройство, созданное в результате проведения ленинско-сталинской «национальной политики»: мифическая Еврейская АО приравнивается к мощной Татарии и т.п. Во-вторых, в основу разделения опять закладывается страшный принцип «крови». Совершенно непонятно, почему, если не обращаться к расистским аргументам, Хакасская АО, например, может претендовать на то, чтобы стать субъектом федерации, а, скажем, Кемеровская область с ее мощным промышленным потенциалом и политическими традициями – нет. Еще более странно было бы отказать в статусе субъекта федерации русской Сибири как целому.

Я вовсе не призываю к раздроблению России на «удельные княжества». Просто на этих простых примерах я хочу показать невозможность стандартизованного решения этой проблемы. Видимо, прежде чем разрабатывать и тем более подписывать Договор (если подписывать его вообще), проблемы автономий должны быть решены индивидуально, уровень должен быть предварительно определен и зафиксирован на основе свободного волеизъявления народа с учетом всех конкретных обстоятельств. Практически это означает прежде всего определение статуса Российской Федерации.

Во все не следует думать, что любое национально-государственное образование в РСФСР, получив возможность решать свою судьбу, обязательно захочет из федерации выйти. Ситуация здесь резко отличается от ситуаций в союзных республиках: исторический путь этих образований был

совсем иным, по-другому сложились культурные традиции, хозяйственные связи, потенциал самостоятельного существования в большинстве случаев здесь гораздо ниже. Если вопрос будет решаться сначала в рамках РСФСР, без ревнивой оглядки на соседа, подписывающего Союзный договор (Узбекистан подписал, а чем Ханты-Мансийский автономный округ, где ханты составляют 0,9%, а мансы 0,5% населения, хуже?), доминировать будут реальные, а не воображаемые национальные интересы. Не думаю, что Ханты-Мансийский округ предпочтет покончить жизнь самоубийством, провозгласив свою независимость.

Но какие-то автономии, достаточно мощные экономически, ощущающие свои исторические и культурные традиции, возможно (и вероятно) пожелают выделиться. Если такие объявятся, то едва ли их будет много, скорее всего 2–3 (их перечень каждый без труда составит сам). Что ж, как бы ни огорчались ревнители «единой и неделимой», с этим необходимо будет смириться. В конце концов эта небольшая плата за избавление от имперского гнета прежде всего самих себя, за смывание клейма угнетателя.

И если исторические связи с Россией у этих автономий действительно крепки, а не односторонни и искусственны (а я думаю, что они действительно крепки), то отделившиеся автономии очень быстро сами найдут пути к восстановлению равноправных и взаимовыгодных связей с новой демократической Россией. Не во всем был Ленин неправ: он верно заметил, что, прежде чем объединиться, и для того, чтобы объединиться, надо сначала решительно размежеваться.

Это кажется парадоксом, но чем больше мы искусственно «укрепляем» связи, тем более хрупкими они становятся. И наоборот.

И лишь после того как контуры Российской Федерации (да и других республик, готовых войти в Союз, Узбекистана, например) определятся, сам собой решится вопрос, кто будет подписывать Договор «непосредственно», а кто «в составе». Непосредственно подпишут Договор союзные республики (прежние и вновь возникшие), а автономии, решившие остаться «внутри республик, доверяя право подписи «своим» республикам. Конечно, в результате многих республик мы недосчитаемся. Но зато возникший Союз можно будет считать действительно новым, а не «обновленным». И этому надо будет только радоваться. Попытки же форсировать создание искусственной конструкции неизбежно приведут к ее скорому развалу, после кото-

рого ни о каком восстановлении Союза говорить уже больше будет нельзя.

Проект Договора настолько пропитан старым имперским (Советским Социалистическим) духом, что обсуждать его можно было бы бесконечно. Например, многое можно было бы сказать об институте Президента Союза – совершенно бессмысленном и опасном институте в многонациональном, раздираемом противоречиями государстве. Но на эту тему уже писалось много и достаточно резко. Мы же закончим наш по необходимости краткий анализ, как и начали, с замечания, касающегося, скорее, формы, чем содержания: о языке Союза.

Конечно, история распорядилась так, что украинец вынужден (и всегда будет вынужден) общаться с таджиком только по-русски. Так будет, даже если мы запишем в Договоре, что официальным языком Союза является латынь. Но фиксация русского языка в Договоре, как языка выделенного, является элементарной бестактностью. Между прочим, старый – 1922 года – Договор устанавливал, что «декреты и постановления ЦИК, его президиума и СНК СССР печатаются на языках, общеупотребительных в союзных республиках (русский, украинский, белорусский, грузинский, армянский, тюркско-татарский)», и понятий государственного или «официального» языка вообще не вводил. Сейчас, в условиях раздираемой кровавыми конфликтами страны, это почему-то сочли необходимым.

Такой вот проект Договора нам предложен в качестве основы нашего будущего. Власти полагают, что референдум 17 марта этот Договор как бы легитимировал (пусть не юридически, но морально). Противники референдума очень сильно настроены трюком властей, которые, хитро сформулировав вопрос, организовали себе вотум доверия. Я думаю, что расстраиваются они зря. Вопрос был сформулирован превосходно, и результаты референдума я нахожу вполне удовлетворительными. Избиратели решительно сказали, что они хотят жить в стране, «в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности».

А это значит, что к нынешнему Союзу и к тому, который для нас сейчас конструируют власти, вотум избирателей не имеет никакого отношения.

Может быть, народы сами рано или поздно сумеют осуществить то, за что они проголосовали на референдуме, – разумеется, без «советских» и «социалистических» довесков? ●

К.Любарский

«ОСНОВЫ ЗВИАДИЗМА»

Пока эта статья готовилась к печати, Зураб провозгласил свою независимость от СССР. Звиад Гамсахурдия избран президентом республики и получил чрезвычайные полномочия. Сразу после этого он декретом объявил «кампанию гражданского неповиновения союзным властям». Воинские соединения, верные Гамсахурдия, ведут осаду Цхинвали, осуществляют геноцид осетинского населения. Никакой реакции со стороны Центра, «Кремля», на это нет – в поразительном контрасте с тем, как тот же Центр откликается на мирные шаги к независимости республик Прибалтики. Почему бы это? Возможно, свет на это проливает публикуемая статья, написанная еще до провозглашения независимости Грузии.

Первые полгода пребывания у власти правящая коалиция «Круглый стол – Свободная Грузия», руководимая Звиадом Гамсахурдия, использовала, в основном, для борьбы с политической оппозицией внутри республики, и, надо сказать, в этом деле немало преуспела. В Грузии на сегодняшний день более 70 политических заключенных, есть убитые по политическим мотивам, свирепствует цензура, преследуется интеллигенция. Режим Гамсахурдия, правда, ликвидировал все внешние проявления коммунистической власти – введена новая государственная символика, убраны памятники «вождям революции», переименованы улицы и города, коммунисты лишены основных средств массовой информации... Однако сути прежнего режима, диктаторского «большевистского» духа, как выразился покойный грузинский философ Мераб Мамардашвили, «Круглый стол» не только не выветрил – наоборот, во многих отношениях антидемократические проявления усилились. Первое, что сделала новая власть, – закрыла всякий доступ к средствам массовой информации для всех, кто так или иначе находится в оппозиции к Верховному Совету и ее лидеру – Звиаду Гамсахурдия.

Невиданных размеров достиг в сегодняшней Грузии разгул националистического мракобесия. Виднейших представителей грузинской интеллигенции, гордость и славу Грузии, преследуют и травят за «недостаток патриотизма», за «любовь к России и Западу», за «космополитизм». Все больше интеллигентов думает об эмиграции, чего никогда не было раньше в Грузии. Однако печальнее всего наблюдать то, как многие пытаются перескочить с подножки комму-

нистического поезда на гамсахурдиевский, льстят и угождают новой власти.

Что же произошло в Грузии? Как получилось, что на смену коммунистическому тоталитарному режиму вдруг пришла новая диктатура? Вопрос этот мне кажется крайне серьезным, ибо по пути, аналогичному грузинскому, идут или могут пойти и другие народы Советской империи.

Многое объясняется тем, что приход к власти националистических сил не сопровождается изменением в структурах власти. Высший орган власти – Верховный Совет остался тем, чем он был, несмотря на то, что места коммунистов заняли представители «Круглого стола». Остались в прежнем своем виде, – а часто и в составе, – министерства, прокуратуры. Остались, хотя и меняют названия (на префектуры), местные органы власти – райисполкомы. Остался и КГБ, хотя он переименован в Департамент общественной безопасности.

Роль КГБ в развитии ситуации в Грузии заслуживает пристального внимания. На каком-то этапе движения Гамсахурдия к власти этот орган словно исчез – люди Звиада могли устраивать погромы в его штаб-квартире, диктовать свои условия, а ответной реакции почему-то не было. Казалось, чекисты растеряны, поняли свою никчемность и собираются «переквалифицироваться в управдомы». Новая власть, однако, отнюдь не ликвидировала КГБ. Был назначен новый председатель – бывший зампредседателя КГБ генерал Отар Хатиашвили, который публично поклялся в верности Верховному Совету республики. В самом Верховном Совете была создана комиссия по делам обороны, правопорядка и госбезопасности, которую возглавил один из самых рьяных звиадовцев – Важа Адамия, до того руководивший вооруженными формированиями «Круглого стола» и замешанный не в одном террористическом акте против сторонников Национального Конгресса. Странный симбиоз «борцов за независимость» и чекистов!

Впрочем, в отношениях Гамсахурдия с КГБ много неясного. Если даже оставить подозрения в прямом сговоре новой республиканской власти с имперским центром, следует признать, что суть старого антидемократического режима не изменилась. Не изменились и формы власти, лишь марксистско-ленинскую идеологию сменил национал-популизм. Насколько второе лучше первого, я судить не берусь. Хочу лишь предложить краткий обзор той идеологической доктрины, которой руководствуется нынешний правитель Грузии.

В прошлом году Звиад Гамсахурдия прочел серию лекций, которая затем была

издана отдельной книгой под названием «Духовная миссия Грузии». Прежде чем изложить вкратце суть этой работы, скажу, что в молодости Гамсахурдия всерьез увлекся антропософией, хотел даже открыть соответствующее общество в Грузии. Антропософия – мистическое учение о человеке, которое развивал немецкий философ Рудольф Штейнер. Об антропософии можно сказать многое, но для Гамсахурдия главное в ней – обожествляемая человеческая сущность, якобы открытая только *посвященным*. Именно учение о «посвященных», о «духовной элите», способной к «ясновидению» и пониманию тайных символов жизни, обусловили мировоззрение Звиада Гамсахурдия, что дает ключ к пониманию многих его действий. Согласно последователям Штейнера, посвященными были Аристотель, Фома Аквинский и сам Штейнер. Звиад Гамсахурдия, вероятно, мыслит и себя в этом ряду...

С Грузией, впрочем, это учение оказалось связанным довольно серьезно. Дополненный работами известного грузинского эмигрантского философа Григола Робакидзе (умер в 1960 г.), лингвиста Нико Марра (1865–1934) и поэтико-тео-философскими работами средневекового агнографа Иоанна Зосимы, тезис о «посвященности», «избранности» личности нашел благодатную почву в грузинском эгоцентризме, вырос в идеологическую доктрину «исключительности грузинской расы», составляющую скрытую суть звиадизма.

Согласно этой теории, грузины принадлежат к первородной, так называемой «протоевропейской», «протоарийской» или «иафетической» расе, которая доминировала в древней цивилизации, однако начиная с III тысячелетия до н.э. была вытеснена цивилизованными индо-европейскими (арийскими) племенами и осталась прикованной к кавказским горам, как легендарный Прометей.

Грузинская нация, согласно Гамсахурдия, после четырех тысячелетий унижения и заточения воскреснет, как библейский Лазарь, и займет прежнее господствующее положение в мире, а в день второго пришествия будет судить все народы, осуществляя миссию Духа Святого.

Главный тезис доктрины Гамсахурдия состоит в том, что грузины являются уцелевшим островком (наряду с басками на Пиренеях и «кельто-иберами» в материковой Европе) некогда обширного прото-европейского расово-языкового океана, берущего начало в Иафете, одном из трех сыновей Ноя.

Иафет, наряду с Симом, – основатель благословенного рода. Если миссия Сима

– явить миру Мессию – завершается в первых веках н.э., то миссия Иафета – распространять Христианство и создать Христианскую цивилизацию, быть носителем Духа Святого и *быть судьей*.

Первая цивилизация, утверждает Гамсахурдия, – иафетическая цивилизация, она же протокартвельская, ибо гора Арарат, от которой распространялось человечество после потопа, первоначально называлась «Карду» («арарат» идет от более позднего «урарту»). Другие названия этой перворасы: протоевропейская, протоарийская, лигуро-иберийская, эускар-алардийская, иберско-кавказская. Это была единая раса, единый язык, единая культура. Она занимала территорию Средиземноморья, Северной и Южной Европы, Пиренеев, Эгейского архипелага, Малой Азии, Кавказа, Индии.

Начиная с III тысячелетия до н.э. происходит нашествие индо-европейских племен, занимавших территорию от Средней Европы до Урала и Аральского моря. Во II тысячелетии до н.э. индо-европейское племя *арийцев* окончательно побеждает иафетическую расу, которая резко сокращается в численности и вытесняется на Кавказ (частично – на Пиренеи), что образно отражено в античных мифах, в частности в мифе о Прометее, прикованном Зевсом к Кавказским горам. Зевс, как считает Гамсахурдия, – это индо-европейское начало (силовое, властное), Прометей (в грузинской мифологии – Амираи) – символ протокартвельства (духовное, жертвенно-священническое начало – «похититель божественного огня», «Духа Святого»), орел, ключущий печень Прометей, – имперские силы, истощающие и мучающие иафетически-картвельский первород. Древняя Греция и Рим – индо-европейские цивилизации, основанные на иафетическом духовном фундаменте, Карфаген – последнее пристанище иафетизма (протокартвельского). После его покорения Римом (и семитизации финикийскими пунами) чисто иафетическим (протоевропейским) народом является только грузинский народ (а также баски и «кельто-иберы»). Так утверждает Гамсахурдия.

«Прикование» первоевропейской, картвельской, грузинской нации к Кавказским горам – «заточение», «погребение», «страдания» грузин – является выражением таинства «смерти», «погребения» («тления»), «распятия». Это – причащение грузинской нации Распятию, Христу, Духу Святому. Как Лазарь, грузинской народ «погребен», и его «погребение» будет длиться четыре «дня», то есть четыре тысячелетия (согласно Давиду Псалмопев-

цу, «день – это тысячелетие»). После этого грузинский род будет воскрешен, как Лазарь, то есть вернется к жизни, снова займет господствующее положение в мировой цивилизации – как духовный вождь и судья, как христианский (иафетический) культурно-этнический универсум. Эти четыре тысячелетия кончатся в 2000 году.

Библейский Лазарь и Иоанн Апостол – это, согласно доктрине Гамсахурдия, одно и то же лицо, ибо только о них в Новом Завете сказано: «любимы» Христом. Иоанн Апостол – провидец (духовный свидетель) Конца Света («Апокалипсиса») и Судного Дня. Иоанн видит себя в этот День восседающим одесную архангела Михаила (Откр. 19, 9–21).

Иоанн Апостол – также названный сын Богородицы (преемник Христа), а земной удел Богородицы, согласно преданию, это – Иверия (Грузия), которую она дала крестить св. Нине (333 год). Кроме того, Богородица – воплотельница Духа Святого. Таким образом, делает вывод Звиад Гамсахурдия, Грузия – после «воскрешения» – станет тем, кем стал Иоанн, – пророком и свидетелем Второго Пришествия, носителем Духа Святого и средством Суда над грехами мира (над народами мира). Духовная миссия Грузии – это миссия Духа Святого, Грузия призвана разоблачать мир, *свидетельствовать истину* о Христе, – говорит Звиад Гамсахурдия.

«Грузинский язык – Лазарь среди всех языков. Это – первичный, главный язык, так же как Лазарь-Иоанн был главным апостолом Иисуса Христа», – вот лейтмотив филологических анализов З.Гамсахурдия («Духовная миссия Грузии», Тб., 1990).

Ему же принадлежит следующие слова: *«Миссия грузинского языка, грузинского рода та же, что и миссия Святого Духа, то есть при помощи грузинского языка, грузинского рода Святой Дух осуществит свою миссию, когда будет судить человечество во время Второго Пришествия»* («Хвала и слава грузинского языка», журнал «Цискари», № 3, 1987).

«Грузинский язык, грузинский род, прославленный и благословенный именем Господним, Лазарь среди языков и наций, после 4 дней (4 тысячелетий) смерти, унижения и смирения, должен выполнить неслыханное свидетельство Христу, восстанет в будущем, возвратит универсальную позицию духовного пастыря человечества, а во второе пришествие Христу станет разоблачителем (судией) греховного человечества, чем выполнит миссию Христа-Михаила и Св. Духа-Гавриила» (там же).

Таков идеологический базис новой власти в Грузии. Не уверен, что на нем можно воздвигнуть здание демократии, прав человека и межнационального согласия, равно как и независимой государственности. Дурман ультранационализма, даже доктринального, – это то, что менее всего нужно изнуренному рабством, ослабленному грузинскому народу. Нужно реальное видение мира, нужна реальная политика и реальные политики. Не вожди и не оракулы, и тем более не квислинги. ●

Тенгиз Гудава

О Б Р А Щ Е Н И Е к Президенту СССР

Господин Президент!

В Конституции СССР записано, что Юго-Осетинская автономная область находится в составе Грузинской ССР. Но нигде не сказано, что Южная Осетия является колонией Грузии и что грузины имеют право уничтожать осетинский народ. А ведь именно так поступают грузинские националисты в Южной Осетии с ноября 1989 года. Количество жертв – убитых, удушенных, изувеченных... – перевалило за тысячи. В СССР масштаб трагедии принято измерять количеством смертей, а не количеством страданий.

Их количество, господин Президент, растет. Но разве кровь и страдания являются платой за честь, достоинство и безопасность нашего народа?!

Расстрел в день Рождества 7 января 1991 года мирных, никому и ничем не угрожавших жителей г. Цхинвали, убийства, продолжающиеся и по сей час, ликвидация автономии малочисленного народа в период строительства правового государства, упразднение советских структур власти, правоохранительных органов, похищение руководителей правительства, народных депутатов, убийства, грабежи, зверские избиения, поджоги жилищ и целых деревень, варварский разгром государственных, партийных учреждений, незаконные аресты, взятие заложников, нападения на части Внутренних войск МВД СССР, находящиеся в Южной Осетии, избиения журналистов... не слишком ли много бесчинств на клочке осетинской земли?! Что еще должны сотворить распоясавшиеся оккупанты, чтобы кто-то в государстве призвал их к порядку, встал на защиту гуманизма и законности в Южной Осетии?

Как известно, Верховный Совет Грузии отверг все решения Верховного Совета

СССР, дающие хоть какие-то права Юго-Осетинской автономии. Теперь же отвергнуты ваши Указы, защищающие жизни людей в Южной Осетии.

Бесчинства и смерть продолжаются, и некому руку протянуть в помощь малочисленному осетинскому народу.

Господин Президент!

Чем можно оправдать такое отношение к Южной Осетии? Ничего более того, что требуют народы СССР, осетины для себя не хотят: конституционные гарантии национальной и политической безопасности, участие в заключении Союзного договора.

В 1989 г. Южная Осетия провозгласила автономную республику в составе ГССР и была подвергнута разгрому национал-коммунистическим правительством Грузии. Когда же грузинский парламент отменил ГССР и признал советскую власть в Грузии незаконной, а затем открыто заявил о выходе из СССР, Южная Осетия провозгласила республику в составе СССР в полном соответствии с желанием народа остаться в федерации. И вновь льется кровь нашего народа.

Господин Президент!

Вы, первый политик СССР, не можете не видеть принципиального различия между осетинами, старающимися повысить свой статус политическими решениями, и теми, кто насильем стремится уничтожить Южную Осетию вовсе. Термин Южная Осетия уже изъят из обращения в среде грузинских нацистов. Да, боль Осетии от вас далека, и стон малого народа тонет в шуме большой политики. Но мы – христиане и молимся Учителю. Он сострадает нам. Ему претит лукавство политиков, подменивших справедливость осетин «сепаратизмом» осетин и, тем успокоив совесть, бесстрастно взирающих на открытые раны Южной Осетии.

Господин Президент!

Указ 7 января 1991 г. вызвал бурю фарисейского возмущения в Грузии, резко усилил антиосетинские настроения в республике и еще более усугубил и без того критическое положение нашего народа. Никем не было предпринято ни единого действия для исполнения Указа: народ Осетии был просто обманут. Лживая грузинская пропаганда вновь взяла верх: Указ был назван «сатанинским», и ваши советники свернули его, проигнорировав тот факт, что именно в праздник Рождества 7 января от пуля убийц в форме милиции Грузии пали первые ни в чем не повинные жертвы: дети, женщины, юноши. Смерть – не самая страшная из бед, разгуливающих уже более двух лет в Южной Осетии. Разрушение веры и растаптывание нацио-

нального достоинства народа – вот преступление!

Третий месяц Южная Осетия отключена от внешнего мира, не работает почтовая, телефонная, телеграфная связь. В область прекращена подача электроэнергии и выключено полностью водоснабжение в городе Цхинвали – центре так называемого «осетинского сепаратизма». Более трех месяцев длится вооруженная экономическая блокада, в области голод, хотя собакам и кошкам еще безопасно бродить среди голодного населения... Но небезопасно стало ходить по улицам гражданам: похищен глава Юго-Осетинского правительства, взяты в заложники народные депутаты Южной Осетии. Под постоянной угрозой физической расправы активисты общественного движения. Политический терроризм стал официальной политикой человеконенавистнического правительства Грузии. На всякое самостоятельное гражданское движение прокуратура Грузии отвечает санкциями на арест, творя произвол и безнаказанное насилие.

Что же происходит, господин Президент?!

За стремление состоять в СССР, за поддержку курса реформ Президента СССР, за приверженность законам и Конституции СССР Южная Осетия подвергается разгрому со стороны правительства, не признающего ни Конституцию СССР, ни Президента СССР, ни сам СССР!

Господин Президент!

Есть ли в вашем государстве справедливость?

В том советском государстве, за которое отдали жизни десятки сынов Осетии, худобно, она была. Настолько, что нас в мирное время хотя бы не уничтожали преступники!

Господин Президент!

Загляните, пожалуйста, в список народов вашего государства и засвидетельствуйте нам – числится ли еще среди них народ Южной Осетии? Если да, то вы клятвопреступник, ибо еще недавно клялись на Конституции СССР быть гарантом безопасности советских народов и борцом за справедливость. Южная Осетия не просит милости, она ни перед кем и ни в чем не виновата, она требует от вас исполнения президентского долга – восстановления действия законов и Конституции СССР на территории Юго-Осетии, введения прямого президентского правления для прекращения насилия, восстановления справедливости и прав осетинского народа. ●

Принято на многотысячном митинге в г. Цхинвали 9 февраля 1991 г.

Р. Бахтало

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ НАМ ВЫБИРАЮТ

Аналитический обзор

Всякая ломка общественных отношений только тогда обретает право именовать себя революцией, когда выдвигает на передний план вопрос о диктатуре. Диктатура может состояться или не состояться (зависит от обстоятельств), в роли диктатора может выступить вождь революции или кто-то другой, но сама эта вероятность буквально растворена в воздухе революции. Более того, диктатура, выросшая на иной почве, собственно и не диктатура, а ее эрзац, дерево, лишенное корней.

1

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ

По крайней мере в этом смысле перестройка выдержала экзамен. Верно, что каждый ее шаг, взятый в отдельности, не отличался ни решительностью, ни последовательностью. Но как раз поэтому борьба долго шла *вполнакала*. И сторонники, и противники никак не могли понять, приблизилась ли перестройка к той черте, за которой перемены становятся *необратимыми*. Собственно, этого мы не знаем и сейчас. Зато мы знаем, что большие группы людей (я поостерегся бы называть их классами) осознали, что любой следующий шаг — влево или вправо, вперед или назад — угрожает их жизненным интересам. Внешним выражением этой действительно революционной ситуации и стала опасность *диктатуры*.

Кажется, Андрей Дмитриевич Сахаров был первым, кто обратил внимание на опасность. Правда, речь тогда шла не о диктатуре, а всего лишь о сосредоточении власти в руках М.С.Горбачева, человека, вроде бы к диктатуре не склонного. В самом желании сменить по-советски безликое, лишенное конкретного содержания амплуа председателя Верховного Совета на четко определенный мировой практикой институт президентства не было ничего странного и настораживающего. Станным и настораживающим было другое — *легкость*, с которой Горбачев, еще совсем недавно противившийся этой замене, вдруг не только на нее согласился, но и стал активно добиваться поста президента. Зачем?

Нет такой практики, которую нельзя было бы подкрепить теорией. Известные политологи А.Мигранян и И.Клямкин объяснили нам, что бывают обстоятельства, когда сильная власть необходима. Например? Например, при переходе от каких-то других отношений (феодалных, социалистических и т.п.) к отношениям свободного рынка. Сама идея представляется мне спорной. Сейчас, однако, интересно не это. Интересно, что авторам, людям опытным, не пришла в голову простая мысль: сильная власть необходима не только тому, у кого *есть* программа, но — в меньшей степени — и тому, у кого ее *нет*. Видимо, мы привычно исходим из мысли, что средства нужны для *определенной* цели. А ведь, наверное, бывает и иначе: сначала приобретают средства, а уж потом, по обстоятельствам, выбирают цель. Средства зависят от цели? Не обязательно. Власть — средство *универсальное*.

Не думаю, чтобы Горбачев когда-нибудь четко представлял себе цель перестройки, облик мира, который он ожидал увидеть в конце творения. Единственное условие, постоянно звучащее во всех его выступлениях, сводится к тому, что любые перемены должны быть в рамках *социалистического* выбора.

Вряд ли кто способен объяснить, что это значит. Определение социализма, изначально туманное, в последние годы утратило всякое содержание. Похоже, однако, что Горбачеву это не так важно. Для него социализм — не столько общественный строй, сколько *пароль*. Пароль, связывающий его с прошлым: с молодостью, с дерзкими спорами о том, в чем прав и в чем неправ Сталин, с книгами, конспектами, с посевными и уборочными кампаниями. И, конечно, с *единомышленниками*. Людьми не обязательно тех же взглядов, но обязательно сторонников социалистического выбора. Ибо как бы эти люди ни расходились в частностях, в главном они едины: с социалистическим строем связаны все их интересы, все успехи, вся их *жизнь*. Вся жизнь — это совсем не так мало.

Причины медлительности перестройки, ее половинчатости и непоследовательности мы долго искали вонне: в сопротивлении аппарата, в неготовности народа к восприятию рыночной системы ценностей. Теперь уже очевидно: основная причина была *внутри*. Инициатор перестройки был по совместительству и ее главным *саботажником*.

До поры до времени эта его вторая роль вуалировалась обстоятельствами. Однако летом прошлого года Горбачев оказался в ситуации, когда ему, и только ему, предстояло сделать выбор. Формально выбирать надо было между планом правительства и программой "500 дней", в действительности — это был выбор *политики*. Любопытно, что как человек президент оказался на высоте, план Шаталина—Явлинского понравился ему больше, чем аморфный и вялый план правительства. Но как политик он быстро оценил последствия. Программа Шаталина—Явлинского давала серьезные шансы вывести страну из тупика. Однако вывести *куда?* В мир чужой и враждебный, противоречащий всем представлениям президента. Мир, где ему, родной партии и ее институтам не будет места.

То, что произошло дальше, трудно объяснить в понятиях обычной логики, но это вполне соответствует специфической логике Горбачева. Поручив подготовить компромиссный вариант и публично одобрив его, президент затем отклонил все три варианта программы реформ и начал с *начала*.

С какого момента? Да, пожалуй, с самого апреля 1985 года. По крайней мере в выступлениях главы кабинета министров Павлова звучат полузабытые мотивы: повышение темпов развития тяжелой промышленности, научно-технический прогресс. Впрочем, сам Горбачев убежден, что главное сейчас — "восстановление привычных связей". Вот уж восстановим — и вернемся в блаженную эпоху застоя. В благословенные времена, когда — помните? — все в магазинах было: и соль, и спички, и даже любительская колбаса. Что еще нужно человеку для счастья...

Не знаю, предвидел ли Горбачев *последствия* своего решения. Как марксист должен был предвидеть. Отказ от перехода к рыночным отношениям означал, что власти прощаются с надеждой остановить *падение производства*, что с этого момента у них остается только один путь сохранения относительного равновесия в экономике — *снижение жизненного уровня* населения.

Легко было предсказать, к чему это приведет. К обострению самых разных конфликтов. *Национальных*, ибо даже малая вероятность выжить в одиночку предпочтительнее коллективного самоубийства. *Специфических* (таких, как забастовки шахтеров), обусловленных инфляцией и исчезновением товаров, то есть подрывом того "статуса", который как-то способен оправдать и профессиональный риск, и дикие условия труда, и беспросветную жизнь. *Социальных* (которые охватят уже остальные слои населения), вызванных падением уровня и качества жизни ниже того, что в СССР принято считать прожиточным минимумом. Наконец, *политических*, потому что какой бы слабой, разобщенной и неуверенной в себе ни была оппозиция, в одном она едина: на пути назад выхода нет.

С этого момента, с отказа от программы экономических реформ, и начинается то, что называют "сползанием президента вправо". По сути же *зондирование*, проверка разных путей к диктатуре. Не рискуя предлагать полную классификацию возможных моделей, назову некоторые: популистская, националистическая, военная, наконец, модель классовая. Разумеется, любая модель редко встречается в чистом виде, обычно мы имеем дело с их комбинацией. При желании каждую модель можно персонифицировать. В новой, разнокалиберной команде президента есть, похоже, специалисты на все случаи жизни.

Неверно представлять дело так, будто эти модели используются впервые. Все они изобретены на заре советской власти и многократно опробованы как в новой, так и в новейшей истории. Нынешний этап отличается от прежних лишь *концентрацией*: пожалуй, никогда раньше средства давления не применялись столь густо и целенаправленно.

Сигналом, видимо, надо считать декабрьские выступления председателя КГБ Н.Крючкова. В них есть все. Отечественная забота о "честных тружениках", чьи деньги перекочевывают в карманы жуликов. Предупреждение об угрозе, исходящей от народных фронтов, вооруженных формирований и "крайне радикальных течений", которые врвутся к власти. Стремление уберечь от дискредитации армию, органы прокуратуры и госбезопасности, милицию. Впечатляющая картина деятельности иностранных спецслужб: сбор информации, выработка новых форм и методов борьбы, экономический саботаж, подрыв финансовой системы, стремление навязать нам "сомнительные идеи и планы выхода страны из сложной ситуации".

Горбачев эти программные положения не опроверг, но и не одобрил публично. Это значит: он не слишком уверен в том, что подобные механизмы сработают — уж слишком они элементарны. Однако за неимением лучшего он решил попробовать. При условии, что сам президент останется в стороне, а при необходимости сможет повернуть назад. Даже в этих обстоятельствах для него важно сохранить свободу *маневра*.

Видимо, с некоторых пор такая ситуация правых устраивает. У них пока не хватает сил, чтобы взять власть в свои руки, но достаточно — чтобы под прикрытием "законной" власти попытаться сдвинуть страну в нужном направлении. Как ни странно, эта перспектива устраивает и самого Горбачева, ибо дает ему возможность, оставаясь *центристом*, сдвигаться вправо, то есть именно туда, куда влекут его собственные пристрастия.

Двойная логика просматривается всюду. Можно долго спорить о том, насколько причастен лично президент к событиям в Литве и Латвии. Сомневаюсь, что приказ создать комитеты национального спасения или пустить в ход оружие отдал он. Перед нами, очевидно, то, что в уголовном праве именуется косвенным, или *эventуальным*, умыслом: человек не желал наступления преступного результата, он "всего лишь" его *допускал*.

Допускал — и боялся. То есть, боялся, разумеется, не самого результата (опыт Алма-Аты, Сумгаита, Тбилиси, Баку, Оша и др. свидетельствует, что подобных вещей Горбачев как раз не боится), а реакции на него. Так сказать, *последствия последствий*. Не берусь судить, оказалась ли реакция такой, как ожидал президент, или более сильной, — во всяком случае реакция оказалась достаточной, чтобы он счел за лучшее остановиться и отмежеваться.

"Путчисты" в Прибалтике явно поторопились. Обе использованные ими карты — национальная и военная — оказались не той *масти*. В своем стремлении скорее утвердить суверенитет руководителей Литвы и Латвии допустили ошибки. Однако не настолько серьезные, чтобы вызвать всеобщее недовольство некоренного населения. Без этого же всякая акция должна была повиснуть в воздухе. И повисла: далеко не все коммунисты ее поддержали. Комитеты оказались в положении правительства Куусинена времен советско-финской войны. Даже Сталин предпочел о нем забыть. Иосиф Виссарионович вообще был человек благоразумный: за версту чуял опасность. Боясь, что нынешнему главе государства благоразумия не хватает.

Иначе он поостерегся бы разыгрывать национальную карту в многонациональной стране.

Что касается военной карты, то теоретически она вполне годилась. Но вводить военное правление в одной, отдельно взятой республике было нелепо, а к всеобщей военизации страна не готова. Тут надо менять все: лозунги (например, "нового мышления"), систему руководства, внешнюю политику. И, подозреваю, *саму армию* Участие в патрулировании, конечно, шаг в правильном направлении — пусть солдат привыкает чувствовать себя *хозяйном улицы*. И все-таки одно дело задержать пьяного хулигана, и совсем другое — стрелять в бастующих, в участников "массовых беспорядков". Понятно, генералы готовы отдать приказ. Но *выполнят* ли приказ солдаты? Страшный вопрос, ответа на который никто не знает.

Пожалуй, самая сильная (а потому и ходовая) сейчас карта — *популизм*. Рядовой человек сбит с толку, дезориентирован. Он чувствует, что все рухнет: идеология, денежная система, быт, привычная шкала ценностей, сам образ жизни. Прошлое ужасно, настоящего нет, в будущем ему обещают беды и потрясения. Он мечется, ищет виновных. Он недоверчив, подозрителен и — одновременно — готов принять на веру любую чушь, лишь бы она давала надежду и отвечала смутным видениям равенства и справедливости.

За шесть лет перестройки Горбачев растерял все: сторонников, реальную власть, уважение, доверие. И если он на чем-то держится, то скорее всего на повторении все тех же лозунгов о справедливости, равенстве, социальной защищенности. *Защищенность* — именно то, в чем человек, доведенный до отчаяния, нуждается сильнее всего.

Надо признать, что теперь этот лозунг — уже не только слова. Чем меньше страна производит, тем щедрее ее вожди раздадут воздух. И тем энергичнее призывают к борьбе с силами, которые мешают превратить этот воздух в продукты и товары. Необычайно щедрым был уже закон о пенсиях. Этим законом государство сказало гражданам: "Вы хотите больше денег? Что ж, мы всей душой. И не наша вина, если вы не сумеете их реализовать". Полагаю, так же легко правительство высылало бы и зарплату шахтерам: что за проблема напечатать несколько лишних миллиардов? Останавливает другое — *политические* требования шахтеров.

Столь же энергично используется и еще одно оружие популизма — призывы к борьбе с неравенством и несправедливостью. О денежной реформе (которая, как уверяют, не реформа, а обмен) писали много. Здесь я хотел бы обратить внимание на две детали. Во-первых, для обмена (обмана?) были выбраны самые *крупные* купюры. Почему? Конечно, не потому, что в них сосредоточена основная масса наличности. Расчет был иной: вызвать у рядового гражданина, не отягощенного деньгами, ненависть к тем, кто деньгами владеет, и злорадство по поводу того, как лихо государство с ними разделалось.

И второе. Еще до обмена, в декабре, Крючков поднял сугубо локальную операцию изъятия денег из карманов граждан до уровня высокой *международной* политики. Оказывается, некие "темные силы" только в Швейцарии накопили 12 миллиардов рублей, которые в момент Икс грозят появиться на советском денежном рынке. В нормальном государстве этот БСК, бред сивой кобылы, мог иметь лишь один финал — немедленную отставку председателя КГБ. У нас БСК был одобрен и принят на вооружение.

В январе уже не руководитель ведомства "плаща и кинжала", а глава кабинета министров объявил, что из-за этих самых купюр нам угрожала потеря экономической независимости, что с их помощью частные банки Швейцарии, Австрии и Канады готовились произвести *государственный переворот*: сместить президента, изменить конституционный строй и т.д. Ясно, что это не добросовестное заблуждение и даже не ложь, а элементарная галиматья.

Вообще же в этой истории есть *единственное* обстоятельство, заслуживающее внимания. Почему В.Павлов решил начать свою деятельность на посту главы кабинета министров с элементарной фальшивки? Очевидно, потому, что это его *стиль*.

В отличие от колеблющегося, по-своему честного Рыжкова, новый глава намерен действовать прямо и грубо; что называется, брать нахрапом. А как же с "социальными последствиями", которыми столько лет пугал себя и нас Горбачев, оправдывая собственное бездействие?

Смешно думать, что президент их не боится. Боится, конечно. Но надеется *нейтрализовать*. Имея представление о стиле Павлова, не так уж трудно предвидеть средства нейтрализации. Все та же игра на национальных и социальных противоречиях, использование привычного образа "врага". А если этого будет недостаточно, то и *силы*. То есть всего, что в нашем сознании ассоциируется с *диктатурой*.

2

НЕОБХОДИМО И ДОСТАТОЧНО

Написал "ассоциируется с диктатурой" — и задумался. А собственно, что мы знаем о диктатуре? О тех экономических, политических, социальных факторах, которые делают страну восприимчивой к диктатуре, об условиях, позволяющих реализовать эти возможности; наконец, о природе и особенностях самой диктатуры.

Проще, пожалуй, начать с конца. Термин "диктатура" имеет два основных значения. Во-первых, это форма государственного устройства, при которой вся власть в стране сосредоточена в руках одного человека или узкого круга лиц. Легко видеть, что слово в этом значении не несет *никакой окраски* — ни положительной, ни отрицательной. Окраску придает ему второе значение: диктатура как метод властвования обычно связана с насилием, жестокостью, подавлением несогласных, попранием человеческих прав.

К этим значениям я добавил бы еще *характеристический* признак. Диктатура обычно связана с *ломкой* традиционной для данной страны формы правления, независимо от того, была ли она демократической или, скажем, тиранической. Правление Людовиков во Франции или того же дома Романовых в России никак не назовешь демократическим. Но это, безусловно, и не диктатура, ибо королевский (царский) строй в каждой из этих стран сложился исторически. Это был строй *законный*, легитимный, а следовательно, его сохранение в принципе не требовало ни чрезвычайных мер, ни постоянного насилия. Насилия как метода удержания захваченной власти.

Гораздо труднее указать *предпосылки* диктатуры, условия, которые делают ее возможной. Отчасти это связано с тем, что новейшая история дает нам не так уж много примеров диктатуры чистого, классического типа. В XIX веке — Наполеон Бонапарт, в XX — Муссолини, Сталин, Гитлер, Франко, Салазар. Конечно, список этот можно дополнить, включив в него Робеспьера, Наполеона III, "черных полковников", генерала Пиночета и иных латиноамериканцев, даже "императора" Бокассу. Но одни из этих диктаторов властвовали так мало, что не успели проявить себя ничем, кроме жестокости, другие правила в странах с неразвитой государственностью.

Все-таки первая предпосылка, несомненно, *экономическая*. Разоренная революцией и непрерывными войнами Франция, экономический хаос в послевоенной Италии, буксующее, зажатое в тиски перепроизводства и инфляции хозяйство Веймарской республики. А вот с Советским Союзом второй половины 20-х годов уже сложнее. Экономический спад, вызванный "ножницами" в развитии города и деревни (или, если брать глубже, между укладом хозяйства и формой правления, между экономикой и политикой), еще только начинал обозначаться. Здесь правильнее говорить не об экономических, а о *социально-экономических* предпосылках диктатуры. Положение политически наиболее активных групп населения не было ни безнадёжным, ни даже тяжелым. Но "победителям" нестерпимо было видеть, что "классы", потерпевшие поражение в гражданской войне, выигрывают в экономическом соревновании, что вновь восстанавливается та *социальная иерархия*, против которой они боролись.

Третью группу причин можно назвать *социально-политическими*. Ни в одной из названных выше стран не было ни прочных демократических традиций, ни государственных институтов, имеющих опыт функционирования в условиях демократии, ни развитой системы рыночных отношений. О Советском Союзе и говорить нечего. Но и послевоенная Германия 20-х годов чувствовала себя в республиканском наряде, словно в платье с чужого плеча. Отсутствие твердой и авторитетной (имперской) власти ощущалось как хаос и безвластие; экономическая свобода — как отсутствие всяких правил. Напомним, что именно в Германии (в Пруссии) зародилась система централизованного управления хозяйством, которая так восхищала и Маркса, и Ленина...

Еще одна предпосылка — такое состояние государства, когда существующий режим оказывается как бы в *вакууме*, в обществе нет сил, заинтересованных в его сохранении. Группа заговорщиков, арестовавших Робеспьера и захвативших власть, была малочисленной и не пользовалась поддержкой в обществе. Однако за Робеспьером к этому времени вообще никто не стоял, он был уже не пророком, а мрачной тенью революции. И Наполеон в 1799 году был совсем не так силен — беглый генерал, оставивший в Египте свою терпящую поражение армию. Однако вечно колеблющаяся, раздираемая внутренними распрями Директория держалась только потому, что никто не решался ее толкнуть. Наполеон решился.

Вот эти обстоятельства образуют фон, благоприятствующий *падению* режима. Однако совсем необязательно — замене его диктатурой. Это, так сказать, условия необходимые, но *недостаточные*. Чтобы из всех возможных вариантов нового государственного устройства реализовался именно вариант диктатуры, необходимы дополнительные условия.

Прежде всего, *идея*, способная увлечь широкие массы. Идея настолько крупная и привлекательная, что заранее оправдывает *издержки*, связанные с ее осуществлением: сосредоточение всей полноты власти в руках диктатора, отказ от обычных норм права и нравственности, насилие, жестокость.

Для Франции начала прошлого века это была идея Великой революции. Наполеон не просто взял власть, чтобы осуществить (сначала во Франции, а затем во всем мире) идеи свободы, равенства, братства. И французские войска не просто занимали чужие территории, они выполняли миссию, освобождали народы от феодального рабства, несли им свет революции. Это была правда, но не вся правда, потому что постепенно (и чем дальше, тем больше) осуществлялась подмена: цели революции подменялись интересами Франции, интересы Франции — интересами самого Наполеона, среди которых на первое место выдвигалась диктатура, абсолютная власть императора.

Все главные модели диктатуры XX века — итальянская, германская и советская — прямо связаны с двумя основополагающими принципами. Во-первых, *государственно-монополистических* методов регулирования экономики. Во-вторых, тоталитаризма — то есть системы, обеспечивающей государству максимальный контроль над всеми проявлениями общественной и личной жизни. Это, однако, не значит, что понятия диктатуры, регулируемой экономики и тоталитаризма тождественны. При определенных обстоятельствах диктатура может допустить (как это сделал генерал Пиночет) существование свободного рынка и вовсе не претендовать (пример — генерал Франко) на тотальный контроль над общественной и частной жизнью. Впрочем, в XX веке это скорее исключение, чем правило.

Что касается *классических* диктатур, то их отличают лишь разные формы реализации этих принципов и выбор сопутствующих им идей. В Италии Муссолини регулирование экономики осуществлялось в форме так называемого *корпоративного* государства, призванного обеспечить сотрудничество труда и капитала, гармонизировать их отношения, в качестве сопутствующей идеи была выбрана идея возрождения прежнего величия, величия Древнего Рима. Нечто похожее (с упором на *тотальную* роль государства и превосходство арийской расы) проповедовал Гитлер. В Советском Союзе центральная идея — построение идеального *коммунистического* общества

— вобрала в себя все: обобществление собственности, уничтожение враждебных классов, тотальный контроль над обществом и человеком, интернационализм, национализм...

Надо признать, что будущие диктаторы неплохо разбирались и в психологии собственного народа, и в особенностях "текущего момента". Участие в Первой мировой войне стоило Италии многих жертв и не принесло особых лавров — народ чувствовал себя обманутым и обделенным. Призыв возродить славные традиции Древнего Рима был тут весьма кстати.

Германия не только проиграла войну, но лишилась колоний и земель, которые немцы считали своими. Она была оскорблена и унижена. По Версальскому договору численность немецкой армии была ограничена 100 тысячами, обязательная военная служба отменялась, большая часть военного флота передавалась союзникам. Германия должна была выплачивать репарации. В этих условиях гитлеровские лозунги превосходства арийской расы, особой миссии создания нового порядка, возложенной провидением на Германию и ее народ, не могли не привлечь миллионы.

На долю российской армии в войне выпали, пожалуй, самые тяжкие испытания. Не хватало самого необходимого: орудий, снарядов, продовольствия, обмундирования. Солдаты годами мерзли в окопах, купались в грязи, кормили вшей. Они не слишком разбирались в доктринах научного коммунизма, но идея *светлого* будущего — мира, своей земли, всеобщего равенства и справедливости — была близка им вдвойне. И как антитеза ужасам настоящего, и как утверждение традиционных идеалов. Издержки же этого пути — отсутствие свобод, насилие, жестокость — были привычными и потому не пугали.

Мы знаем, конечно, что идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами. Но о самом процессе *овладения* нам почти ничего не известно. Думаю, большую (а может быть, и решающую) роль тут играет *практический потенциал* идеи — те конкретные выгоды, которые она обещает. И не в отдаленном, абстрактном будущем, а *завтра*.

Гражданам бедной Италии идея возрождения римского величия открывала дорогу в экзотические страны, обещала хлеб и зрелища, славу и благополучие; немцам — избавление от унижительного мира, положение избранной расы — расы господ; российским крестьянам — мир и землю, рабочим — фабрики и заводы.

Насколько оправдались эти ожидания? Вопрос чрезвычайно сложный. Не вызывает сомнений, что все диктаторские режимы XX века (хотя и не только они) использовали идеи английского экономиста Джона Мейнарда Кейнса, идеи *государственного регулирования* экономики. Различие состояло лишь в формах воплощения идеи. Иначе говоря, в выборе того или иного сочетания элементов свободного рынка и государственного вмешательства, или, говоря по-современному, в *степени регулирования* рыночных отношений.

Известно, что в первые годы революции Ленин выступал за полное искоренение рынка, создание экономики, *целиком* управляемой государством. Именно эта программа (хотя и в несколько смягченном виде) была положена в основу сталинского плана коллективизации и индустриализации. Видимо, при определенном (низком) уровне производства эта модель способна обеспечить сравнительно высокие темпы развития. Однако в *долговременной перспективе* она неэффективна. Это ее свойство проявилось уже в последние годы жизни Сталина. Дальше тенденция падения стремительно нарастала. Можно допустить, что нелепая горбачевская перестройка *ускорила* этот процесс. Но вызвала его не она, крах самой этой модели был *запрограммирован* в сталинском плане реконструкции.

Муссолини, Гитлер и другие диктаторы выбрали иную модель, не столь радикальную. Теории "корпоративности", "народного сообщества" и пр. тоже исходили из безусловного приоритета государственных интересов, безусловного права государственной власти определять экономическую политику. Однако на практике эти диктатуры были куда *осторожнее*. Они сохранили частную собственность, допустили (в известных пределах) рыночные отношения. Дело, понятно, не в том, что

Гитлер был мягче или "буржуазнее" Сталина. Просто он понимал, что эта модель *эффективнее*. Не случайны более поздние диктатуры (в Испании, Китае, Ираке) взяли за основу не советскую, а итальянскую или немецкую модель. Конфликт в Персидском заливе позволил советским телезрителям получить наглядное представление о сравнительных достоинствах обеих моделей. Даже в условиях войны и блокады иракские лотки и магазинчики были полны товаров.

Конечно, многое зависит от точки отсчета. В сравнении с Веймарской республикой немецкая экономика при Гитлере процветала: строились дома и автострады, удалось ликвидировать безработицу, работнику был гарантирован скромный, но прочный достаток. Если же принять за точку отсчета современную Германию, то все станет на свои места: гитлеровское "народное сообщество" окажется государством благопристойной бедности. Причем даже это, весьма относительное благополучие было непрочным. Агрессивная политика Гитлера была во многом вынужденной: к концу 30-х годов возможности экономического развития Германии были исчерпаны, страна вползала в эпоху нового кризиса.

Все это, однако, было впереди. Для рядового немца времен Веймарской республики в программе Гитлера было немало привлекательного. Как и в программе Сталина — для миллионов "победителей", обманутых нэпом в своих чувствах и ожиданиях.

Для осуществления диктатуры необходим, очевидно, и *механизм* диктатуры. Прежде всего, разумеется, механизм подавления. Однако для системы, тяготеющей к тоталитаризму, еще важнее другая функция — *организаторская*, способная привести хозяйство и весь уклад жизни в соответствие с новой моделью. Одних только насильственных структур (армия, полиция, секретные службы) тут недостаточно — об этом свидетельствует хотя бы диктатура "черных полковников" в Греции. Чтобы справиться с этими функциями, нужна организация достаточно массовая и универсальная. Все *серьезные* диктатуры XX века использовали в качестве такого инструмента массовую *партию*: фашистскую, коммунистическую, национал-социалистическую.

Наконец, последнее условие диктатуры — личность диктатора. Не станем перечислять такие "сопутствующие" качества диктатора, как властолюбие, жестокость, изворотливость и т.п., — тут все ясно: *noblesse oblige*, положение обязывает. Гораздо важнее понять те свойства личности, которые открывают именно этому человеку путь к вершинам власти. Харизма? Здесь велика опасность поставить телегу впереди лошади. Человек, достигший почти нечеловеческого могущества, конечно же, кажется необыкновенным, — но как раз потому, что он этого могущества достиг. На людей, знавших "великого человека" в иные времена, он далеко не всегда производил сильное впечатление — может, потому диктаторы и не очень жалуют людей из своего прошлого. Гитлера, например, многие воспринимали как дешевого демагога и горлопана, человека психически неуравновешенного, со слабой волей и склонностью к депрессии. Сталин был человеком не только малообразованным, но и неконтактным — он избегал митингов, всякого общения с массой людей.

Верно, видимо, другое. Будущий диктатор должен быть *фанатиком*. Фанатиком идеи — общей и личной, позволяющей *отождествлять* собственную персону с идеей, будь то величие нации или построение светлого будущего. Этот момент чрезвычайно существен, ибо избавляет диктатора от сомнений. Происходит подмена понятий. Поскольку идею олицетворяет диктатор, то его противник (человек, группа, класс, народ) автоматически становится врагом идеи. Так к концу войны Гитлер пришел к грустному выводу, что в поражении виновен сам немецкий народ — он не достоин собственной миссии. Против Саддама Хусейна восстало все население Ирака: шииты, сунниты, курды, христиане. Значит ли это, что ему пора уйти? Конечно, нет. Потому что не они, а он олицетворяет идею. Идею объединения арабской нации, создания Великого халифата, второго Вавилона.

Как ни мало мы знаем о законах истории, одно можно сказать определенно: развитие исторических событий не подчиняется *правилам арифметики*. Поэтому смысл предыдущих рассуждений не в том, чтобы подготовить таблицу "условий диктатуры", расставить в ней плюсы и минусы, складывать и вычитать. Цель тут другая: обозначить хоть какие-то, пусть предварительные, *ориентир*ы. Иначе мы рискуем свести дискуссию о диктатуре к диалогу: "Она (диктатура) будет, потому что будет", "Ее не будет, потому что не будет".

Попробуем подойти к проблеме иначе – выявить ту хозяйственную особенность нынешнего периода, которая определяет *потребность* в диктатуре. Думаю, что эта особенность – ситуация в *экономике*. Переход к рыночным отношениям – при всех его трудностях и опасностях – оставял надежду на повышение эффективности производства, увеличения выпуска товаров. Отказ от этого перехода лишил страну этой надежды. Теперь уже очевидно, что дефицит товаров (и без того угрожающий) будет *нарастать*. Единственное, что остается в этих условиях, – изъятие денег у населения, *снижение* жизненного уровня. Смысл таких мер, как обмен денег и повышение цен, и состоит в том, чтобы привести уровень жизни в *соответствие* с эффективностью производства, которую способна обеспечить командно-административная система в ее нынешнем виде. Иными словами, известный принцип "как работаем, так и живем", следует дополнить словами: "а работаем, как позволяет система".

Конечно, в советском обществе есть и другие конфликты, "провоцирующие" диктатуру. Но эта коллизия, повторяю, главная, ибо снижение жизненного уровня вызовет (и уже вызвало) реакцию всей массы населения. Что может сделать руководство, чтобы нейтрализовать эту реакцию?

Идея светлого будущего уже не пройдет, люди по горло сыты *светлым настоящим*. Сейчас делается попытка реанимировать эту идею в ее земном исполнении – в форме социалистического выбора. При всей туманности термина он не совсем лишен смысла. Даже двух смыслов. Аппарату этот *выбор* обещает сохранение власти, прочим гражданам – возвращение к прежним порядкам: почти неприкрытое безделье без опасности потерять работу, минимум самого необходимого, дешевое жилье, бесплатная медицинская помощь, дисциплина, порядок... На нынешнем фоне эта серая перспектива могла бы кого-то привлечь. Фокус, однако, в том, что уже и возврат в *эпоху застоя* невозможен. Относительное благосостояние тех лет было возможно лишь потому, что система *паразитировала* на природных ресурсах, прежде всего на *нефти*. Сейчас этот резерв исчерпан, а значит, скольжение вниз будет продолжаться. В таком виде идея вряд ли способна увлечь даже самых терпеливых. Таким образом, мы возвращаемся к исходному пункту: нужна диктатура.

И сразу же сталкиваемся с первым препятствием – отсутствием *программы*. У диктатуры в СССР нет *идейного* потенциала, ей в сущности нечего предложить гражданам. Дисциплина, порядок, снижение преступности – все это, понятно, неплохо. Но лишь в сочетании с чем-то более значительным. Диктатура, которая не в состоянии обещать гражданам ничего, кроме порядка и дисциплины (то есть в сущности ничего кроме *самой себя*), обречена. И главная ее беда в том, что она не способна *гальванизировать* систему, побудить людей *работать*.

Такие попытки, кстати, уже были. Достаточно вспомнить "крутые меры" Андропова: проверки на рабочих местах, облавы в банях, налеты на кинотеатры и магазины. Понадобилось не слишком много времени, чтобы Юрий Владимирович, человек неглупый, понял, что становится всеобщим посмешищем. Кажется, тогда впервые за много лет были произнесены разумные слова: важно не то, *находится* ли человек на рабочем месте, важно, что он там *делает*. Одно из основных достоинств свободного рынка как раз в том, что попутно он решает и эту задачу. Решить ее с помощью облав, контролеров, часовых или даже тяжелых танков не

удается: человека можно усадить за стол, можно заставить что-то чертить, но нельзя заставить думать. Особенно на голодный желудок.

Заметно притупился и поржавел основной инструмент диктатуры, *партия*. Мало того что партия потеряла за последние годы более 10% своего состава, она еще и утратила *монолитность*. Произошло расслоение: по одну сторону барьера оказались члены "внутренней партии" (как назвал ее Оруэлл), по другую – основная масса. Если первой группе диктатура действительно обещает возврат прежних прав и привилегий, то прочим она не сулит ничего, кроме общих для всего народа тягот. Они и раньше имели не слишком много, а теперь аппарату просто нечего им предложить. При нынешней скудости дал бы Бог прокормить самых из самых, костяк внутренней партии. А то ведь перегрызутся...

Еще хуже с армией. Даже сейчас, когда армия используется только на окраинах и в действие вводятся самые надежные части, у руководства нет уверенности, что очередной эпизод не приведет к взрыву. Генералы – да, те готовы отдать любой приказ. Однако чуть ниже, в офицерском корпусе, ясно чувствуется расслоение. Что касается солдата, человека с ружьем, то уже Ленин знал, что ружье стреляет в любом направлении.

Итак, А упало, Б пропало. Конечно, на трубе остался Комитет государственной безопасности, последняя надежда и опора. Замечательно, что с некоторых пор власти этого не скрывают. Председатель КГБ Крючков выступает с важнейшими политическими заявлениями, к органам безопасности апеллирует президент едва ли не в каждом своем выступлении. Тем не менее я не стал бы преувеличивать возможности этой организации. Сила органов – в *бессилии общества*, в общей атмосфере страха. Ни партию, ни армию органы заменить не могут, ибо способны действовать только в подполье, в потемках. Если диктатура выпустит КГБ на поверхность, очень скоро мы обнаружим, что король голый. Собственно, это очевидно и сейчас. Ни в одном действительно серьезном конфликте – в Баку, Оше, Фергане, Новом Узене – сотрудники Комитета госбезопасности ничем себя не проявили. Как они объясняют, им это не по *профилю*. Установление диктатуры, ее осуществление и защита – тоже не их *профиль*. Так что если кто-то рассчитывает на органы, то расчет этот зряшный. Как шестеренка в общем механизме диктатуры секретная служба очень важна, но на роль *опоры*, несущей конструкции она не годится. Даже Сталин, покончив с противниками, поспешил вернуть шестеренку на отведенное ей место.

Теперь о сценариях диктатуры и фигуре диктатора. Видимо, в принципе тут возможны три варианта. Во-первых, переворот, который приведет к власти союз консервативных сил. Во-вторых, сползание Горбачева вправо (сам он, правда, предпочитает именовать правое левым), сосредоточение власти в его руках, постепенное ужесточение режима. Короче, то, что сейчас называют *ползучей диктатурой*. Третий вариант – комбинированный: диктатура консерваторов, прикрывающаяся диктатурой президента; в этой структуре Горбачеву отводится не очень почетная роль марионетки-заложника.

Уже сам факт существования третьего варианта заставляет о многом задуматься. Никто (кроме пескарей-идеалистов) не воспринимал Муссолини, Сталина или Гитлера как чьего-то заложника. Разумеется, каждый из них опирался на определенные *силы*, но горе было тем "силам", которые забывали, кто в этом союзе хозяин.

А вот применительно к Горбачеву такая возможность не исключается. Отчасти потому, что его бесконечные колебания заставляют подозревать в нем человека неустойчивого, сомневающегося, подверженного внешним влияниям. Однако тут важны не столько даже черты характера президента, сколько соотношение сил. У Горбачева и его программы осталось немного сторонников, и чем дальше – тем меньше.

Все тут настолько наглядно, что просится в хрестоматию. Сначала, ограничив власть партийного аппарата, Горбачев оттолкнул от себя правых. Затем, остановившись в своих реформах на полпути, он потерял доверие левых. Дольше других

ему верил обыватель — сторонник медленных, постепенных, умеренных реформ. Но Горбачев, продемонстрировав поистине виртуозную способность лавировать в бурном море партийных интриг, проявил поразительную беспомощность в делах *государственных*.

Нет такой сферы жизни, где он добился бы хоть каких-то успехов, перемен к лучшему. По сравнению с ним гигантами мысли кажутся все: престарелые китайские вожди, генерал Пиночет, Саддам Хусейн — пока нелегкая не занесла его в Кувейт. Даже огромный капитал, который принесла Горбачеву на Западе политика "нового мышления", он умудрился промотать за несколько дней, устроив (или допустив) бессмысленную и кровавую свистопляску в Прибалтике.

С другой стороны, комбинированный вариант свидетельствует, что и консерваторы не чувствуют себя достаточно сильными, чтобы просто взять власть, отказавшись от сомнительного прикрытия. Пока они еще пыжятся, делая вид, что у них что-то есть за душой. Но диктатура — штука *серьезная*, она требует, чтобы козыри сразу же были выложены на стол. А где взять эти козыри, если в собственном узком кругу консерваторы не в состоянии договориться? Одни желают и дальше шагать под красным знаменем, другие требуют вернуться назад — к языческому богам, общине, царю, Столыпину, третьи выступают за рыночную экономику — разумеется, с учетом национальной специфики.

Характерно интервью, которое дал "Московским новостям" полковник Виктор Алкснис, организатор и лидер парламентской группы "Союз". "Самая моя большая гордость, — заявил Алкснис, — я независим. И от маршала Язова, и от Политбюро, вместе взятых". Дальше он изложил программу: создание Комитета общественного спасения ("политический спектр — от Собчака до Назарбаева. Но только не Горбачев, не Ельцин"), мораторий на любые идеологические споры ("никаких "предательств социализма", никаких "возвращений к капитализму"), введение чрезвычайного положения, запрет деятельности всех политических партий и движений ("естественно, и коммунистической"), активное ("причем принудительное") внедрение рыночных отношений, использование японского опыта, демократия как функция рынка...

Не будем обсуждать реальность этой программы. Поставим вопрос иначе: *кто ее поддержит?* Демократы? Партийный аппарат? Горбачев? Монархисты? "Единая и неделимая" — звучит, конечно, неплохо. Однако с одним этим лозунгом сегодня далеко не уйдешь. Делимая или неделимая, страна прежде всего должна стать *свободной*. Ссылка на опыт Японии как-то не убеждает. Опыт превосходный, вопрос лишь в том, как его повторить...

Между тем программа Алксниса — отнюдь не самая худшая. То, что предлагают разного рода "реставраторы" (*винегрет* из сельской общины, Столыпина, "патриотической" и "нравственной" экономики), начисто лишено смысла. Еще сложнее положение партийного и военного аппарата: у него вообще нет программы. Если, конечно, не считать программой вывод танков на улицы и возврат власти туда, где ей положено быть, — в дом на Старой площади.

Таким образом, у людей, приглядывающих мундиры диктаторов, нет *ничего*, кроме амбиций. Ни *идеи*, которая могла бы сплотить не то что народ, но хотя бы их собственную разношерстную компанию; нет *программы* выхода из экономического тупика; нет *структуры* власти; нет *кандидата* на роль диктатора — повторяю, серьезную роль.

И все-таки не стоит вовсе сбрасывать со счетов эту возможность. Способность реально оценивать обстановку, предвидеть последствия, даже просто здравый смысл — не самые *сильные* стороны мышления диктаторов. Особенно — военных диктаторов. Воспитанные в той сфере деятельности, где многое решается приказом и силой, они переносят привычные представления на все области жизни. Уроки недавнего прошлого (греческий, аргентинский, чилийский) их не учат. Им кажется, что все дело в *дозах*. Стоит чего-то добавить, — строгости, жестокости, силы —

и система начнет работать: конструкторы — создавать конкурентноспособные изделия, рабочие — эти изделия производить, колхозники — собирать чудо-урожай...

Не исключено, что события в Прибалтике представляли собой маневры, *репетицию* переворота. Причем не одного, а сразу нескольких его вариантов. Диктатура *президента* с опорой на армию и сохранившиеся партийные структуры. Диктатура *генералов* с использованием тех же партийных структур, включая (если удастся) генерального секретаря ЦК КПСС. Диктатура *партаппарата* (с Горбачевым в роли руководителя или заложника) с сохранением за армией и Органами традиционных функций исполнителя воли партии.

Если действительно так, то репетиция — во всех ее вариантах — закончилась сокрушительным провалом. Как всегда в таких случаях, началось выяснение отношений. Местные "патриоты" обвинили Горбачева в "предательстве", президент обвинил их в применении "неконституционных методов", военные ссылались на приказ и обиды, нанесенные им властями республик.

При всем том в определенном смысле репетиция *удалась*. Мы получили наглядное представление о том, как будет выглядеть диктатура, если она состоится. Это будет диктатура *хаоса*, бесформенная, безнадежная, бессмысленная. Очень возможно, что она окажется еще и кровавой — типовая реакция диктаторов на собственную неполноценность. В историческом плане такая диктатура едва ли что изменит, — ей просто нечего предложить обществу, но эта глубоко философская мысль утешает слабо.

Рассуждая здраво, диктатура вероятна в единственном случае — абсолютного *тупика*, ситуации, когда большинство населения придет к выводу, что *все* возможности выхода из кризиса *исчерпаны*. Надо признать, что мы порой не так далеки от этого предела. Любое действие — разумное или неразумное — мгновенно *нейтрализуется* противодействием. Страна живет в мире, где из всех законов природы работает лишь один — *третий закон Ньютона*.

Этот мир странным образом деформирует сознание. Понимаешь, что абсурдна сама *ситуация абсурда*. Так не бывает, чтобы страна, имеющая все — плодородные земли, богатейшие ресурсы полезных ископаемых, огромный человеческий потенциал — не могла решить элементарную по нынешним временам задачу: *накормить себя*. Конечно, так не бывает, но ведь есть. Будто нас засосало болото, и с каждым новым шагом мы погружаемся глубже.

А ведь это заблуждение. Программы выхода существуют, причем на самых разных уровнях: предприятия, республики, Союза. Почитайте, например, в "Известиях" статью "Невозвращенец" — о деятельности компании "Российский дом", продолжающей линию АНТа. Или о планах республик: РСФСР, Белоруссии, Азербайджана, Прибалтики. Или, наконец, очень трезвую и в оценке ситуации, и в анализе возможностей статью Н.Шмелева "В чем я вижу шанс на спасение", напечатанную в том же (от 29 марта) номере "Известий".

Тогда в чем же дело? А в том, что с некоторых пор любой наш шаг — *на месте*. Ничего мистического тут нет. Страна дошла до того рубежа, за которым движение вперед, к рыночной экономике, повлечет за собой уже не ослабление, а *гибель* системы. Именно потому, что это последний рубеж, что отступить дальше некуда, на его защиту собралась вся рать. Горбачев и недавние противники, председатели колхозов и лидеры профсоюзов, талантливые конструкторы нового оружия и обыкновенные бездельники, армейские генералы и главари банд. Неудивительно, что объединившись, они остановили движение, блокировали все пути. Допустимо, что им по силам и большее — та же диктатура. Проблема не в том, как ее установить, а в том, что с ней делать. Дороги, которые давали бы им надежду сохранить власть, никуда не ведут; а те, что ведут, ведут без них. Остается одно — *маршировать на месте*. *Марш на месте* — это и есть главная характеристика текущего момента. ●

"НЕ ХОЧУ ПЛАТИТЬ ЗА ПРИСТРАСТИЯ ПРЕЗИДЕНТА..."

Беседа с председателем Совета рабочих комитетов

Кузбасса Вячеславом Голиковым

Волна шахтерских — и не только шахтерских — забастовок вновь захлестнула страну. "Классовые бои в странах социализма" идут теперь не только под экономическими, но и под политическими лозунгами. Страна революционизируется.

Совет рабочих комитетов, по призыву которого началась забастовка в Кузбассе, возглавляет Вячеслав Голиков. Имя В.Голикова, тогда электрослесаря шахты "Первомайская", стало известно в 1989 г., когда он был избран председателем стачкома г.Березовский. Сейчас В.Голиков — признанный лидер рабочих Кузбасса. Недавно В.Голикова видела на экранах телевизоров вся страна, когда он от имени бастующих шахтеров потребовал от Съезда народных депутатов России, чтобы тот выполнил волю народа, выраженную в результатах всероссийского референдума, и назначил прямые выборы Президента России. В.Голиков, в частности, сказал:

"Мы хотели бы, чтобы Россия не на словах, а на деле стала государством. Государством, имеющим определенную законодательную и исполнительную власть.

Все наши предыдущие переговоры с союзным правительством, к сожалению, не дали никакого результата. Более того, двухлетний период этих переговоров привел нас к одной абсолютно очевидной истине, что это правительство и этот парламент не способны вывести страну из кризиса, и поэтому теперь необходимо это делать республикам.

Мы прекрасно понимаем, что российское правительство и российский парламент, провозгласив декрет о суверенитете России, пока не имеют возможности наполнить этот суверенитет настоящим содержанием. Сейчас наступил тот момент, когда необходимо выполнить эту историческую миссию России и стать настоящим государством.

Опираясь на мощную поддержку трудящихся, бастующих, вы можете стать государством. Не упустите этот момент!"

С В.Голиковым по просьбе редакции "Страны и мира" беседовал журналист Флеминг Розе. Беседа состоялась 12 марта.

Как складывается ситуация в Кузбассе на сегодня?

Вчера на Совете мы рассматривали положение дел, решали, что делать дальше. На сегодня ряд шахт отказываются выходить из забастовки, потому что считают, что все меры, которые были приняты раньше, не дают результатов. Они хотят бастовать, насколько хватит сил. Такие настроения есть примерно на половине шахт Кузбасса. Поэтому мы решили начинать, раз уж она все равно началась, политическую забастовку. Я сегодня был на своей шахте, на "Первомайской", доложил им ситуацию, и с первой смены шахта забастовала. Сейчас встает вторая смена. Идут собрания, митинги в Белово, в Новокузнецке, в Ленинске. В Киселевке одна шахта остановилась...

И какие у них требования?

Требования были изложены второго марта. Точнее, еще двадцать шестого февраля мы первый раз сказали, что будем проводить политическую забастовку. Требования наши только политические: отставка Горбачева, роспуск Верховного Совета, передача всей полноты власти Совету федерации. Добавлены еще требования о передаче России средств массовой информации, второй программы телевидения, чтобы не препятствовали выступлениям председателя Верховного Совета России. Мы поддерживаем правительство и парламент России, и сделаем все, что в наших силах, чтобы суверенитет России был настоящим, а не только на бумаге.

Вы, наверное, читали статью Е.Лосото в "Комсомольской правде" о положении в Кузбассе? Есть ли какая-то доля правды в том, что она говорит?

В.Голиков (в центре) среди членов Совета рабочих комитетов Кузбасса (лето 1989 г.)

Ну, самая мягкая оценка: человек совершенно не разобрался в том, что здесь происходит. Корреспондентом "Комсомольской правды" по Кузбассу является Ермаков. Я с ним беседовал, и он совершенно не согласен с этой публикацией, которая, кстати, не единственная такого рода. Они очевидно решили дать "взгляд со стороны", и вот что получилось. В "Известиях" же положение в Кузбассе освещал Виктор Костюковский. Это человек совсем иного плана, он здесь живет и знает дело глубоко. Лосото говорит, что политическая деятельность членов рабочих комитетов не имеет никакой поддержки среди рабочих, но события показывают, что это совершенно не так. Рабочие ясно представляют себе, почему мы сейчас начали предъявлять политические требования. Они понимают, что без изменения существующей системы хозяйствования, государственного управления мы ничего не добьемся. Мы перепробовали все: были периоды, когда мы садились за стол переговоров с правительством, был подписан протокол, была уйма постановлений правительства, но эта система, даже если бы она и захотела, ничего не сможет сделать. Если они что-то сделают для нас, значит, обидят кого-то другого — отберут у них, дадут нам. Но и это будет временным решением.

Мы говорим о кардинальных изменениях. Не нужно выходить на забастовки по мелким поводам: развалилась больница, давай будем бастовать, требовать, чтобы построили новую больницу... Мы четко говорили, когда вели переговоры с правительством в 1989 г.: дайте народу возможность решать свои проблемы. Тогда это еще не было четко оформлено, но сейчас мы уже говорим об этом. Только изменив ныне действующую государственную структуру и систему хозяйствования, можно что-то сделать. Надо не ждать, когда к нам придет добрый барин, барам мы уже не верим.

Приезд сюда Янаева вызвал у нас, откровенно говоря, усмешку. Мы не встречались с ним. Еще до его приезда решили, что мы встречаемся с Янаевым не будем. Мы не знаем, что это за вице-президент такой, что он может, чего он хочет... Человек он нам совершенно незнакомый, но он был в ВЦСПС, а отношение наше к

ВЦСПС хорошо известно. Поэтому мы решили, что это просто бесполезная трата времени, и никто с ним не встречался. Он здесь много чего "щедрой рукой" понаобещал, наш председатель областного совета выступала и по телевидению, и в печати, и по радио, что вот, наконец-то, свершилось — пришел добрый человек на нашу землю, и теперь все наши проблемы решились. Но это же очевидно, что ничего не произойдет, ничего не будет сделано.

Все было перепробовано: были и забастовки, и демонстрации, и митинги — все бесполезно. Надо менять структуру кардинально, тогда только можно будет кое-что сделать. Сейчас есть определенная надежда на то, что республиканские правительства смогут что-то сделать. Конечно, далеко не все исповедуют ту идеологию, которую предложили Прибалтика, Россия: только сегодня по радио я слушал очередную нашу агитку по Всесоюзному референдуму из Узбекистана, где весь народ, как уверяет журналист, проголосует за Союз. И тут же добавляет: "мы надеемся, что в этом обновленном Союзе решат проблему нехватки воды и перебросят часть стока северных рек в Узбекистан". А дудки! Не дадим! Если будет такой Союз, который, не спрашивая нашего согласия, начнет это делать, то такой Союз нам не нужен! Нам не нужен Союз, в который загоняют с помощью автоматов и проливают кровь других людей, и мы никогда не допустим, чтобы такое было. Что это за обновленный, что это за сверххороший Союз, который нам предлагают, мы не знаем, нам его еще никто не показал. Пока нам показывают Тбилиси и Прибалтику: они только попытались сказать, что уйдут из Союза, а их кровью загоняют назад.

Е.Лосото писала также о том, что у вас разорвана связь с людьми, с рабочими, и что здесь вообще толком не понимали, что происходит в Прибалтике, когда вы 18 января выдвинули лозунги ее поддержки.

То есть рабочие нас не поддержали? Мы никогда бы себе не простили, если бы не отреагировали на то, что происходило в Прибалтике. Невозможно было промолчать. Но была очень сильная дезинформация — это и невзоровский репортаж, это вся центральная печать и телевидение, которые показывали события в совершенно ином свете. Все это повлияло на то, что рабочие практически промолчали, но это вовсе не значит, что они равнодушны к тому, что там происходит. Потом люди все равно узнали правду, мы показали по своему телевидению пленку, которая была снята шведским и норвежским телевидением, а кроме того у нас в рабочих комитетах есть материалы оттуда. Много прояснилось, и люди начали понимать, кто их обманул, еще раз убедились, что такое наша центральная власть...

Так что вы сегодня чувствуете, что люди, которые вас выдвинули, по-прежнему стоят за вами?

У нас сам принцип нашей работы не позволяет от них отрываться, потому что нам заработную плату выплачивает предприятие, где мы работаем. Если бы мы начали делать что-то, что идет вразрез с тем, что хотят люди, то нас просто-напросто отозвали бы. Одно время отозвали многих — начали говорить, что производство остановится, если тот или иной товарищ не будет на работе, сыграли и на низких чувствах: он-де в шахту не ходит, а получает заработную плату, воспользовались и апатией людей. Но сейчас опять начинается подъем, опять создаются рабочие комитеты, опять в них присылают людей, причем в большинстве случаев тех же самых... Мы не паниковали тогда, не паникуем и сейчас. Это естественный процесс. Конечно, хотелось бы, чтобы все шло по нарастающей, но так не бывает. За вспышкой наступил спад, но сейчас опять начинается подъем.

Если подвести итоги полутора лет рабочего движения в России, какие выводы вы сделали бы, на какие этапы разделили бы развитие рабочего движения?

Первый этап — это, конечно, июль 1989 г. Терпение лопнуло, и все поднялись. Тогда еще была надежда, что правительство у нас новое, и во главе его вроде бы симпатичный человек, говорит живым человеческим языком, а не казенными фразами. Казалось, что теперь можно что-то сделать.

В то время выдвигались в основном экономические требования?

Уже тогда ряд требований касался и политических вопросов, например, права собственности. Мы ставили этот вопрос, в частности в Березовском.¹ Мы говорили о том, что необходимо отдать предприятия в собственность рабочим, работающим на них. Пускай они нанимают исполнительный аппарат, который будет предприятием руководить. Тогда уже мы задавались вопросом, почему у нас земля не принадлежит крестьянам. Уже тогда были посеяны самые первые зерна нынешнего движения. После этого был долгий, изнурительный процесс, когда мы пытались договориться с правительством.

Ну прошло некоторое время, и стало понятно, что правительство не станет делать того, что мы просим. Они согласны были решать мелкие проблемы: поставить автобусы, мясо, ну, может быть, стройматериалы, — хотя и этого не сделали, — но решить вопрос в корне — это для них невозможно, они на это не пойдут. На осознание этого ушел примерно год. Потом мы начали все чаще и чаще говорить, что необходимы изменения в политической структуре. Конечно, это не сразу нашло понимание, потому что у определенной части рабочих еще оставались не знаю на чем основанные надежды. Но теперь мы заговорили об этом в полный голос, и это встречает понимание среди рабочих. Были некоторые горячие головы, которые говорили, что все это надо было делать еще в июле 1989 г., но я совсем не уверен, что без понимания, почему это надо делать, это имело бы успех. Необходимо, чтобы понимание положения укрепилось в сознании людей. Теперь мы уже спокойно говорим об этом, и люди нас понимают. Иногда они даже ведут себя еще радикальнее нас. Но такую критику мы любим. В частности, когда мы предлагали 2 марта провести суточную предупредительную забастовку, то рабочие нам говорили: хватит предупреждать, мы достаточно уже предупреждали, надо бастовать, покуда не выполнят наши требования.

Можно ли сделать вывод, что политически рабочие за этот период созрели?

Да, большинство созрело, причем именно то большинство, к которому прислушиваются, кому доверяют, кого уважают, кому верят, — это самое главное. По крайней мере у нас в Кузбассе это так. Трудно сказать, как обстоит дело в других регионах.

¹ Комментарием к этим словам В.Голикова может служить следующий отрывок из книги В.Костюковского "Кузбасс: жаркое лето 89-го", вышедшей в 1990 г. в издательстве "Современник" тиражом 2500 экз. Речь идет о собрании 16 июля 1989 г. в Доме культуры им. Артема: "В.Голиков — электрослесарь шахты "Первомайская", председатель Березовского стачкома:

— Предлагаю дополнить первый пункт: предоставить трудовым коллективам самостоятельно определять формы собственности — государственной, арендной, кооперативной. В рамках социалистической.

Это предложение заставило зал притихнуть и с уважением посмотреть на Голикова — длинноволосого, в очках, говорившего хриплым голосом. Вообще, как мы уже смогли заметить за прошедшие дни, "профболезнью" бастующих активистов стал ларингит: у них у всех хриплые, севшие голоса. Как у министра. Мы уже не раз путались, слушая радиотрансляцию с какого-нибудь митинга: голос вроде щадовский, а он, мы знаем, должен быть в другом городе. Да и приходилось слышать шутки, адресованные ораторам: "Ты что, под Щадова работаешь?" Так вот, предложение Голикова заставило призадуматься, осознать, что уровень требований с этой минуты как бы повышается. Заметьте, это было за три месяца до сессии Верховного Совета, обсуждавшей вопросы собственности. И еще заметьте, к этой мысли рабочие пришли самостоятельно, без подсказок." — *Ред.*

То есть они понимают, что центральные власти ничего не могут сделать и надо делать ставку на российский парламент, который борется за суверенитет России.

Нет, они смотрят даже глубже. Дело не только в том, что центральные власти ничего не могут сделать. Они считают, и я тоже эту точку зрения разделяю, что нынешнее государственное устройство на уровне Союза никогда не сможет ничего сделать. Нет необходимости иметь такой мощный аппарат исполнительной власти, который сейчас создается: все те же отраслевые министерства, пускай их будет не 60, а 48, — это не затрагивает самой сути дела. Павлов думает опять руководить всем подряд из одного кабинета, из Москвы. У нас очень большие сомнения вызывает и необходимость президентства на уровне Союза. Вполне возможно, что на этом уровне должен существовать или Совет Федерации, или какой-то другой конституционный орган, в котором будут председательствовать по очереди представители всех республик, но это уже детали. Но мощный исполнительный и законодательный аппарат на уровне Союза просто напросто не нужен. Достаточно Союзного договора, в котором можно распределить функции между республиками и центром.

Мы считаем, что если жизнь заставит, экономика заставит, то пусть желающие выйти из Союза в него вернуться, если им это выгоднее. Я думаю, что нам действительно из этой ямы выбираться надо всем вместе, но только добровольно, только когда мы будем чувствовать локоть друг друга, поймем, что действительно это выгодно и ему, и мне. Но не так, как сейчас: у нас строят завод на Каме, а прицепы к нему делают на Енисее, и гоняют потом автомобили для того, чтобы взять этот прицеп. Кому это выгодно?! Это безумная трата народных денег, точно так же, как поворот северных рек. А нам будет выгодно только тогда, когда республики в конце концов определятся: кто они и что они, и пускай нас жизнь потом заставит объединиться. Этот процесс, мне кажется, будет происходить, как сейчас происходит объединение Европы, но только гораздо быстрее. Их же никто не заставляет, кроме простого понимания того, что вместе быть лучше. Они открывают границы, создают единое экономическое пространство. У нас оно практически есть, но оно обезображено всеми прошедшими годами. Единственный способ поставить все на нормальную основу — это дать возможность республикам самим добровольно решить, что они будут делать.

Если сравнить ваше движение с польской "Солидарностью", можете ли вы указать какое-то сходство и отличия?

Здесь количественные моменты переходят в качественные. Если взять Польшу, то ее можно сравнить с нашей Московской областью. А представьте себе только один Кузбасс, который растянулся чуть ли не на 500 километров! Я уже не говорю о Москве, или о наших товарищах, работающих на Сахалине, — здесь просто невозможно организовать такой единый монолитный блок. По телефону, и то часто бывает трудно связаться. Сейчас мы пытаемся создавать новые профсоюзы — у горняков это более или менее получается, — для того, чтобы профсоюз продолжил борьбу за экономические права. У нас в ряде городов уже зарегистрированы первичные ячейки, этот процесс идет, и сейчас, я думаю, он пойдет еще быстрее. Мы, конечно, учтываем опыт "Солидарности" и стараемся взять все лучшее, что там есть, но перенести чисто механически ее опыт на нашу почву просто невозможно.

Что из опыта "Солидарности" вы можете взять?

Во-первых, их опыт создания профсоюзов. Для нас это действительно ценный опыт

— через профсоюзы можно сделать очень и очень многое. Тем более, что "Солидарность" прекрасно показала, что профсоюз может справиться и с самыми политическими задачами. Но в то же время их опыт показывает, что нельзя, чтобы профсоюз приходил к власти. То, что у них сейчас произошло, — разделение на более политизированную организацию и чисто профсоюзную, которая уже сейчас начинает предъявлять претензии своему "родному" правительству, — это показательно. Так и должно было произойти: отработав определенное время на изменение политической структуры, профсоюз должен стать профсоюзом, а политическая организация, политическая партия должна заниматься политикой. Надо разделять эти вещи. У нас пока есть такая структура, как рабочие комитеты. Она как раз и соединяет в себе эти две функции: и занимается политической работой, и наработывает опыт профсоюзной работы. Я даже думаю, что со временем наши рабочие комитеты станут профсоюзами. Для этого надо, чтобы они как можно больше отработали на этот профсоюз. Это во-первых. А во-вторых, необходимы те политические изменения, которых мы добиваемся. Без этого любую организацию задавят.

А чем конкретно занимаются рабочие комитеты сегодня?

Это самый сложный вопрос. Можно сказать, и всем, и ничем. Если глянуть со стороны "белого дома"¹, то мы ничем не занимаемся, сидим здесь и выдумываем какие-то политические лозунги. Но, во-первых, мы очень много сделали, чтобы объяснить рабочим, показать конкретно: вот были переговоры с правительством, вот что нам ответили, вот что подписали, а ничего не сделали. И почему не сделали — потому что эта структура просто напросто неспособна работать. Это потихоньку доходило до сознания всех рабочих.

В то же время мы занимались и конкретными вещами: во-первых, нашей ужасной экологией — мы считаем, что союзные министерства, что здесь хозяйничали, просто обязаны возместить нам часть ущерба. Ясно, что необходимо совершенно новое оборудование. Об экологической экспертизе мы говорим уже давно, пока идет только переписка, ничего не добились. Наши ребята участвовали в составлении программы Шаталина—Явлинского — и потерпели поражение вместе со всей программой. Главная задача в данный момент — создание профсоюзов. Над этим мы сейчас работаем. Приходится заниматься немножко и другим, но мы это делаем параллельно.

Говорят, что рабочие комитеты выполняют команды сверху от председателя Верховного Совета России. Так ли это на самом деле?

А может быть, наоборот? Мы привыкли, что в средствах массовой информации искажают картину. Дело в том, что многое, о чем сейчас говорит Борис Николаевич, мы сказали гораздо раньше на митингах. Кстати говоря, о передаче власти Совету Федерации мы сказали сами, и гораздо раньше выступления Ельцина. Об отставке Горбачева мы тоже сказали раньше. Так что, кто кого повторяет — это еще вопрос. Мы одинаково смотрим на происходящие события. Я понимаю сложности Ельцина — это все-таки политический деятель высокого ранга, а его сейчас пытаются как мальчишку поставить на место и отчитать. У нас свободы в этом отношении больше, и мы говорим, что думаем. Это не пустые слова, у нас есть резолюции митингов, их печатают в "Нашей газете". Мы начали говорить обо всем этом раньше.

Теперь — о партиях. Как обстоит дело на шахтах вообще и в Кузбассе в частности с вопросом о власти?

¹ Речь идет о Кемеровском обкоме КПСС. — *Ред.*

Выход партии из окопов? У нас ситуация несколько отлична от ситуации в целом по стране. Дело в том, что у нас на многих предприятиях парткомы распущены, кое-где они просто разошлись, потому что не осталось членов партии. Вот на Черниговском, кажется, разрезе прошла регистрация членов КПСС — осталось всего 17 человек, а было 300–400. Такое, примерно, соотношение и по остальным предприятиям.

Борьба за власть — это вообще-то дело политической партии, мы только хотим, чтобы эта борьба проходила в равных для всех условиях. Сейчас, когда КПСС обладает большинством средств массовой информации, аппаратом, деньгами, освобожденными, чисто аппаратными людьми, связями, — ни о каком равенстве в политической борьбе не может быть и речи. Полиграфическая база в области полностью принадлежит КПСС, за исключением маленьких типографий в городе. Поэтому, когда сейчас говорят, что происходит шельмование КПСС, членов КПСС, — это ложь, сознательно распускаемая членами партии для того, чтобы действовать на психологию русского человека. У нас любят обиженных. Они, обидевшие, если можно так мягко сказать, целый народ, сейчас стараются представить себя в роли обиженных. Ничего подобного! Мы говорили и говорим, что все должны быть в равных условиях. Поэтому то, что незаконно приобретено, — извольте отдать. Партийные ячейки на предприятиях не имеют права существование. Причем мы говорим: ячейки любой партии, будь то Демократическая партия Травкина, социалисты или кто угодно! Экономика должна быть экономикой, не надо путать эти две вещи.

И это называют покушением на права человека, шельмованием членов КПСС! Причем так говорят именно партийные функционеры — они договариваются до того, что якобы в бригаде шахтеры требуют, чтобы рядом работающий товарищ обязательно вышел из партии, а то они его чуть ли не прибьют или выгонят с работы. Ничего подобного — по крайней мере мы ни одного такого случая не знаем. У нас люди достаточно терпимы.

Государственная партийная система действовала 70 лет, и когда они сейчас говорят, что у нас демократы все поразвалили, то возникает вопрос: что же они за 70 лет нам счастливую жизнь не построили, кто им мешал?

Чувствуете ли вы, что давление со стороны коммунистов сильнее, чем полгода назад?

Вы знаете, КПСС никогда не оставляет следов. Она очень аккуратно умеет работать, поэтому прямо сказать, что вот здесь сработал горком, — практически никогда невозможно. У них мощный аппарат КГБ, они используют все. Я уже не говорю о том, что они печатают. Демократы у них сейчас идут только в кавычках: "так называемые". Они уже прямо говорят, что надо бороться с рабочими комитетами. У нас есть тексты решений городских партийных органов — в них прямо говорится, что необходимо убрать это "зло нашей жизни". Пока мы лишь говорили, что нам надо колбасы, нас хлопали по плечу и говорили: "надо накормить, надо напоить, и будет все нормально"...

В их действиях был период определенной неуверенности. Но в последнее время ЦК КПСС претендует на то, чтобы снова встать в центр событий.

К величайшему сожалению, у них есть для этого социальная база. Они практически угробили наш народ, сделали из него потребителя, который ждет, когда ему кто-то даст, накормит, напоит. Ведь посмотрите, что люди сейчас говорят, как они к власти обращаются, — власть должна нас накормить, вот в чем самое главное. А им отвечают: да, мы вас накормим, мы вас напоим. Какая-то растерянность у них была, они пытались искать какие-то другие формы, были ошарашены накалом борьбы. Но сейчас прошло некоторое время, они успокоились, перегруппировались, избрали своего первого секретаря РКП — Полозкова, челове-

ка достаточно энергичного, закаленного. Он боролся с капитализмом еще у себя в крае и сейчас энергично начинает действовать. То что Мельников¹ ушел туда — это показательно. Это человек его склада, лигачевец. Они сейчас действуют очень энергично, но я не думаю, что люди согласятся опять строить социализм. Хватит!

Как вы пришли к тому, за что вы сегодня выступаете? Как складывались ваши политические взгляды?

Наверное, как и большинство наших людей, — от отрицания. Долгое время меня удивляло: а почему, собственно говоря, мне не доверяют, и почему я должен думать так, как мне говорят. Ругали Сахарова — значит и я должен ругать. Я не читал его работ, а мне говорят, что он нехороший. Эта зашоренность была в нас воспитана. Но я очень много читал, читал то, что было, — самиздата ведь здесь не было...

Что, в частности, произвело на вас особое впечатление?

Последнее время — это, конечно, Солженицын, Сахаров, потом наши публицисты — Шмелев, Попов. Ну и собственные размышления тоже.

Ваше мировоззрение сложилось еще до 1989 г.?

Да, я, собственно говоря, был готов к тому, что произошло потом. Определенный багаж уже был накоплен, но нужен был какой-то толчок, чтобы все это выстроилось в систему. Нужен был информационный прорыв, который сейчас совершен, и за это надо Горбачеву сказать спасибо. Это величайшее дело, которое он сделал: разрешил все это печатать. Я думаю, одна из причин, которая побудила Горбачева пойти на это, состоит в том, что дальше уже невозможно было прятать информацию. Железный занавес довольно сильно проржавел за последнее время, люди начали делать антенны, которые принимали телевизионные передачи из-за рубежа. Кое-кто успел побывать за границей, начала появляться какая-то литература. Все это вместе взятое просто невозможно было сдержать. Все равно конец должен был бы прийти. Если бы он пришел не по воле КПСС, как сказал Горбачев, то для КПСС места вообще бы не оказалось. Процесс пошел бы совершенно по-другому. Поэтому они лихо перехватили инициативу, и это позволяет им еще держаться до сих пор. Поэтому многие люди, особенно старшего поколения, говорят: это же КПСС все разрешила. Правда, они сейчас ругают ее за то, что разрешила.

Но действительно, почему же не выполнены самые первые лозунги, с которыми большевики пришли к власти? Они говорили: фабрики — рабочим, землю — крестьянам. А ведь, ничего не сделано! Надо выполнять свои обязательства, хоть через 70 лет, но выполнять.

И вот мы начали задумываться: а почему предприятие само не может распоряжаться собственной продукцией? Почему у нас рядом с шахтой находится разрез, и он не может топить котельную коксующимся углем, который добывает наша шахта, а вместо этого должен возить уголь за сотни километров из Киселевска? Это же бессмысленная трата человеческого труда. Оказывается, что все решается через Москву: два предприятия не могут договориться между собой. Так приходит понимание того, что невозможно управлять всем из одного центра. Поэтому я и не мог бы выбрать Полозкова. Я, правда, никогда не был в партии, но это не моя заслуга.

¹ Бывший (во время забастовок 1989 г.) первый секретарь Кемеровского обкома КПСС. — *Ред.*

Что касается Сахарова, то не скажу, что сразу его идеи были восприняты мною на 100%. Я слышал о нем до перестройки, читал статьи Н.Н.Яковлева. Всю эту грязь читал. Но потом, когда я прочитал, о чем он говорит, написанное его рукой, — реакция на его вещи была совершенно иная.

Это было открытие для вас, или просто подтверждение собственных мыслей?

Да, я лишний раз убедился, что нам лгут, причем лгут беззастенчиво и нагло. Это чисто геббельсовский прием: чем чудовищнее ложь, тем скорее в нее поверят. Нас кормили тем же самым: во всей Америке нет нормальной жизни рабочим, есть только безработные, которые не знают, где преклонить голову. И история с Сахаровым подтвердила, что нам врут. Раз врут, значит есть какая-то цель, цель неправая, так как ради правой цели не надо вруть. Значит обман гораздо глубже — в самой идеологии, в идее построения светлого будущего. В конце концов я задумался: почему, родившись, человек не в состоянии себя прокормить, а уже что-то должен партии? А по здравому размышлению оказалось, что я ничего ей не должен, напротив, это она мне должна за 60 миллионов моих соотечественников, которые уничтожены ради этой светлой идеи. Она мне должна за эту разруху, за всеобщую нищету, а я ей ничего не должен.

Что на вас произвело наибольшее впечатление у Сахарова?

То, что он так смело заговорил о переустройстве общества в целом. Он первый, у которого я прочитал такие смелые вещи. Потом я прочитал сахаровский проект конституции. Жалко, конечно, что он не был дописан. Там есть призыв к построению разумного общества, руководствующегося не какими-то идеологическими догмами, а элементарным здравым смыслом. Там сказано четко, что человек рождается один раз и он должен прожить жизнь и остаться человеком. Мы же до сих пор рождаемся "строителями коммунизма", "товарищами по борьбе". Оказывается, можно мыслить по-другому, а не так, как нас учили. Поэтому мы сейчас требуем, чтобы идеология была убрана из народного образования. Мы требуем деполитизации народного образования. Требование же деполитизации армии и КГБ — это естественное требование самозащиты. Мы думаем о будущем, о наших детях. Я не хочу, чтобы мои внуки прошли тот же мучительный путь познания, который прошел я. Зачем? Пускай они смотрят на мир открытыми глазами и воспринимают его в естественном цвете, а не так как его раскрашивают чиновники. Пусть они сами делают выбор и оценку. Сейчас Горбачев говорит о социалистическом выборе, который сделали несколько тысяч человек за весь народ и от которого мы никак не можем отступить. Я не хочу платить за идеологические пристрастия своего президента, *не хочу!* Мало ли, что ему нравится социализм, от этого я страдать не обязан!

Президент говорит, что этот выбор сделали еще его дед и отец.

А я совершенно недавно узнал, что моя бабушка пострадала от сталинских репрессий. Вся семья была раскулачена. Их выгнали из родного дома и выселили в другое место, правда не очень далеко. Бабушка была среди знаменитых строителей Комсомольска-на-Амуре. Но, повторяю, я этого раньше не знал, и не это определило мое нынешнее мировоззрение.

*После разгрома Ирака
Совет безопасности ООН
Досье*

ЧТОБЫ ПРЕДОТВРАТИТЬ НОВЫЙ КРИЗИС

Несмотря на триумфальную победу в войне в Персидском заливе, нельзя сбрасывать со счетов одно обстоятельство: эту войну можно было предотвратить. Если бы западные страны не помогли Ираку вооружиться до зубов, если бы Вашингтон вовремя разгадал замыслы Саддама Хусейна относительно Кувейта, если бы американская экономика не зависела бы так сильно от ближневосточной нефти, Соединенным Штатам не пришлось бы посылать в аравийскую пустыню более чем полумиллионную армию. Когда Ирак вторгся в соседнюю страну и отказался отступить, несмотря на санкции и всеобщее осуждение, объединенным силам антииракской коалиции не оставалось ничего другого, как начать войну. Полная и быстрая победа при минимальных потерях была одержана благодаря удачно выбранной военной стратегии. Однако Вашингтону и его партнерам по коалиции, если они не хотят повторения подобного кризиса в будущем, придется извлечь урок не только из военной операции.

Союзники по операции «Буря в пустыне» должны пересмотреть свою близорукую политику, способствовавшую укреплению такого чудовища, как Саддам Хусейн и сделавшую Запад уязвимым с точки зрения военной мощи иракского диктатора и его хищнических appetитов. Принятие мер противостояния потенциальным агрессорам повлечет за собой рост потребительских цен, сокращение экспорта из США и заставит всех — от конгрессменов до замшелых бюрократов — подняться над своими личными интересами. Но это очень небольшие издержки по сравнению с той ценой, которую американцы уже заплатили в Персидском заливе и, может случиться, должны

будут платить вновь, если не изменят свою политику в различных регионах мира.

Рынок оружия

На «победном» брифинге генерал Норман Шварцкопф сказал, что, по его мнению, оставшегося у Ирака оружия недостаточно для того, чтобы развязать новую войну в регионе, «если только кто-то не вооружит его вновь». Это было недвусмысленное напоминание о том, как много сделали страны, воевавшие с Саддамом, чтобы предварительно оснастить его армию. В погоне за оружием, которая продолжалась в течение почти всех восьмидесятих годов, Ирак закупил у Франции истребители «Мираж» и ракеты «Экзосет», у Италии — мины, у Бразилии — радары, у Китая — танки и артиллерийские орудия, а у американских компаний — различное оружие в разобранном виде. Немецкие фирмы продавали Багдаду все: от боеприпасов до средств связи, помогали строить заводы по производству химического оружия, совершенствовали ракеты «Скад» и построили бункеры для самого диктатора. В общей сложности западноевропейские экспортеры поставили Ираку в 1982–89 гг. вооружений на сумму 13,4 млрд. долл., в то время как намечавшиеся жертвы — Кувейт и Саудовская Аравия — взяли на себя львиную долю расходов за поставки этого оружия.

Предотвратить возможность создания Саддамом (или любым другим диктатором) аналогичной военной машины может только введение ограничений на экспорт оружия в страны Ближнего Востока и другие горячие точки планеты. Достичь международного сотрудничества в этой области будет нелегко. Для некоторых слаборазвитых стран экспорт оружия является условием их выживания. (Как сказала Мари-Франс Гаро, директор французского

Института мировой политики, «в некоторых из этих стран, если они не будут продавать оружие, останутся только ананасы.») Экспорт оружия жизненно важен и для таких стран, как Франция, где на заводах по производству оружия занято примерно 600 тыс. человек. Он может приобрести важное значение и для крупных американских компаний, если Конгресс решит сократить расходы на оборону.

Некоторые из участников антииракской коалиции уже заявили о своем намерении прекратить экспорт оружия в страны Третьего мира. Администрация Буша собирается обнародовать «Закон о контроле за распространением оружия», направленный на ограничение продажи материалов, имеющих оборонное значение, таких как сульфид натрия, который используется для изготовления нервно-паралитического газа. Боннское правительство, шокированное раскрывшимися связями Германии с режимом С.Хусейна, приняло закон о необходимости получения правительственного разрешения на экспорт тех товаров, которые могут быть использованы в военных целях, а также о 10-летнем тюремном заключении за любое нарушение санкций ООН. Однако односторонних мер здесь явно недостаточно. Как говорит представитель американской национальной Ассоциации промышленников: «Главное правило контроля за экспортом – всеобщность, всеобщность и еще раз всеобщность». А это означает, что необходимо создать международную организацию, в функции которой входили бы выработка основных принципов экспорта оружия, контроль за его продажей и наказание нарушителей. Из существующих организаций наиболее подходящей для этих целей представляется Координационный комитет по контролю за экспортом (КОКОМ). Возглавляемый США, этот Комитет был создан для контроля за продажей оборонных технологий странам Восточного блока. Подобно КОКОМ, новая организация могла бы запрашивать согласие всех ее участников, а также регулировать вопросы «двойного применения» технологий, которые могут быть использованы как для военных, так и для мирных целей. Чтобы придать этой организации больший вес, ей необходимо предоставить право налагать на нарушителей торговые эмбарго.

Можно было бы заставить богатые арабские страны увеличить размер помощи бедным странам, чтобы последние могли сократить продажу оружия без существенных потерь для своих бюджетов.

В качестве компенсации за поддержку такого плана многие страны Третьего мира несомненно потребуют сбалансиро-

ванного отношения ко всем потенциальным покупателям оружия (имеется в виду, в частности, Израиль и его арабские соседи).

Естественно, такая организация не должна ставить своей целью контролировать мировую торговлю оружием в полном объеме, а обязана была бы сосредоточить усилия на наиболее важных статьях экспорта, то есть на тех видах технологии, которые существенны для повышения эффективности вооружений. Простое химическое и биологическое оружие не очень эффективно при отсутствии систем его доставки на дальние расстояния. Главной целью «сторожевой собаки», вынюхивающей незаконные сделки при продаже оружия, должна стать технология производства ракет. Как считает Герберт Вулф из Стокгольмского института проблем мира, прежде чем создать новый КОКОМ, необходимо усилить «режим контроля за ракетными технологиями» – соглашение, подписанное четыре года назад семью индустриальными странами Запада. Пристального внимания заслуживает также распространение технологий по производству атомного оружия. Пол Левенталь, президент Института по контролю за распространением ядерных технологий, считает, что преградить дорогу в «ядерный клуб» легче всего с помощью запрета на экспорт плутония и обогащенного урана.

Не следует преуменьшать трудности на пути к разрушению «рынка оружия для бедных». Только в самом Вашингтоне контроль за экспортом оружия осуществляют более десятка агентств, чьи функции частично совпадают и чей штат состоит из людей, не являющихся экспертами в области технологий. Как только, в очередной раз, предлагается ограничить экспорт оружия из США, на Конгресс начинают оказывать давление лоббисты компаний по производству вооружений и избиратели.

Вовлечь Советский Союз в борьбу против продажи оружия в Третий мир, очевидно, не удастся, учитывая острую потребность этой страны в твердой валюте. Тем не менее, даже если нереально завести «сторожевую собаку» с острыми зубами, более громкий лай и то пошел бы на пользу. Если бы такая организация существовала в 80-х годах, она могла бы привлечь большее внимание к наращиванию С.Хусейном вооружений и заставила бы страны, которые способствовали этому, задуматься о возможных последствиях.

Нефтяная война

В течение последних 20 лет на внешнеполитический курс США сильное влияние

оказывали кризисные ситуации на Ближнем Востоке. Сначала это была война Суданского дня в 1973 г. и эмбарго стран ОПЕК на поставки нефти Западу, потом был Афганистан и второй нефтяной шок в 1979 г. Затем последовал кризис, связанный с заложниками в Иране, потом Ливан, а теперь – поединок с Саддамом Хусейном. Хотя каждый раз на карту были поставлены и другие вопросы (в частности, выживание Израиля), главная причина, заставившая Вашингтон потратить столько времени, денег и крови в попытках поддержать порядок в наиболее беспорядочном регионе мира, – это зависимость Америки от поставок ближневосточной нефти. Несмотря на все разговоры и многочисленные планы, Америка все еще импортирует более 40% необходимой ей нефти из стран Ближнего Востока. На этой нефти работают автомобили, фабрики и заводы, производятся товары, которые считаются совершенно необходимыми для поддержания «качества жизни».

Поскольку в обозримом будущем на Ближнем Востоке вряд ли установятся стабильность и порядок, американцам необходимо, наконец, задуматься об уменьшении своей зависимости от поставок нефти из этого региона. Чаще всего дискуссии здесь сводятся к солнечной и другим «альтернативным источникам» энергии, которые, по всей вероятности, не смогут существенно повлиять на потребление нефти еще в течение ближайших десятилетий. В качестве практической меры, США могли бы значительно снизить потребление нефти за счет перехода на природный газ, которого предостаточно в стабильных регионах мира. По оценке крупного специалиста в области энергетики Джонатана Стерна из Лондонского Королевского института международных отношений, к 2010 г. газ мог бы обеспечить 30% мировой потребности в энергии по сравнению с 20% в настоящее время, при условии замены промышленных паровых котлов и генераторов на агрегаты, работающие на газе. Американцам следует также возобновить дискуссию об атомной энергии. Во Франции она широко используется, и это хороший пример для американцев.

В то же время мы не должны питать иллюзии, будто бы сможем прожить без нефти. Мы должны обеспечить надежные поставки этого сырья, что обязывает развивать его добычу внутри страны. Новый план президента Буша в области энергетики предусматривает лишь устранение правительственных ограничений, например, на бурение в Арктическом национальном природном заповеднике. Он не касается корня проблемы: пропасти между ценами

на нефть на мировом рынке и стоимостью нефти, добываемой в стране. Простейший способ преодолеть эту пропасть – обложить дополнительным налогом импорт нефти. Эксперты установили, что «точка баланса» – цена, при которой у американских компаний появится заинтересованность вкладывать долгосрочные капиталовложения в разработку новых скважин, составляет 25 долл. за баррель. Размер дополнительного налога мог бы колебаться в зависимости от того, насколько он превышает цену на мировом рынке в соответствующий период времени. Советники Буша и другие независимые экономисты считают такой протекционизм ересью. Однако добыча отечественной нефти – это вопрос не только экономики, но и государственной безопасности: если низкие мировые цены заставят уйти из бизнеса слишком многих американских производителей нефти, будет невозможно восполнить ее недостаток во время очередного международного кризиса.

Кроме того, в президентском плане очень слабо отражены вопросы экономики нефти. В общем, президент уклоняется от введения налога на бензин на заправочных станциях. Как официальные лица из администрации, так и конгрессмены отклоняют это предложение, поскольку избиратели питают отвращение к налогам. В то же время налог на бензин – это еще один способ поддержать достаточно высокую цену на него, с тем чтобы у людей был долгосрочный стимул к снижению потребления бензина. При теперешних ценах 20%-й налог поднял бы стоимость бензина не более чем до 1,50 долл. за галлон, то есть на уровень, с которым потребители уже сжились и который значительно ниже того, что платят европейцы. (Кроме того, налог на бензин в размере 25 центов за галлон мог бы сократить дефицит федерального бюджета примерно на 22 млрд. долл.)

В конечном счете необходимо найти разумное сочетание всех этих мер и вводить их постепенно, чтобы не подорвать экономику. Можно предоставить налоговые льготы и специальные скидки с пошлин на импорт низкооплачиваемым категориям населения, фермерам или другим лицам, которые особенно пострадают при этом. Важно, чтобы никто не взял на себя слишком тяжкое бремя, иначе такой план будет пользоваться широкой поддержкой. Политика в области энергетики за последние 15 лет, которая шарахалась от одной крайности при Джимми Картере к почти полной вседозволенности при Рональде Рейгане, показала, что ни один замысел не будет пользоваться успехом, если он несправедлив. В то же время аме-

риканцам уже давно пора относиться к войне за нефтяную независимость так же, как они относятся к военным конфликтам: как к борьбе, требующей жертв от каждого.

Провалы разведки

Военный разгром Ирака представил в выгодном свете почти всех сотрудников администрации Буша, за исключением стройной 49-летней женщины, служащей в госдепартаменте. Это Эйприл Глэспи, посол США в Багдаде, которая послушно проводила политику госдепартаменту: за неделю до вторжения она сообщила Саддаму Хусейну, что «у нас нет мнения относительно арабо-арабского конфликта наподобие ваших пограничных разногласий с Кувейтом». Затем, незадолго до того, как иракские танки двинулись в сторону Кувейта, она отправилась в отпуск. Этот разговор широко цитировали как свидетельство крупной неудачи американской разведки. В ЦРУ, конечно же, изучали снимки со спутников, на которых были видны десятки тысяч иракских солдат, сосредоточившихся на кувейтской границе. Однако там посчитали, что Саддам Хусейн блефует или, на худой конец, захватит только богатые нефтью острова за пределами Кувейта.

Вашингтон не сумел предвидеть широкомасштабного вторжения Ирака не из-за слабости разведывательной техники. (Во время военных действий США получали со спутников настолько хорошие фотографии, что американские самолеты могли сбрасывать на иракские войска листовки, адресованные конкретным бригадам и дивизиям.) Чего Вашингтону не хватало, так это «человеческой» информации и анализа технических данных. Частично это было вызвано тем, что жестокость саддамовского режима затрудняла проникновение разведчиков в его правительство и вербовку агентов среди его людей. Однако люди, делающие политику в США, и в частности государственный секретарь Джеймс Бейкер, были настолько заняты завершением холодной войны в Европе, что не обратили должного внимания на предупредительные сигналы. Американские официальные лица не учли также историю: Багдад угрожал Кувейту вторжением с 60-х годов, когда потребовалось создать Лигу арабских стран, чтобы удержать тогдашнего иракского лидера Абдул Карим Кассема от реализации его угрозы.

Уровень компетентности американской разведки на Ближнем Востоке можно поднять, увеличив число говорящих по-арабски агентов и повысив зарплату «регионалам» из Министерства иностранных дел,

вместо того, чтобы поощрять «универсалов», специализирующихся в основном на отношениях Восток–Запад. Ведущие американские политики должны отдавать себе отчет в существовании двух конфликтующих школ, более других влияющих на формирование политики США по отношению к Ближнему Востоку. Одна из них – это исследователи, которые все события в регионе воспринимают с точки зрения их возможного влияния на Израиль. Приверженцы другой школы, «арабисты», предупреждают, что крен в сторону Израиля и игнорирование страданий палестинцев чреваты постоянной нестабильностью в регионе. Война против Саддама Хусейна показала, что «арабский мир» гораздо менее монолитен и предсказуем, чем утверждали представители обеих школ.

Баланс сил

По словам одного из американских специалистов в области разведки, неспособность администрации Буша адекватно оценить информацию о наращивании Саддамом военного потенциала объяснялась прежде всего «неверием в то, что Ирак может совершить плохой поступок». Причина такого поистине удивительного неверия заключалась в том, что в 80-х годах Вашингтон был убежден, что главная угроза в регионе исходит от Ирана. В полном соответствии с известной пословицей: «враг моего врага – мой друг», Вашингтон был поглощен борьбой с врагом, захватившим в качестве заложников американских дипломатов и объявившим священную войну Великому Сатане. Ненависть к режиму Хомейни привела к тому, что американцы закрывали глаза на нарушения прав человека в Ираке, делились с ним разведанными во время ирано-иракской войны и продавали Ираку все, начиная от зерна, которое кормило его армию, до оборудования, увеличившего его военную мощь. Еще в апреле 1989 г. «Consarc Corp.», компания из Нью-Джерси, сообщила в посольство США в Багдаде о намерении Ирака купить 7 высокотемпературных печей. Позднее в Министерстве обороны пришли к заключению, что эти печи могут быть использованы для создания военной техники и компонентов ядерного оружия. В ответ посольство телеграфировало: «Поздравляем вас!».

Одержав победу над Ираком, Вашингтон и его союзники обязаны обеспечить в будущем такой баланс сил на Ближнем Востоке, который не позволил бы ни одной из стран доминировать в военном отношении. Это означает, что Багдаду сле-

дует оставить достаточно сил для самообороны. Американские и европейские источники в Эр-Рияде установили, что у Ирака имеется еще 15–20 дивизий, расположенных вдоль границы с Ираном и Турцией, а также силы безопасности в Багдаде в количестве 25–30 тыс. человек. Учитывая, что Ирак потерял большую часть своих танков, самолетов и артиллерийских орудий, этих сил ему достаточно, чтобы защитить себя и в то же время не представлять угрозы для кого-либо из своих соседей. Конечно, многим американцам может показаться, что необходимо полностью уничтожить военный потенциал Ирака. Однако, как указывает Роберт Хантер, член Национального совета безопасности при Джимми Картере, столкновение с Ираном в 80-х годах показало, что может произойти, если «позволить эмоциям властвовать над национальными интересами США». Генерал Шварцкопф был, безусловно, прав, заявив, что дальнейшее уничтожение сил Саддама «не будет способствовать интересам мира в этом регионе».

В то же время проявленное милосердие может способствовать разрушительным процессам внутри Ирака. Некоторые исследователи уже предупреждают, что Ирак может превратиться в новый Ливан, причем не исключено, что кто-либо из амбициозных соседей захочет заполнить созданный «вакуум власти». В ближайшем будущем такое развитие событий маловероятно. На территорию Ирака уже притягали Иран, Сирия и Турция. Однако даже если внутри Ирака разгорится борьба за власть, эти три страны воздержатся от опрометчивых шагов, боясь американцев, друг друга и курдов, живущих вдоль границ с Ираком. В результате операции «Буря в пустыне» умеренные арабские страны, воевавшие на стороне Соединенных Штатов, в частности Саудовская Аравия и Египет становятся наиболее могущественными в регионе. Их послевоенные усилия, вероятно, будут ограничиваться укреплением миротворческих сил и формированием региональных программ развития с помощью Совета по сотрудничеству в Персидском заливе.

И все же история Ближнего Востока свидетельствует, что пройдет немного времени и какой-либо арабский лидер вновь попытается утвердить свою страну в качестве главенствующей силы в регионе. Совсем недавно как в Вашингтоне, так и в Саудовской Аравии, на все лады расхваливали иранского лидера Али Акбара Рафсанджани за то, что он сохранял нейтралитет во время войны. Однако Рафсанджани не будет жить вечно, а если к власти придет более рьяный фундаменталист, он уна-

следует все еще внушительную военную силу, которую только укрепили 137 иракских самолетов, пересекших границу во время войны и не затребованных обратно. Сирийский президент Хафез Асад в значительной мере утратил поддержку со стороны Советского Союза. О нем сложилось мнение как о прагматике, который не ввязывается в опасные авантюры. Однако он уже фактически контролирует положение в Ливане и, будучи достаточно ловким политиком, постоянно ищет возможности расширить сферу своего влияния.

Сама непредсказуемость региона требует, чтобы Вашингтон тратил меньше времени на отбор друзей и врагов, а скорее «стоял бы посредине и раскачивал качели», как выразился Яхья Садовски из Института Брукинса. При этом следует помнить о двух уроках прошедшей войны. Во-первых, трудно ожидать, что СССР во всем будет согласен с Америкой по вопросу о Ближнем Востоке, даже если в общем отношении между двумя сверхдержавами останутся хорошими. В конце концов, на политику Москвы может оказывать все большее влияние возрастающая воинственность собственного исламского населения, а это может вызвать крен в сторону радикализации в регионе. Другой урок состоит в том, что равновесие сил не означает (и не должно означать), что следует закрывать глаза на репрессии внутри стран-«союзниц». Репрессии могут привести к беспорядкам в этих странах, как это произошло в шахском Иране, на Филиппинах во время правления президента Маркоса и в самосовском Никарагуа. Репрессии внутри стран могут также ввести в заблуждение относительно стремлений того или иного лидера на внешнеполитической арене. Если бы Вашингтон внимательнее отнесся к тому, как Саддам Хусейн правил газами своих граждан-курдов в 1988 г., он не смог бы так просто проигнорировать угрозы по отношению к Курдистану в 1990 г.

Новая расстановка сил

Быть может, главный урок, главный положительный результат войны против Саддама Хусейна состоит в том, что была доказана возможность международной кооперации сил в борьбе с агрессором. Еще со времен Вудро Вильсона американские лидеры проповедовали идею коллективной безопасности, однако только Джорджу Бушу удалось реализовать ее на практике. Теперь раздаются голоса, призывающие сделать такое сотрудничество постоянным фактором. Президент уже упомянул о «новом мировом порядке» –

брошенная на ходу фраза, под которой он, кажется, понимает систему коллективной безопасности со множеством всемирных полицейских, а себя видит в роли капитана из полицейского участка. Министр иностранных дел Италии Джанни де Микелис выступил в поддержку идеи создать новую структуру безопасности для Ближнего Востока, подобную Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, некий восточно-западный форум для «разработки мер доверия». Согласно замыслу де Микелиса, сверхдержавы и до 40 ближневосточных и европейских стран должны принять такие принципы международной жизни, как неприкосновенность границ, невмешательство в дела соседей и т.д.

Затишье в холодной войне и прекрасные личные отношения Буша со многими главами правительств Востока и Запада создают лучшие, чем когда-либо, предпосылки для успешных миротворческих усилий. И все же реальность такова, что Вашингтон должен подходить к оценке каждого из возможных союзов в отдель-

ности, не полагаясь на модель альянса, сложившегося в Персидском заливе. Вряд ли в будущем удастся так же легко сплотиться перед лицом угрозы миру, как это было в случае с Саддамом Хусейном. Москва, которая чуть было не разрушила антииракскую коалицию в последние недели войны, может оказаться еще менее надежным союзником в будущих конфликтах как вследствие расхождений в интересах, так и из-за внутривосточных событий. Две страны, которые по просьбе Вашингтона взяли на себя большую часть расходов на операцию «Буря в пустыне», — Япония и Германия — не стремятся к мировому господству. Как сказал Дитрих Штольпе, один из видных деятелей оппозиционной социал-демократической партии Германии: «Мир требует, чтобы мы вели себя как великая держава, но мы этого не умеем. Более того, мы этого не хотим».

Напротив, Соединенные Штаты умеют вести себя как великая держава. Операция «Буря в пустыне» подтвердила это. Однако

ПОТЕРИ ИРАКСКОЙ АРМИИ

На 16 января	Разрушено в ходе воздушной войны	Разрушено или захвачено во время наземных операций	Количество оставшегося оружия	Потери в процентах
--------------	----------------------------------	--	-------------------------------	--------------------

Танки

5,500
4,280*

1,685

1,323

2,492

45%

Арт.орудия

3,500
3,110*

1,400

740

1,360

39%

Военные самолеты

500

97

147
Перелетели в Иран

256

51%

* Оружие, использованное в ходе военных действий

чтобы сохранить добрую волю и доверие, завоеванное в Аравийской пустыне, Америке придется, кроме того, доказать, что она может обеспечить руководство миром жесткими мерами, совершенно необходимыми для поддержания стабильности и порядка. Никакая бдительность не может оградить мир от разрушительных диктатур. Как выразился один из европейских дипломатов, находящихся в Эр-Рияде: «Лучший способ сохранить мир – это не позволять таким людям, как Саддам Хусейн, управлять государствами». Мы не можем застраховаться от появления очередных хусейнов, но мы можем попытаться обеспечить другое важное условие: диктаторы не должны становиться столь могущественными, чтобы нападать на другие страны. ●

Марк Уитекер, Даглас Уоллер
(Вашингтон)

«НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК»

«Новый мировой порядок», который, как ожидается, возникнет из пепла Ирака, не столь нов, как его преподнесли. Он был задуман во время визита в Вашингтон наркома иностранных дел В.Молотова в мае 1942 г.

После официального обеда президент Рузвельт обрисовал свое видение послевоенного мира. «Соединенные Штаты, Россия, Англия и, возможно, Китай, – сказал он, – должны обеспечивать порядок в мире и проводить в жизнь послевоенное разоружение путем инспекции».

Поскольку малые нации неспособны защитить себя от мощных агрессоров, продолжал Рузвельт, «они вполне могут оставаться после войны невооруженными, освобождая таким образом свои народы от тяжелого экономического бремени. Если кто-то из них попробует нарушить запрет на вооружения, державы, обеспечивающие порядок, могут пригрозить государству-нарушителю установлением карантина, а если и это не сработает, то бомбардировкой какой-то части этой страны».

Через два дня советский нарком сообщил, что идея Рузвельта получила «полное одобрение советского правительства». Так родилась система коллективной безопасности ООН. Рузвельтовские Четверо Полицейских, плюс присоединившаяся к ним после войны Франция, были наделены полномочиями предпринимать военные действия для поддержания или восстановления мира. Это соглашение было усовер-

шенствовано в результате совместных действий международных сил, только что выступивших против Ирака.

Но было бы преждевременно делать вывод о том, что система коллективной безопасности ООН отныне начнет действовать так, как это было вначале задумано. Кризис в Заливе фактически выявил крушение структуры сил, на которой основывался первоначальный проект ООН. Пятеро Полицейских более не обладают властью. Советский Союз распадается. Трудно ожидать, что в обозримом будущем Китай будет оказывать значительное влияние где-либо за пределами своего ближайшего окружения. Великобритания и Франция еще много лет будут заняты европейскими делами.

Таким образом, Соединенные Штаты остаются единственной сверхдержавой глобального военного значения. Но экономически и Соединенные Штаты взяли на себя слишком много. В ходе кризиса в Заливе им пришлось обращаться за помощью к двум новым экономическим сверхдержавам – Японии и Германии, ни одна из которых не делит с США ответственности за поддержание международного мира и безопасности.

В случае ирако-кувейтского конфликта национальные интересы Америки по сохранению поставок нефти совпали с коллективными интересами по поддержанию правопорядка. Но в другой раз эти интересы могут разойтись. Мы можем стать свидетелями либо односторонних американских действий без поддержки ООН, либо резолюций ООН, не подкрепленных в достаточной мере силой для проведения в жизнь.

Подлинный урок войны в Заливе состоит в том, что система коллективной безопасности ООН должна быть перестроена, чтобы отразить реальности сегодняшнего дня. Концепция международного мира и безопасности не может более быть выражена исключительно в военных терминах. Главным источником нестабильности, беспорядка и насилия является разрыв между богатым меньшинством – сегодня это около 20% населения Земли – и бедными нациями, в число которых теперь входит Советский Союз и его бывшие сателлиты.

Вместо того, чтобы всего лишь реагировать на насилие, Совет безопасности должен разработать конструктивный подход к конфликтам в Третьем мире. Превентивная дипломатия должна преобладать над военным вмешательством. Для этого необходимо оживить Совет безопасности и придать ему новый законный статус.

Состав его должен быть приведен в соответствие с сегодняшним днем. В последний раз это было сделано в 1956 г., когда число непостоянных членов Совета было увеличено с 6 до 10, чтобы предоставить место новым независимым государствам Третьего мира. Пришло время для пересмотра облика Совета.

Поскольку любые изменения потребуют единодушного согласия Большой Пятетки, ни один член которой не оставит своего места добровольно, перестройку можно проводить лишь путем кооптации новых членов. В мире, где экономическая мощь оказывает больше влияния, чем военная сила, Япония и Германия являются очевидными кандидатами в постоянные члены, тогда как нации вроде Индии, Бразилии и Нигерии позволяют Совету более эффективно разрешать проблемы развивающегося мира.

Увеличение числа постоянных членов приведет к требованиям об увеличении и числа непостоянных членов. В результате сложной торговли, необходимой для изменения состава любого крупного органа ООН, Совет безопасности, вероятно, увеличится и будет состоять из 10 постоянных и 15 непостоянных членов, против нынешних 5 и 10.

Такой орган будет менее управляемым, чем теперешний Совет. Этот аргумент нынешние обладатели постоянных мест выдвигают против любых перемен. Но цепляясь за удобную привычность существующей структуры, Совет безопасности ослабляет свою способность справляться с проблемами реального мира. ●

Макс Якобсон, бывший постоянный представитель Финляндии в ООН

ДОСЬЕ «ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБОЗРЕНИЯ»

ОТМЕТКИ ПРЕЗИДЕНТАМ

«На заре» нашего журнала, в первый год его издания (№ 4 за 1984 г.) мы опубликовали заметку «И президентам ставят отметки», в которой рассказали об опросах среди ведущих историков, которые проводят профессор университета штата Пенсильвания Р. Меррей и Т. Блессинг с целью дать оценки деятельности американских президентов. Такие опросы проводятся регулярно с 1948 г.

В 1984 г. в Белом доме находился Рональд Рейган, который поэтому был исключен из числа оцениваемых (не из

опасения оскорбить «честь и достоинство Президента», а потому, что президент оценивается в целом, а не по его первым шагам). Как и во всех предыдущих опросах, отметок не ставили также Генри Гаррисону (умер через месяц после вступления в должность) и Джеймсу Гарфилду (убит через 6 месяцев).

Президенты распределяются по шести категориям: от «великих» до «провалившихся». Напомним, что в 1984 г. «великими» были названы Линкольн, Франклин Рузвельт, Вашингтон и Джефферсон. Эта четверка стабильно занимает места в элитной категории, лишь внутри нее происходят незначительные перестановки (но Линкольн — всегда номер первый). «Провалились» в 1984 г. Эндрю Джонсон, Бьюкенен, Никсон, Грант и Хардинг.

В 1991 г. опрос был проведен в очередной раз. Было опрошено 500 историков. На сей раз сдавать экзамен пришлось и Рональду Рейгану. Каковы же результаты? Они довольно неожиданны.

Нет, «великие» остались великими, лишь Рузвельт почему-то перешел со второго места на четвертое. В стане «провалившихся» перемен вообще не произошло. Но всеобщий интерес вызвала отметка, которую выставили Рейгану. Он получил 28 место (из 37 президентов), попав во вторую с конца группу.

Из числа современных президентов Рейгана обошли даже «средние» Картер и Джеральд Форд. Лишь провалившийся Никсон оказался позади Рейгана.

Историки поставили Рейгану низкие оценки практически за все — начиная от его ума (92% заявили, что его интеллект был недостаточен для его должности) и кончая коррупцией администрации (только администрация Никсона оказалась хуже). Осудили историки Рейгана и за дефицит бюджета и экономический спад 1981–1982 гг. В области внешней политики деятельность Рейгана на Ближнем Востоке подверглась резкому осуждению, но зато он удостоился похвалы за то, как вел дела с Советским Союзом. Историки одобрили рейгановский стиль управления и умение вести за собой людей.

Вердикт историков находится в резком противоречии с мнением избирателей. 91,8% историков полагают, что американский народ переоценил Рейгана.

Возможно. Но как хорошо нам! Когда наш первый Президент уйдет, наконец, в отставку, каждый будет волн расценивать его так, как ему нравится: Горбачев займет в списке одновременно и первое, и последнее места. ●

К.Л.

Том МЭТЬЮЗ и Дуглас УОЛЛЕР
(Вашингтон)

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ ВОЙНЫ

Непосвященные люди назвали это место (в окрестностях Эр-Рияда) «Черной дырой». Просторное, хотя и грязноватое, подвальное складское помещение в здании штаба Королевских военно-воздушных сил Саудовской Аравии, переданное в распоряжение американских ВВС, было окружено такой секретностью, что даже офицеры с высшей степенью допуска не имели туда доступа. На отведенном ему пространстве бригадный генерал Бастер Глоссон оборудовал целый лабиринт небольших кабинетов, в которых планировалась воздушная война против Ирака. В одном из закоулков этого лабиринта военные размышляли, как уничтожить ядерный потенциал Саддама Хусейна, его заводы, производящие ракеты, химическое и биологическое оружие. Люди, сидевшие в соседних кабинетах, изучали республиканскую гвардию Ирака, ее артиллерию и танки, закопавшиеся в землю вдоль иракско-кувейтской границы. Неподалеку работали специалисты, анализировавшие возможные цели атак в самом Кувейте. Из разных частей американской армии Глоссон набрал себе офицеров разведки, чтобы выявить расположение противника, и специалистов по технике, чтобы подобрать боевые средства, соответствующие задачам, а также опытных «наводчиков» для выбора окончательных целей. Все обязались соблюдать секретность; работа велась на портативных компьютерах, объединенных в особую систему, подключиться к которой не мог никто другой в командовании союзников, независимо от занимаемой должности. На одной стене Глоссон повесил большой плакат. Отпечатанная на компьютере надпись гласила: «Путь домой лежит через Багдад».

В таких местах, как «Черная дыра», и разыгрывалась тайная история войны, охватившая семь тревожных месяцев, начиная с августа прошлого года. Окончательная победа рождалась из отдельных деталей – и только сейчас, в свете достигнутого успеха, они становятся достоянием гласности. Президент Буш, его высшие военные советники и командование вооруженных сил держали планирование войны под таким покровом тайны, что почти никому, даже старшим армейским офицерам, пока неизвестен полный объем проделанной работы. Обеспечив превосходство над противником в воздухе и на поле боя, военное руководство столь же умело установило контроль над средствами массовой информации, позволивший на время скрыть рискованные решения, совершенные ошибки и успешные меры, принятые для исправления этих ошибок.

Мы видели, как союзники уверенно шли от успеха к успеху, и теперь победа над Саддамом Хусейном представляется чуть ли не легким делом. Но неизвестная доселе история войны во многом состоит из острых моментов и тревожных неожиданностей, из уловок с целью перехватить противника, которому постоянно приписывалось больше силы и решимости, чем он в конечном счете смог обнаружить. Разведчики из группы «специальных операций» проникали на территорию Ирака и Кувейта и ночами носились по пустыне на специально приспособленных легких автомобилях, засекая пусковые установки ракет «Скад» и другие цели и даже похищая с иракских средств ПВО детали электронного оборудования, которые потом передавались для изучения союзным экспертам в Эр-Рияде. Командование союзной авиации, проанализировав характер взрывов при бомбежке завода химических удобрений в Ираке, пришло к выводу, что Саддам подошел к созданию ядерного оружия намного ближе, чем предполагалось ранее. Когда Ирак на-

нес первый ракетный удар по Тель-Авиву, Израиль был близок к тому, чтобы поднять в воздух авиацию для быстрого ответного удара, и попытки удержать его от боевых действий можно расценить как едва ли не самую тонкую операцию в ходе всей войны; был момент, когда американцы серьезно рассматривали возможность применения Израилем ядерного оружия в случае химического нападения со стороны Ирака. Люди из службы снабжения боеприпасами с тревогой наблюдали за невиданным стальным ливнем, обрушившимся на Ирак, опасаясь, что бомбы могут кончиться в любой момент. Нет, это была не просто «маленькая изящная война».

В «Черной дыре»

Внутри «Черной дыры» деятельность закипела в августе прошлого года. Тогда генерал-лейтенант Чарльз (Чак) Хорнер, главнокомандующий авиацией союзников, приказал Глоссону организовать в Эр-Рияде так называемую «ударную команду». Эти двое хорошо подходили друг другу. Хорнер – внушительного вида 54-летний мужчина, ростом 183 см. Этот ветеран вьетнамской войны любил время от времени прыгнуть в кабину истребителя и пронести на бреющем полете над пустыней, чтобы самому ощутить местность, над которой его летчикам придется рисковать жизнью. Глоссон – 49-летний мускулистый аристократ с северокаролинским выговором. Главное в его стиле поведения – стремление брать ответственность на себя. Он любит говорить: «Мы с Чаком помним, как во Вьетнаме приходилось летать, не имея на самолете полного вооружения. Будьте уверены, мы не собирались допустить такое снова».

Стратегическая цель была поставлена президентом: силой вытеснить Саддама Хусейна из Кувейта и обезвредить его армию как угрозу для региона, а его химическое и биологическое оружие – как угрозу для всех. Когда Глоссон и его «наводчики» засели за работу, перед ними стояли следующие важнейшие задачи: уничтожить систему управления иракскими войсками; «ослепить» радарные установки и зенитные управляемые ракеты противника, прижав при этом к земле его авиацию; разрушить заводы, склады и лаборатории, обеспечивающие военные усилия Ирака; вывести из строя аэродромы, порты, шоссе и дороги и мосты; наконец, подавить лучшие войска Саддама – республиканскую гвардию.

Разведчики и цели. Первым делом следовало выявить средства, имеющиеся в распоряжении противника, и расположение этих средств. Высотные разведывательные самолеты и спутники совершали постоянные облеты Ирака, причем их инфракрасные сканирующие устройства фиксировали колебания температуры в складских бункерах под землей. По словам Глоссона, не надо быть специалистом по ракетам, чтобы делать выводы из таких данных: изменения температуры показывали, что иракцы включили двигатель или систему охлаждения для хранения «скоропортящихся продуктов» вроде химического или биологического оружия. Группы «специальных операций» (по сути, команды разведчиков), организованные Пентагоном и ЦРУ, забрасывались в Кувейт и Ирак, чтобы выявить оборонительные сооружения и потенциальные цели. А в Вашингтоне Пентагон создал специальную группу под названием «штаб чрезвычайного обеспечения», которая начала круглосуточно поставлять в Эр-Рияд разведданные и аналитические выводы. Командование ВВС консультировалось с учеными и другими экспертами относительно уязвимых мест в политической и социальной структуре Ирака. Секретное «Командование разведки и безопасности» сухопутных войск США, объединив усилия с ЦРУ, опросило специалистов из Европы и Азии, работавших в Ираке по контрактам. Иностранцы строители предоставили сведения о планировке здания штаба обороны Ирака. По словам французских военных экспертов, французские компании – производители имевшихся у Ирака зенитных управ-

ляемых ракет «Ролан», реактивных истребителей «Мираж F-1» и ракет класса «воздух-земля» «Экзосет» — поделились с союзниками информацией об электронных средствах нейтрализации этих систем вооружения. Впрочем, сами компании отказываются подтвердить это сообщение.

Когда специалисты в «Черной дыре» стали тщательно анализировать поступающие данные, они обнаружили кое-что поистине удивительное. Объектом особого интереса стал «завод химических удобрений» в Эль-Каиме на западе Ирака. Выяснилось, что на этом предприятии, очевидно, ведется разработка и производство ядерного оружия. Завод был внесен в список целей. Впрочем, в качестве целей иракские установки для ядерных исследований представляли собой непростую проблему. Если бомба или ракета попадет прямо в реактор, то будут повреждены топливные стержни, и это вызовет радиоактивные осадки, которые будут распространяться ветром. Глоссон разработал для летчиков более безопасную тактику: следовало наносить удар так, чтобы разрушилось здание, но не реактор. Глоссон пришел к выводу, что Ирак подошел к созданию собственной ядерной бомбы намного ближе, чем кто-либо предполагал. Другие с этим мнением не согласны. И все же Глоссон утверждает: «Он (Саддам) имел все необходимые компоненты ядерного оружия. Ему нужно было только немного времени».

Девяносто девять процентов всех целей имели военный характер, однако были среди них и более спорные. Команда Глоссона внесла в список целей штаб-квартиру партии Баас, исходя из того, что иракская правящая партия неотделима от армии. Намечалось вывести из строя не только военную систему связи, но и гражданскую телефонную сеть. Союзники собирались нарушить снабжение Багдада электроэнергией. При этом ожидалось, что иракские военные включат для себя аварийные генераторы, оставив всех остальных в темноте. Замысел состоял в том, чтобы заставить гражданское население Ирака почувствовать тяжесть войны, не нанося при этом прямых ударов по мирным жителям.

Когда Хорнер и Глоссон стали уточнять свой перечень целей, им пришлось подбирать для каждой цели соответствующие средства поражения и доставки. Незаменяемым оказался бомбардировщик-ветеран В-52. «Эту штуку нельзя не почувствовать», — думал Хорнер, имея в виду 18-тонную бомбовую нагрузку самолета. Репортеры превозносили способность В-52 наводить панику на республиканскую гвардию, однако главная задача бомбардировщика состояла в другом. Некоторые из этих самолетов почтенного возраста, взлетев с какой-нибудь ближневосточной базы, могли в течение семи часов находиться над районами расположения саддамовских ракет «Скад», предупреждая пуски, а иногда и нанося удары по стартовым площадкам после обнаружения пуска. Оказалось, что В-52 особенно хорошо подходит для поражения крупных целей, возвышающихся над уровнем земли. Одной из таких целей была огромная военная база, известная под названием Таджи. Здесь строились и ремонтировались танки и «Скады», хранились запасные части для военной техники. Когда специалисты из «Черной дыры» остановили свое внимание на Таджи, им сразу же пришла в голову мысль о В-52. Таджи выглядела как небольшой город, состоящий из рядов складских зданий, все эти здания были открыты для отвесно падающих 350-килограммовых бомб.

Помимо сокрушительного набора боевых самолетов, «наводчики» имели в своем арсенале различные виды крылатых ракет. Эти ракеты были предназначены для «мягких» (неприкрытых) целей, таких, как склады горюче-смазочных материалов, узлы линий электропередачи, всякие сооружения, не защищенные толстыми бетонными стенами. Сотрудники Глоссона тщательно согласовали пуски крылатых ракет «Томагавк» с действиями авиации, так, чтобы ракеты и самолеты не оказывались у цели одновременно. Комбинируя беспилотные ракеты с истребителями и бомбардировщиками, союзники полу-

чили возможность наносить удары по Ираку практически непрерывно. Никакой противник не в состоянии выдержать такое массированное воздействие в течение долгого времени.

Пришлось разрабатывать новую тактику. Пилоты истребителей-бомбардировщиков F-16 были обучены приближаться к цели на очень малой высоте, чтобы избежать поражения советскими зенитными управляемыми ракетами. Такая тактика, подходившая для Восточной Европы, была непригодна для Ирака и Кувейта. Здесь основную угрозу представляли не зенитные ракеты большой дальности, а зенитная артиллерия и ракеты «земля-воздух» малой дальности, способные наносить опустошительные удары по низко летящим самолетам. Теперь пилоты F-16 должны были научиться вести бомбометание с 5-километровой высоты.

Наконец, трудности создавались самим огромным размахом боевых действий ВВС. Поскольку ежедневно предполагалось в среднем совершать две-три тысячи самолето-вылетов, следовало снабдить самолеты «АВАКС» и наземные радарные установки детальными компьютеризованными схемами полетов, чтобы самолеты не сталкивались в воздухе. Чтобы обеспечить непрерывную работу авиационных двигателей, надо было практически круглосуточно держать в воздухе целую армаду самолетов-заправщиков. Эта задача дополнительно осложнилась тем, что Сирия закрыла свое воздушное пространство для самолетов союзной авиации, так что бомбардировщикам, базирующимся в центральной Турции, приходилось добираться до цели окольным путем.

Средства ведения войны в воздухе. Во всех этих вопросах Хорнер и Глоссон получили необычайно широкую свободу действий. Как в «Черной дыре», так и в Белом доме были усвоены важные уроки, извлеченные из военной истории. Как говорит Хорнер, он поклялся, что «мы не будем повторять то, что творилось во Вьетнаме». В частности, он отбросил сложную систему взаимодействия, при которой и ВВС, и военно-морские силы, и морская пехота, и сухопутные войска «тянут одеяло на себя». Отсутствие единого центра организации войны в воздухе, как показал вьетнамский опыт, может привести к хаосу. На этот раз Хорнеру было дано право распоряжаться всеми средствами ведения войны в воздухе. В свою очередь, Хорнер наделил Глоссона чрезвычайными полномочиями в организации воздушных операций. По его словам, «все мы пели по одним и тем же нотам». Президент Буш не повторил ошибок своего предшественника Джонсона, который пытался сам выбирать цели для нападения с воздуха и вообще вмешиваться в конкретное руководство боевыми действиями. Теперь объекты бомбардировки, за весьма немногими исключениями, намечались и утверждались в Эр-Рияде, а не в Вашингтоне. Впрочем, однажды высшие столичные чины ВВС попробовали послать в Эр-Рияд пентагоновского офицера связи, предписав ему роль «независимого наблюдателя». Однако этот офицер, получивший кличку «шпиона из Пентагона», был вынужден держаться в стороне.

Поздней осенью Глоссон составил первоначальный план войны в воздухе. Устанавливалась приблизительная очередность операций против различных целей. В ходе первого (стратегического) этапа крылатые ракеты, бомбардировщики «Стелз» и обычные бомбардировщики должны были разрушить ядерные и военно-химические центры, позиции ракет «Скад», основные промышленные предприятия, телефонные станции, узлы управления и связи. На втором этапе следовало уничтожить систему ПВО противника, включая аэродромы, зенитноракетные установки и радарные станции раннего обнаружения. Задача третьего этапа состояла в том, чтобы перерезать ведущие к югу линии снабжения, изолировать сосредоточенные в Кувейте части республиканской гвардии и регулярных войск и нанести им крупные потери. На четвертом этапе авиация должна была оказывать непосредственную поддержку наземному наступлению.

«Ребята с заплатками». Глоссон через связных разослал свой план по всем авиационным частям в районе Персидского залива, и несколько недель спустя из каждой части в Эр-Рияд были вызваны «специалисты по вооружению истребителей». Это асы высочайшего класса из числа наиболее опытных военных летчиков. В ВВС они известны как «ребята с заплатками», по особым нашивкам, которые им дают после соответствующего обучения. «Ребята с заплатками» тщательно изучили составленный Глоссоном план, выискивая в нем слабые места, обсуждая поставленные задачи, рассчитывая необходимые средства обеспечения, добавляя новые цели и вычеркивая некоторые из намеченных. План несколько раз пересматривался, но к концу декабря окончательный вариант был практически готов. Некоторые изменения были внесены уже в последнюю минуту. Так, сначала по психологическим соображениям была намечена к уничтожению огромная статуя Саддама Хусейна в Багдаде, а также помпезный иракский военный мемориал. Министр обороны Дик Чейни счел это излишним и исключил эти объекты из перечня целей. Подобных случаев вмешательства со стороны политического руководства было очень немного. В первоначальном списке целей был и багдадский отель «Аль-Рашид». Разведывательные перехваты, а также подкрепленное чертежами сообщение строителя, работавшего в Ираке по контракту, убедили специалистов из «Черной дыры» в том, что Саддам устроил в подвале этого отеля узел управления и связи. Однако после того, как в начале января «Аль-Рашид» стал заполняться журналистами, командование решило оставить отель в покое. Быть может, Пентагон и хотел бы надеть на прессу намордник, но сокрушить ее бомбами и ракетами – это было бы уже слишком!

Вечером 16 января Хорнер и Глоссон со своей командой находились в полной боевой готовности на командном пункте тактического командования ВВС. В комнате были расставлены длинные раскладные столы, занятые картами, оборудованием связи, радарными экранами. Прямо перед Хорнером и Глоссоном находились два огромных радарных экрана. В полночь самолеты воздушной армады союзников начали взлетать с баз, расположенных в Саудовской Аравии и Объединенных Арабских эмиратах, а также со стоящих у побережья авианосцев. На экранах засветились карты Кувейта и Ирака. Хорнер приказал объединить в единую систему четыре самолета «АВАКС» для координации движения в воздухе. Тысяча истребителей и бомбардировщиков выходила на цели. На экранах самолеты выглядели крохотными мерцающими точками. «При виде этих маленьких точек,двигающихся по направлению к Ираку, казалось, что время остановилось», – вспоминает офицер связи ВМС, находившийся в эту ночь на командном пункте союзной авиации. Величайшая в истории воздушная армада шла на Саддама Хусейна.

Стальной ливень

Над Ираком стояла ночная тьма. В кабине истребителя F-14 «Томкэт» перед глазами командира самолета Дэвида Джексона светилась только приборная доска. Внезапно в шлемофоне летчика раздалось жужжание – сигнал о том, что самолет засекала иракская система ПВО. Зенитная ракета с инфракрасным наведением пошла по направлению к истребителю. Сбросив ложные светящиеся снаряды, Джексон резко изменил курс, и ракета прошла мимо. Затем небо озарилось розовыми, белыми и оранжевыми огоньками. Некоторые из них мигали и рассыпались как бенгальские огни, другие загорались подобно лампе-вспышке. Зенитные снаряды рвались рядом с кабиной с хлопотным звуком, как пробки от шампанского. Один кусочек шрапнели – и все кончено... «Полагайтесь на себя... полагайтесь на свое оборудование... верьте в свою задачу», – вот что звучало в сознании пилота, когда в поле зрения замаячила цель. Правило на все случаи жизни, внушенное летчику при обучении, сработало и на этот раз. Он выдержал испытание. Встало солнце,

когда «Томкэт» приземлился на взлетно-посадочную палубу авианосца «Рейнджер». Тяжело дыша, пилот выбрался из кабины. Его летний костюм был пропитан потом.

На командном пункте Хорнер и Глоссон не знали, какой оборот примут события в течение первых тридцати секунд после появления самолетов над Багдадом. Находясь в подвале, Хорнер послал одного из подчиненных наверх, в свой кабинет, чтобы посмотреть по телевизору программу CNN. Сняв телефонную трубку, главнокомандующий воздушными силами осведомился у своего разведчика: «Что они там говорят?» В ответ послышалось: «Берни Шоу сидит под столом, выставив микрофон из окна». Хорнер взглянул на часы. Через девять минут багдадская телефонная станция должна была взлететь на воздух. Для передачи CNN эта станция была необходима. Как только девять минут прошли, Хорнер спросил: «Ну, что сейчас говорит Бернанд Шоу?» – «Он исчез с экрана». Позднее Хорнер вспоминал: «Знаете, некоторым страшно не нравится CNN. А я использовал ее сообщения. Надо же знать: нанесен ли удар вовремя? Попал ли он в цель? Ну, и все такое».

В большинстве случаев самолеты Хорнера и Глоссона атаквали без промаха. Больше чем сорок дней и сорок ночей небо над Ираком выглядело как при воздушном параде в день Четвертого июля. Каждый вечер «наводчики» Глоссона встречались с Хорнером, чтобы рассмотреть боевые задачи на следующий день. Затем рассылался суточный боевой приказ, в котором уточнялись цели, материально-техническое обеспечение, частоты радиообмена, точки встречи самолетов и дозаправки. Бывали дни, когда текст приказа занимал 200–300 страниц. Хорнер обнаружил, что доставленная для разработки приказов компьютерная система управления не могла справиться с объемом работы при 2000–3000 самолето-вылетов в день. Пришлось попросить, чтобы из Америки прислали еще четыре компьютера.

Уже в первую ночь войны в воздухе достигнутые результаты превзошли самые смелые ожидания командования ВВС. Хорнер и Глоссон разделили свои самолеты на ударные группы и послали десятки таких групп на Багдад и на позиции республиканской гвардии. Впереди каждой группы летели четыре самолета типа F-4G «Уайлд Уизл» и столько же самолетов типа EF-111 «Рейвен» с электронным оборудованием для создания радиопомех. Они должны были вывести из строя зенитные ракетные установки, радары и прочие средства ПВО, расчищая путь для двенадцати истребителей-бомбардировщиков F-16, прикрываемых четырьмя истребителями F-15C. Движение ударных групп к логову Саддама координировалось управляющими системами, размещенными на борту четырех самолетов «АВАКС». Экипаж каждого такого самолета состоял из 45 человек, работавших по 12-часовым сменам. Каждый оператор должен был держать в поле зрения девять радарных экранов и направлять движение 25 истребителей, причем в наушниках одновременно шли сигналы на четырех различных частотах. Обстановка на борту была примерно как на чикагской бирже в самый суматошный день.

Единственное за эту первую ночь ЧП произошло не в воздухе над Ираком, а на командном пункте в Эр-Рияде. Американские разведывательные спутники были специально нацелены на Ирак, чтобы засекал пуски ракет «Скад». Примерно в 4 часа утра на экранах командного пункта засветился сигнал ракетной тревоги. Завыли сирены. Хорнер и его помощники натянули противогазы. Только через несколько часов стала понятна причина ложной тревоги: аппаратура на спутниках приняла за ракеты «Скад» подлетающие к Ираку бомбардировщики B-52.

Нашупывание целей. Еще до начала рейдов авиации командование приняло все мыслимые меры для защиты самолетов и экипажей. В Ирак и Кувейт были посланы вертолеты MH-53 «Пэйв Лоу», на борту которых находились десантники сил специального назначения, имевшие своей задачей засечь иракские системы раннего обнаружения и управления огнем. За «Пэйв Лоу»

следовали вертолеты «Апач», нащупывавшие цели с помощью лазера, для того чтобы штурмовые бомбардировщики А-10 «Уортхог» могли наносить точные разрушительные удары. Плотнo обороняемые объекты в окрестностях Багдада были атакованы с бомбардировщиков «Стелз». Поскольку «Стелз» не засекается радарными установками и не нуждается в сопровождении истребителей, восемь таких бомбардировщиков с двумя самолетами-заправщиками эквивалентны по эффективности 75 обычным единицам боевой авиации с самолетами обеспечения.

Принятые меры предосторожности сработали великолепно. При предварительном моделировании воздушной атаки компьютеры ВВС прогнозировали, что потери в первую ночь составят 150 самолетов. На деле все самолеты благополучно возвратились на базы.

В «Черной дыре» всех охватило чувство облегчения. «Когда прошли эти первые десять минут, мы поняли, что одержали верх. Остальное уже было вопросом времени», — рассказывает Хорнер. На следующий день в полдень капитан Лайл Байен, офицер связи между флотом и авиацией, просматривая первые отчеты о ходе операций, заметил характерную деталь. Только несколько иракских самолетов поднялись в воздух навстречу авиации союзников, да и те ретировались еще до того, как можно было их сбить. «Его авиация не принимает бой, — размышлял Байен. — Быть может, мы ее так и не увидим». Так как иракские самолеты были пассивны, они не могли загонять самолеты союзников к наземным средствам ПВО, что в огромной степени сокращало потери. По существу, Хорнер уже контролировал воздушное пространство, хотя союзники публично объявили о своем господстве в воздухе только через несколько дней.

В последующие недели «наводчики» из «Черной дыры» отправили на Ирак и Кувейт столько тысяч тонн взрывчатки, что боевые запасы иногда подходили к концу. Однажды оказалось, что на складах в порту Джидда на Красном море осталось боеприпасов только на два-три дня. Грузовое судно с новым запасом бомб появилось вовремя. Для решения более сложных проблем снабжения в Пентагоне была создана специальная команда «быстрого реагирования». Когда какой-нибудь иракский бункер оказывался особо твердым орешком, «наводчики» связывались по телефону с Вашингтоном, и Пентагон просил ту или иную фирму сделать по спецзаказу бомбу для этой конкретной цели. Готовое изделие тут же отправлялось на базу ВВС в Чарльстоне (Южная Каролина), где постоянно находились два транспортных самолета С-141, которые осуществляли немедленную переброску к месту назначения. Всего 36 часов после первоначального запроса — и специальная бомба уже грузилась на боевой самолет в районе Залива. В ВВС эта система называлась «Экспресс в пустыню».

Хорнер сделал все, чтобы его бомбы считались самыми хитроумными на свете. Они пронизательно оценил роль средств массовой информации в создании такого впечатления. Появившись перед телезрителями на своем подвальном командном пункте, он показал видеозаписи, сделанные с истребителей и бомбардировщиков. На этих записях было видно, как «умные» снаряды настигают иракцев, проникая через двери и спускаясь в вентиляционные шахты. Но публике были показаны только самые безобидные записи. На закрытых просмотрах офицеры Хорнера видели душераздирающие сцены из разряда «только для взрослых». На одной из таких видеозаписей иракский пилот и его экипаж отчаянно пытались поднять свой самолет в воздух, когда самонаводящаяся ракета с союзного истребителя уничтожила всех на месте. Другая пленка продемонстрировала, как охваченный паникой иракский солдат бежит к убежищу — и «умная» бомба разрывает его на куски.

На арабских летчиков приходилась лишь небольшая доля общего ежедневного числа самолето-вылетов, но Хорнер и его сотрудники уделяли должное внимание репутации своих «хозяев» на театре военных действий.

Самолеты «АВАКС» обшаривали воздушное пространство в поисках иракских самолетов, которые могли бы сбить пилоты из Саудовской Аравии. Однажды в конце января звено иракских истребителей F-1 «Мираж» внезапно появилось в квадрате размером 50 на 50 км над водами Персидского залива. Случилось так, что в этот день в воздушном патрулировании со стороны союзников участвовал и капитан ВВС Саудовской Аравии Айд-аль-Шамрани. «АВАКС» убрал с дороги самолеты военно-морской авиации Канады и США и направил на цель истребитель F-15, который вел аль-Шамрани. Саудовский летчик сбил два самолета противника и стал национальным героем. «Мы хотели, чтобы успехи были и на их счету», – говорил позднее один специалист из Пентагона.

Два дня спустя лучшие подразделения саддамовской авиации стали перелетать в Иран. Поначалу Хорнер не понимал, что происходит. Один союзный истребитель, преследуя иракский МиГ, пересек границу и сбил вражеский самолет над иранской территорией. Иран сохранял в войне нейтралитет, и американский летчик, как положено, доложил о своей ошибке. Но то была мелочь по сравнению с тем, что произошло потом. «Когда остальные иракские летчики увидели нападение этого самолета, – вспоминает Хорнер, – они на всех парах устремились в глубь Ирана, а когда кончалось топливо, они выпрыгивали из своих самолетов. Вскоре иракские самолеты падали по всей территории Ирана». Первое время Хорнер объяснял эту картину низким уровнем саддамовского военного руководства. Но когда сотня лучших иракских «Миражей» и МиГов вместе с транспортными самолетами благополучно оказались на иранских аэродромах, загадочность ситуации усилилась.

По мнению израильской разведки, командование иракских ВВС убедило Саддама Хусейна одобрить такой план, чтобы сохранить лучшие самолеты для будущих битв. По-видимому, Саддам надеялся, что Иран отпустит самолеты, когда в ходе боевых действий наступит подходящий момент. Но из-за полной неразберихи в системе связи иракский лидер не смог заранее согласовать этот план с иранским руководством. Президент Ирана Али Акбар Хашеми Рафсанджани твердо придерживался нейтралитета. Он заявил, что самолеты будут возвращены после окончания военных действий. Однако Рафсанджани, возможно, не удержится от использования этих самолетов в качестве средства давления, чтобы получить с Ирака миллиарды долларов репараций за ущерб, нанесенный Ирану в ходе ирано-иракской войны. Офицеры союзной разведки, испытывавшие немалое беспокойство из-за иракских самолетов в Иране, несколько успокоились, когда увидели документальный фильм, снятый в Иране японскими операторами: оказалось, что экипажи самолетов, проводя техническое обслуживание, вовсе не стремятся держать свои машины в боевой готовности.

Затруднения со связью. Не все у союзников шло так гладко, как казалось на первый взгляд. До начала войны в воздухе разведывательные операции были сосредоточены на стратегических вопросах: следовало определить объем и размещение сил противника. Как только начались боевые действия, Хорнеру потребовались данные тактического характера, конкретные сообщения вроде «на перекрестке дорог стоят четыре танка» (выражение самого Хорнера). Однако информация такого рода слишком часто застревала на перегруженных линиях связи между Эр-Риядом и Вашингтоном. Чтобы обнаружить эти танки на перекрестке, Хорнеру иногда приходилось звонить в Пентагон. Для преодоления неразберихи были налажены более совершенные линии связи с Вашингтоном. Улучшилось и техническое оснащение фоторазведки с воздуха. С разведывательных самолетов «Лирджет» можно было передавать снимки эскадрильям истребителей всего за 1–2 часа. Хорнер мог только позавидовать средствам массовой информации, которые с помощью телефонов и спутников передавали изображения за считанные секунды.

Чтобы компенсировать некоторые из этих недостатков разведки, Хорнер

изменил тактику действий в воздухе. Он предписал летчикам F-16 не придерживаться заранее намеченных конкретных целей, а вести патрулирование по квадратам 30 на 30 км, подобно полицейским на городских участках. Эти, по его выражению, «атакующие разведчики» быстро набрались опыта в обнаружении укрывающихся частей саддамовской армии. Когда республиканская гвардия стала перемещать свою технику с места на место, чтобы избежать ударов с воздуха, пилоты союзников столкнулись с новой проблемой: разведывательные снимки со спутников и самолетов слишком быстро оказывались устаревшими. Чтобы справиться с этой трудностью, ВВС применили новую тактическую схему. Самолеты F-16, с которых было снято основное вооружение, кроме осветительных ракет, шли впереди атакующей группы, стараясь обнаружить иракскую технику на ее новых позициях. Когда эти «указатели» засекали установку противника, они пускали по ней осветительные ракеты, чтобы обозначить ее местоположение. Следовавшие за «указателями» самолеты F-16 с мощным вооружением (они назывались «пчелами-убийцами») наносили сокрушительный удар по освещенным позициям противника. Действия хорнеровских «истребителей танков» становились все более эффективными. За неделю до начала наземных боевых действий авиация союзников, по оценкам собственной разведки, ежедневно уничтожала 100–150 иракских танков.

Самый крупный просчет американской разведки был связан с бомбардировкой бункера «Амирийя» в пригороде Багдада, при которой погибли 400 мирных жителей. После этого Пентагон частично возвратил себе контроль над выбором объектов бомбардировки, ранее переданный командованию ВВС на театре военных действий. По приказу Чейни председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Колин Пауэлл пересмотрел оставшуюся часть списка целей в Багдаде, исключив оттуда региональную штаб-квартиру партии Баас, некоторые здания военной разведки, учреждения госбезопасности и ряд министерств. Пауэлл главным образом беспокоился о гражданском населении, которое Саддам вполне мог согнать в любое из этих зданий. Никто, кроме иракского диктатора, не хотел, чтобы трагедия в бункере Амирийя повторилась.

С начала войны в воздухе оказалось, что у Саддама политическое чутье развито несколько больше, чем талант военного руководителя. Практически он имел только одно хоть сколько-нибудь эффективное оружие. Это были устаревшие, медленно летящие и крайне плохо попадающие в цель ракеты «Скад». На вторую ночь операции «Буря в пустыне» первый сумасбродный ракетный удар по Израилю заставил Чейни выскочить из постели и броситься к специальной телефонной связи в Пентагоне. По «горячей линии» между Вашингтоном и Иерусалимом он связался с израильским министром обороны Моше Аренсом. Аренс был в ярости. Он сообщил Чейни, что после первого удара «Скадов» в воздух подняты двенадцать израильских самолетов, готовящихся атаковать Ирак. Он попросил, чтобы Чейни предоставил ему опознавательный код, который позволит израильским истребителям проследовать мимо союзных самолетов без столкновений. Иначе, по его словам, следовало на четыре часа отозвать союзную авиацию на базы, чтобы Израиль мог нанести свой удар беспрепятственно.

Прямой разговор. Прочие требования Аренса носили не менее взрывоопасный характер. Он хотел, чтобы Соединенные Штаты надавили на Иорданию и Саудовскую Аравию и заставили их дать израильским самолетам право пролетать через их воздушное пространство на пути в Ирак. Он сказал, что планирует наступление силами наземных войск и авиации, в ходе которого будут нанесены удары с воздуха, а сотни десантников атакуют позиции ракет «Скад» в Западном Ираке. «Мы все знали, что если у Саддама хватит ума запустить «Скады», а у Израиля хватит глупости ответить ударом на удар, то в этой войне сложится очень опасная ситуация», — вспоминает один

из высших советников Буша. Когда Чейни сказал Аренсу, что президент Буш не примет ни одного из этих требований, министр пошел на попятный. Спустя полчаса израильтяне сообщили, что их самолеты выполняют разведывательную задачу. Но это была только короткая передышка. По словам одного из старших помощников Буша, «создалась атмосфера постоянного балансирования на краю пропасти. Напряженность была очень, очень высока».

Некоторое время пентагоновские чиновники опасались, что если Саддам снабдит свои «Скады» химическими боеголовками, то Израиль в качестве возмездия может прибегнуть к ядерному оружию. Американская разведка не имела доказательств того, что Израиль нацелил на Ирак ядерные ракеты. Однако стратеги из Пентагона начали составлять планы на такой случай с учетом военно-политических последствий ядерного удара. Было очевидно, что при таком развитии событий арабские страны наверняка выйдут из коалиции, да и некоторых западных союзников удержать в ней будет непросто.

Через час после нападения первого «Скада» военный кабинет Буша собрался у Брента Скоукрофта, помощника президента по вопросам национальной безопасности, чтобы обдумать, как удержать Израиль от вступления в войну. Президент Буш позвонил премьер-министру Ицхаку Шамиру. Он выразил свое сожаление, а также предложил Израилю несколько батарей ракет «Пэтриот». Всего за несколько недель до этих событий Шамир отклонил подобное предложение. Теперь он принял его. Затем Чейни позвонил Аренсу и сообщил, что ракеты «Пэтриот» будут в боевой готовности к вечеру. В Западный Ирак направлялись специальные отряды десантников для выявления и уничтожения мобильных пусковых установок ракет «Скад». Американское командование отменило сотни намеченных бомбовых вылетов, чтобы самолеты занялись ликвидацией «Скадов». По существу, Вашингтон, отклонив план Аренса, собирался собственными силами осуществить нечто весьма похожее.

«Марсианин». Чтобы предотвратить дальнейшее ухудшение ситуации, президент Буш направил в Иерусалим помощника госсекретаря Лоуренса Иглбергера. Это была деликатная миссия. «Надо понять израильскую психологию, – говорил Иглбергер своему шефу Джеймсу Бейкеру. – В течение двух тысячелетий судьба евреев находилась на чужом попечении – и в результате произошла Катастрофа. Такого они не допустят больше никогда». Израильские военные выдвинули несколько вариантов возможных акций возмездия. Предлагалось обстрелять Ирак израильскими ракетами «Иерихон», тактически превосходящими «Скад», или даже провести совместный удар с воздуха силами США и Израиля. Другой вариант предусматривал уничтожение самолетов Саддама, интернированных в Иране.

Прибыв в Иерусалим, Иглбергер застал Аренса в возбужденном настроении. Шамир был серьезен. Среди прочих проблем израильское руководство было озабочено тем, что продолжение обстрела «Скадами» может уменьшить тягу советских евреев к переселению в Израиль. Ветеран американской дипломатии, наделенный как пониманием реальных интересов, так и чувством юмора, сумел смягчить тревогу израильтян. Однажды, после того как умолкла сирена воздушной тревоги, Иглбергер натянул противогаз и взглянул на себя в зеркало. «Господи, это же какой-то маленький толстый марсианин», – простонал он. Помощник госсекретаря снял противогаз и больше его уже не надевал.

Израиль удалось удержать вне войны, но маневры вокруг «Скадов» вызвали некоторые трения между политическим и военным руководством в самой Америке. По меньшей мере дважды Чейни выражал свое недовольство тем, что военные умышленно затягивают выполнение приказа президента по уничтожению «Скадов». Действительно, командование на театре военных действий едва ли могло быть в восторге от такого решения. По данным из Пентагона, в начальный период войны в воздухе до 15% всех военно-воздушных сил использовалось для охоты за «Скадами», тактически совершен-

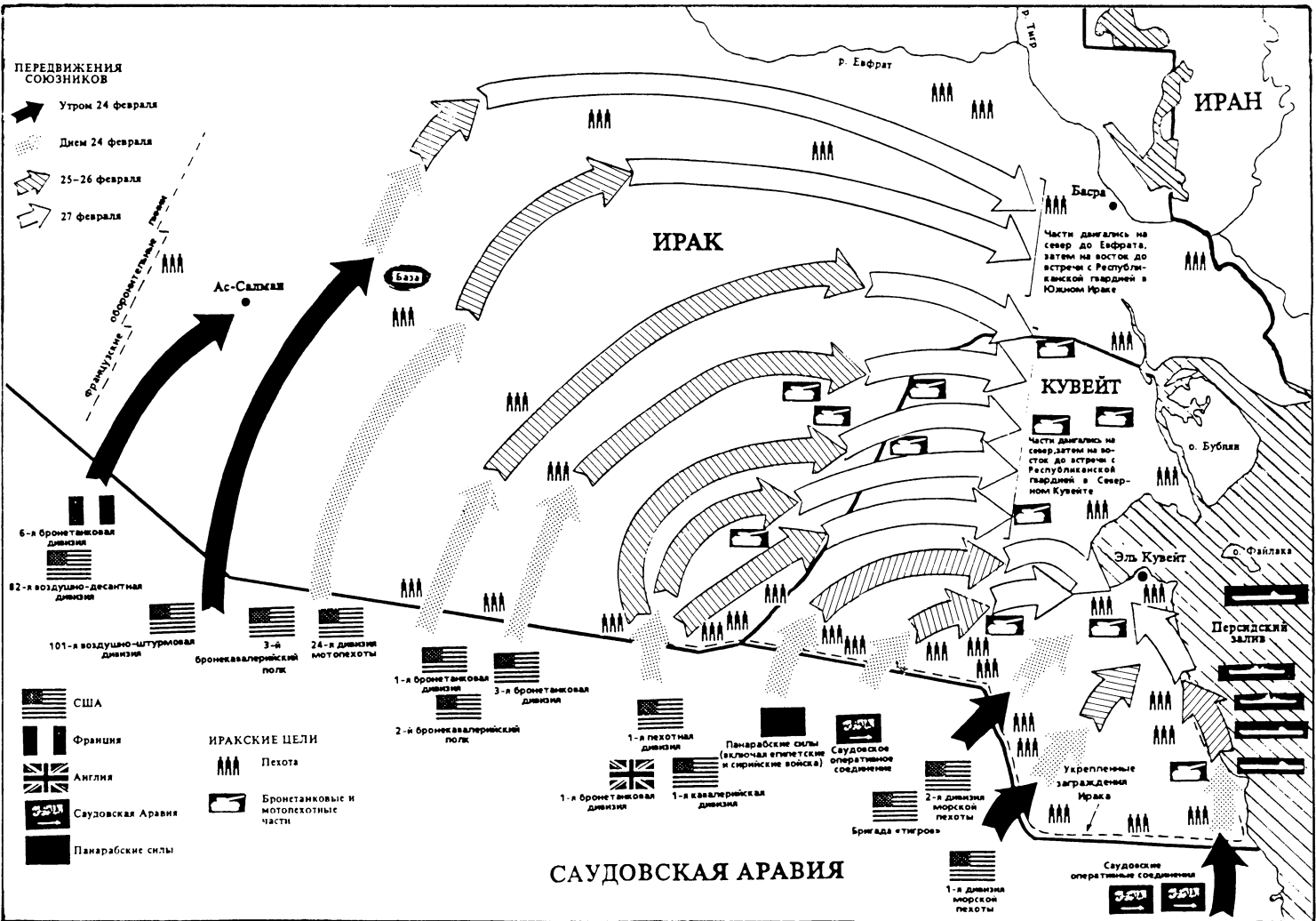
но бесполезными. Хорнер организовал специальную комиссию, которая каждый вечер собиралась и обсуждала очередные задачи союзной авиации по уничтожению «Скадов». Высотный разведывательный спутник получил секретную команду засекаать пуски «Скадов» и передавать их координаты в Космическое командование, откуда они сообщались на самолеты «АВАКС» и F-15, патрулирующие над Ираком. В результате этой охоты удалось уничтожить ряд пусковых установок, однако до своего окончательного поражения Саддам успел выпустить 81 ракету. Под конец запускаемые «Скады» (очевидно, уже совсем ветхие от старости) разрушались в полете. Одна такая ракета, рассыпавшаяся в воздухе над казармой в Дахране, привела к гибели 28 американских военнослужащих. После этого усилия по поиску и уничтожению «Скадов» удвоились. Отвлечение сил на эту задачу заставило продлить бомбардировки на лишнюю неделю и отложить начало наземного наступления. А по мнению Верховного главнокомандующего Буша, только такое наступление должно было поставить армию Саддама на колени.

Битва, длившаяся сто часов

В недрах Пентагона, в командном центре сухопутных войск США защищенная линия связи с Эр-Риядом молчала. Начальник штаба американской армии был не настолько глуп, чтобы болтать с командирами соединений, вступающих в бой. Сидя за длинным столом, генерал Карл Вуоно изучал настенную карту кувейтского театра военных действий. Все его части находились на своих местах в готовности к наступлению. В Вашингтоне был субботний вечер, на Ближнем Востоке – воскресенье утро. В 8 часов вечера по вашингтонскому времени первые подразделения 18-го армейского корпуса ворвались в Южный Ирак. Находившийся в командном центре офицер вспоминает, что все были напряжены. Всех волновал один и тот же вопрос: «Что нам делать, если случится что-нибудь плохое?».

Обеспечить, чтобы ничего плохого не случилось, – это была задача ВВС. Вопрос был в том, какой ущерб успели нанести Саддаму и его армии удары с воздуха. Генерал Норман Шварцкопф, главнокомандующий на театре военных действий, в свое время потребовал от Хорнера, чтобы военный потенциал Саддама был уничтожен наполовину. К середине февраля создалось впечатление, что авиация, направляемая из «Черной дыры», близка к выполнению этой задачи, но точные показатели никому не были известны. В штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли подвергались сомнению оценки ущерба противнику, сделанные в районе боевых действий. (По Пентагону ходил такой анекдот: если сотрудник ЦРУ увидит на фотоснимке со спутника, что корпус танка стоит на одном берегу реки, а башня – на другом, он будет интерпретировать эту информацию как «возможный факт ущерба».) В день начала наступления командование дало сдержанную оценку, заявив, что потенциал Ирака «истощен» на треть. Вероятно, истинная величина ущерба была выше. Высшие чины в командовании ВВС предпринимали завуалированные действия, чтобы отсрочить наземное наступление по крайней мере еще на неделю. Они утверждали, что еще несколько дней ковровых бомбардировок будет достаточно для капитуляции Ирака.

Споры в военной среде насчет сравнительных достоинств авиации и сухопутных сил восходят еще ко временам аэропланов «Фарман» и пулеметов «Максим». По словам одного человека, знающего обстановку в Пентагоне, «было много считавших, что наземное наступление вообще не нужно». Однако в конечном счете пересилили другие доводы. Армия и морская пехота рвались в бой. Шварцкопф призвал считаться с тем, что американское общественное мнение отвернется от союзников, если бомбардировки покажутся слишком длительными и опустошительными. Белый дом опасался, что если Саддам продержится еще некоторое время, он предпримет лихорадочные

дипломатические усилия, которые смажут результаты войны. И почти все, от Буша до Колина Пауэлла, тревожились, что Саддам отступит из Кувейта еще до того, как откроется возможность уничтожить его военную машину.

Армия шла в битву с полной уверенностью в своих силах. Первоначальные компьютерные прогнозы оценивали вероятные американские потери примерно в 40 тыс. человек, или около 10% общей численности войск. В прошлом десятипроцентный уровень потерь считался приемлемым, но после Вьетнама взгляды изменились. «Подготовка поля боя» (таким нейтральным термином Шварцкопф обозначил предварительное обескровливание иракской армии) изменила арифметические пропорции. Окончательная компьютерная модель показала, что величина потерь при наступлении должна составить около 5 тысяч человек. Первоначально советники Буша предупреждали его, что война на суше продлится не меньше шести недель. Теперь компьютеры выдали такой прогноз: если республиканская гвардия вступит в бой, то операция займет неделю; если же она не будет высовываться – десять дней.

Главным элементом плана боевых действий было то, что Шварцкопф позднее назвал комбинацией «Аве Мария», – наступление на фланге противника, причем немного западнее, чем считалось возможным. Командиры американских дивизий были поражены, когда прошлой осенью Шварцкопф впервые огласил этот план. Пентагоновские стратеги опасались, что генерал недооценивает количество войск, необходимых для такого маневра. ЦРУ и разведывательное управление министерства обороны предупреждали, что на западе Ирака местность слишком пересеченная: танки по ней двигаться могут, но грузовики будут застревать, так что наступающие 18-й и 7-й корпуса будут отрезаны от баз снабжения. Но Шварцкопф послал в зону предстоящих боев десантников из сил специального назначения, чтобы собрать образцы почвы и соответственно наметить линии снабжения. Командующим действующей армией был назначен генерал-лейтенант Джон Йосок, начальником оперативного отдела штаба – бригадный генерал Стив Арнолд. Генерал-лейтенант Гэс Пагонис показал себя как подлинный маг и волшебник снабжения. Выбрав этих людей, Шварцкопф получил возможность преподнести иракцам сюрпризы. «Это было вроде дня высадки в Нормандии», – говорит Пагонис. Саддаму предстояло получить удары отовсюду.

Непросто было перебросить 18-й и 7-й корпуса со всей техникой и имуществом, скрыв от Саддама их расположение. Это означало перевезти на грузовиках более 200 тысяч солдат и офицеров на расстояние 500 км по пустыне, через которую шло единственное шоссе – так называемая Отводная дорога. Чтобы сохранить секретность, Шварцкопф решил начать передвижение только за десять суток до наземного наступления. Пагонис просил еще две недели, чтобы построить передовые базы снабжения и расставить все по местам. Шварцкопф отказался, задав такой вопрос: «Сколько солдатских жизней будет стоить каждый переброшенный вами грузовик?» Чтобы уложиться в срок, Пагонис должен был провести по Отводной дороге 4500 грузовых машин. Круглые сутки машины шли по дороге сплошным потоком – восемнадцать в минуту. В свое время курсант Пагонис получил по тактике тройку с минусом. За организацию снабжения в ходе операции «Аве Мария» он заработал пять с плюсом. Теперь он беспечно вспоминает: «Надо же, там все постоянно разлаживалось. Приходилось то и дело налаживать вновь».

Для сохранения своего маневра в тайне Шварцкопф использовал маскировку. Журналисты и близко не подпускались к происходящему. Иракские ВВС могли наблюдать только за уличной жизнью городов Ирана. Однако нельзя было укрыться от советских разведывательных спутников – они-то наверняка могли зафиксировать крупное передвижение войск в западном направлении. Вопрос был вот в чем: предупредит ли Горбачев Саддама? Кое-кто в Пентагоне до сих пор убежден, что Горбачев действительно подал сигнал тревоги, но слишком поздно – генералы Саддама просто не успели

ничего сделать. Белый дом и ЦРУ не разделяют этого мнения. Так или иначе, маскировка оказалась успешной. Радиоперехваты показали, что иракцы не имели ни малейшего понятия о готовящемся наступлении во фланг.

Саддам был введен в заблуждение двумя ложными ударами. Шварцкопф приказал первой моторизованной дивизии начать наступление по сухому руслу Эль-Батин, которое тянется вдоль западной границы Кувейта и представляет собой самый естественный путь для вторжения. Морской пехоте было приказано имитировать десант на побережье Кувейта. Моторизованные части были недовольны тем, что на их долю выпала такая второстепенная задача. Со стороны морских пехотинцев реакция была еще более бурной. Генерал-лейтенант Уолтер Бумер, командующий силами морской пехоты в Персидском заливе, просил Шварцкопфа изменить решение. Просьба была отклонена. Генерал Альфред Грей, главнокомандующий морской пехотой, пожаловался в Вашингтоне Пауэллу. Пауэлл тоже не уступил. Высадка десанта через усеянную минами морскую полосу на берег, находящийся под огнем противника, была бы наверняка самой кровопролитной операцией в ходе войны. Даже военно-морские силы высказались против десанта. «Морские пехотинцы в самом деле желали этой высадки, – говорит один из помощников Грея. – Они боролись за нее как могли, но в конце концов проиграли». И все же угроза десанта сковала около десяти иракских дивизий. Если бы эти силы переместились на запад, Шварцкопф дал бы морской пехоте разрешение на высадку. Но такая ситуация так и не возникла.

9 февраля, когда Чейни и Пауэлл вылетели в район Залива для встречи со Шварцкопфом, главнокомандующий сначала попросил на подготовку к наземному наступлению еще три-четыре недели: ему было известно, каких усилий в области обеспечения потребует «Аве Мария». Но начальство убедило его, что задачу следует выполнить раньше, и тогда Шварцкопф наметил начало наступления на 21 февраля. Начались последние военные приготовления. Случилось так, что по времени они совпали с последним оживлением маневров на дипломатическом фронте.

12 февраля в Багдаде Саддам встретился с Евгением Примаковым, личным посланником Горбачева. Приняв менее воинственный вид, чем обычно, иракский диктатор поставил несколько на удивление уместных вопросов: не будут ли союзники стрелять в спину отступающим иракским войскам? прекратятся ли удары с воздуха? будут ли отменены санкции ООН? Примаков, твердолобый советский арабист, сообщил в Москву, что видит «луч надежды». Горбачев позвонил Бушу, чтобы информировать его о новой позиции Саддама. Этот звонок стал началом 10-дневного периода неохотных дипломатических усилий.

«Проще всего было бы сказать Горбачеву, чтобы он повесил трубку», – проворчал один из высших представителей администрации. Но это было не так-то просто. «Когда Горбачев лично вошел в игру, – сказал другой помощник Буша, – нам пришлось рассматривать советскую активность как серьезную проблему». Игра носила сложный характер. Буш и Скоукрофт были раздражены советским маневром, но расценивали его как реакцию Горбачева на давление со стороны военных и сторонников жесткой линии в Москве. Они считали, что советский президент не порвет с коалицией, ибо в первую очередь заинтересован в поддержании хороших отношений с США. Исходя из этого, Буш постоянно подчеркивал, что высоко ценит советские усилия. Однажды, когда Чейни, вице-президент Дэн Куэйл и другие предложили президенту проявить более жесткое отношение к советской инициативе, он резко ответил им: «Нет, это вам надо быть поспокойнее». На протяжении всей дипломатической игры Буш следовал тем же правилам, что и в своей предвыборной кампании за президентский пост: контролировать последовательность вопросов; без промедления энергично отвечать на любые обвинения; использовать для распространения своих идей средства массовой

информации, а главное, никогда не доверять своему оппоненту. «К этому моменту действия Саддама уже почти не имели значения, – вспоминает один военный специалист из окружения Буша. – Мы твердо решили, что война закончится, когда мы этого захотим, и ни единым днем раньше».

В середине февраля Шварцкопф попросил отложить начало наземного наступления на два дня – до 23 февраля. Эта отсрочка оказалась весьма удачной. 21 февраля, то есть в ранее намеченный день начала войны на суше, советское руководство объявило о новом плане мирного урегулирования. Этот план был разработан совместно с министром иностранных дел Ирака Тариком Азизом, который кружным путем с пересадками прибыл в Москву для переговоров с Горбачевым. Ирак соглашался приступить к полному выводу войск из Кувейта, обещая закончить его в течение трех недель.

Буш пригласил восемь ближайших помощников в свой личный кабинет, расположенный в жилых покоях на верхнем этаже Белого дома. Проблема была в следующем: как отделаться от мирного предложения и не выглядеть при этом поджигателями войны? Можно было либо просто отклонить план Горбачева на том основании, что он слишком отягощен условиями, либо же выдвинуть собственные предложения. Второй вариант таил в себе опасность: Саддам мог и в самом деле принять американские условия мира. Имея в виду, что до начала наземного наступления оставалось всего 48 часов, Пауэлл предложил, чтобы Буш поставил Саддама перед жестким ультиматумом, потребовав начать вывод иракских войск не позднее 12 часов дня субботы 23 февраля. «Мне это нравится. Хорошая мысль», – сказал президент.

Саддам пропустил этот срок – и Шварцкопф начал действовать по графику. В воскресенье утром в оперативном центре сухопутных войск в Пентагоне царил праздничное настроение. 101-я воздушно-десантная дивизия только что захватила объект «Гоулд» – намеченный район сосредоточения войск в Юго-Западном Ираке. На западе французская 6-я легкая бронетанковая дивизия и бригада 82-й воздушно-десантной взяли город Эль-Салман. Группы психологической войны уговаривали сдаваться целые иракские батальоны. 3-й корпус Саддама пытался перейти в контрнаступление, но был отброшен прибывшей в качестве подкрепления дивизией морской пехоты. Республиканская гвардия была захвачена врасплох фланговым наступлением. По данным наблюдения со спутников, дивизия республиканской гвардии «Тавакальна» медленно передвигалась в южном направлении. Возможно, ее ввело в заблуждение ложное наступление 1-й моторизованной дивизии американцев. Другие дивизии республиканской гвардии готовились к бою только тем, что сняли чехлы с машин. Мосты на пути к Басре были разрушены. Отступить было некуда.

Даже предполагаемое превосходство Ирака в артиллерии оказалось мифом. Действительно, у Саддама было больше орудий, и они обладали большей дальностью стрельбы. Но союзники располагали многоствольными установками ракетной артиллерии, а также орудиями калибра более 200 мм, причем управление огнем велось со спутников. Как только иракская батарея делала выстрел, американский радар Q-37 засекал ее координаты и передавал на компьютеры американской артиллерии. Не проходило и минуты, как иракская батарея накрывалась огнем. Вскоре многие иракские орудия прекратили стрельбу. Потянуть за шнур означало вызвать на себя смертельный удар.

В воскресенье днем Чейни и Пауэлл еще раз собрались вместе с президентом и другими высшими советниками в жилых покоях Белого дома. На этот раз им предстояло дать Бушу первый полный отчет о ходе наступления. Пауэлл описывал боевые действия, пользуясь комплектом карт региона. Результаты, по его словам, были «поразительны». В субботу вечером, как и намечалось, две саудовские оперативные войсковые группы проникли через иракские оборонительные линии и продвинулись к побережью Кувейта. 1-я и 2-я дивизии морской пехоты взломали оборону на границе, к югу от того

места, где Саддам сосредоточил свои войска в ожидании главного удара. 101-я воздушно-десантная дивизия организовала передовую базу снабжения горючим и боеприпасами в глубине территории Ирака. Сопротивление оказалось столь слабым, что 7-й корпус начал свое наступление во фланг с опережением графика на 14 часов. 24-я механизированная дивизия вторглась в Западный Ирак в то самое время, когда 101-я воздушно-десантная быстро продвигалась к междуречью Тигра и Евфрата. Иракцы сдавались в плен тысячами. На момент доклада был убит только один американский военнослужащий. Пауэлл предсказывал, что война закончится к пятнице.

Операции по очистке захваченных районов от остаточных сил противника шли так же быстро, как и общее наступление. Главная трудность для союзников была связана с погодой. В прогнозе говорилось о сильных дождях, ветрах и пыльных бурях, представлявших угрозу для грузовых автомобилей, а также для вертолетов. Многие дивизии продвигались, развернув громоздкие средства химзащиты: были опасения, что в последний момент Саддам может использовать химическое оружие. В понедельник задул южный ветер в направлении иракских позиций, но это не уменьшило беспокойства американцев. «У этого парня хватит тупости пустить газ на самого себя», – проворчал офицер командования сухопутных войск в Пентагоне. Пока передовые атакующие части пробивались к Эль-Кувейту, ведущие в тыл дороги были уже забиты иракскими военнопленными – их число составляло 23,5 тыс. На командный пункт в Эр-Рияде поступило сообщение, что багдадское радио объявило о готовности Ирака к безоговорочной капитуляции. «Слишком мало и слишком поздно, дьявол его побери!» – рявкнул один из помощников командующего.

Во вторник Чейни и Пауэлл еще раз явились в Белый дом. Они сообщили Бушу, что для завершения всех операций потребуется не больше суток. К этому моменту 24-я механизированная дивизия заняла позиции к югу от Евфрата, блокировав пути отхода противника из Кувейта. Бомбардировщики В-52 подвергли массированным ударам охваченные паникой иракские войска, беспорядочно отступавшие по дорогам к северу от Эль-Кувейта. 1-я и 3-я бронетанковые дивизии и 1-я механизированная дивизия громили дивизию республиканской гвардии «Медина» и «Тавакальна». Штурмовые вертолеты АН-64 атаковали дивизию «Хаммурапи». От окончательного уничтожения гвардию спасал только дождь. «Дорог нет, и пустыня превратилась в кашу», – сообщало командование в Пентагон. Но это уже не имело особого значения. Пентагон, связавшись с командованием американских войск в Германии, приказал отменить воздушную переброску подкреплений для танковых экипажей. 22 корабля с грузом предметов снабжения и боеприпасов, направлявшиеся в Персидский залив, получили приказ разворачиваться обратно. Саддам уже не мог продолжать борьбу.

Верный себе диктатор заявлял о победе при каждом своем поражении. К среде разгром был таков, что мог смутить и Саддама. Президент Буш созвал свой военный совет на последнее заседание. Пауэлл сказал: «К сегодняшнему вечеру там уже фактически не будет противника. Завтра можно будет только гоняться за солдатами, оставшими от своих частей». Один из советников предложил Бушу объявить о прекращении огня в четверг. Президент сказал: «Я хотел бы сделать это еще сегодня. Согласуйте вопрос с Норманом». Пауэлл снял трубку специального телефона, обеспечивающего связь между Верховным главнокомандующим и главнокомандующим в районе Персидского залива. Это был один из немногих случаев использования этой линии связи. Шварцкопф быстро согласился. Один из помощников президента заметил, что если объявить прекращение огня в полночь, то период наземных боевых действий составит ровно сто часов. Бушу понравилось такое совпадение. И в полночь пушки замолчали. ●

Том ГЕРЕЛС (Тусон, Аризона)

АНДРЕЙ САХАРОВ: ИНТЕЛЛЕКТ, МУЖЕСТВО, ЦЕЛЬНОСТЬ

Обретая жизненный опыт в общении с другими, мы встречаем и людей выдающегося ума, и исключительно мужественных, и тех, кто выделяется своей строгой приверженностью кодексу моральных ценностей. Но есть такие, кто оказывается более совершенным, более цельным, чем любой из нас. Это те немногие, кто обладает всеми тремя качествами – интеллектом, мужеством, цельностью, – сплетенными в их личности воедино. Одним из этих немногих людей и был Андрей Сахаров. Я пытаюсь найти, кто может сравниться с ним, и мне приходят на ум лишь Махатма Ганди и немногие безвестные герои военных лет. Любой может перебрать в уме людей с такими качествами и назвать иные имена, ибо наверняка должны быть и еще примеры людей этого выдающегося склада.

Я сравнил Андрея Сахарова с Махатмой Ганди; поначалу это может вызвать удивление, ибо внешне эти два человека совершенно различны. Следует, однако, заглянуть глубже, ибо внешние различия случайны и определяются лишь географией и воспитанием: трудно в условиях русской зимы представить себе Сахарова, одетого всего лишь в домотканую набедренную повязку. Продумывая различия между ними дальше, следует учесть образование и воспитание, полученное этими людьми. Сахаров был воспитан в традициях строгого разума, основанных, в частности, на учении Рене Декарта. Ганди вырос в более мягкой атмосфере постоянных поисков глубинного смысла и сущности Бога. На Сахарова должно было также повлиять славянское мироощущение, что сблизило его с Ганди больше, чем это можно ожидать с первого взгляда. Особенно во время Второй мировой – Великой Отечественной – войны чувство принадлежности к Родине было особенно сильно. Сахаров хорошо это описывает в начальных главах своих «Воспоминаний». Так или иначе, я хочу показать, что между личностями и человеческим духом Андрея Сахарова и Махатмы Ганди существует глубокое сходство. С этой целью я буду широко цитировать Ганди еще и потому, что он обладает особой способностью выражать ключевые идеи в немногих словах.

Я хочу здесь почтить память Андрея Дмитриевича Сахарова. Следует помнить, что сам он не одобрил бы слов пустой лести. Но думаю, он бы не возражал, если бы мы занялись целенаправленным исследованием новых идей и поиском взаимопонимания. Рассмотрим же вкратце идею цельности и целеустремленности, исходя из примеров, которые дают нам жизнь и учение Сахарова и Ганди.

Цельность, по-видимому, – наиболее существенная, наиболее вечная из человеческих характеристик. Ганди пишет:

Подобно тому, как роскошный дворец,
покинутый обитателями,
выглядит руиной,
таков и человек без характера,
каким бы богатством
он ни обладал.¹

Том Герелс – известный американский астрофизик, профессор Аризонского университета в г. Тусон (Лунная и планетная лаборатория). Ему принадлежит открытие астероида (малой планеты) Сахаров (см. постскрипtum к статье). Т. Герелс был членом жюри IV Сахаровских слушаний в Лиссабоне в 1983 г.

¹ Здесь и далее цит. по кн.: Gandhi, Bombay, Vakil & Sons Ltd.

По моему собственному опыту человеческого общения я знаю, что цельность – это первый критерий оценки человека, для чего бы такая оценка ни производилась: для назначения на пост директора лаборатории или института, для выбора друга или супруга.

Почему же цельность столь важна? Ганди дает этому глубокое обоснование: в основе цельности лежит Истина. Мысль эта столь серьезна, что Ганди возвращается к ней вновь и вновь. Он ясно понимает, что Истина есть главнейшая цель, есть направляющая человеческого существования, сущность человеческого духа. Ганди стоит перед Истиной в благоговении, как перед основой основ, он даже называет ее Богом.

Трудно определить,
что такое Бог;
но определение истины

находится в сердце каждого человека.
 Истина – это то,
 что ты полагаешь справедливым
 в данный момент,
 и это есть твой Бог.
 Если человек
 исповедует эту относительную истину,
 можно быть уверенным,
 что с течением времени
 он достигнет Абсолютной Истины,
 то есть Бога.

В унижении,
 при так называемом поражении,
 в жизненных бурях,
 я способен хранить внутренний мир,
 ибо в основе моей лежит
 вера в Бога,
 преображенного в Истину.
 Бога можно описать
 миллионом способов,
 но для себя я принял формулу:
 Истина есть Бог.

Хорошо, – могут возразить, – это прекрасная этическая концепция, но реальный мир, деловая жизнь и политика, например, более прагматичны. Однако Ганди и Сахаров не были мечтателями, как мы увидим ниже, обсуждая вопрос о компромиссе. Кроме того, всегда существует неопределенность относительно того, что есть Абсолютная Истина. Часто Абсолютной Истины не существует: верное для одного человека может быть ложным для другого. Но мы по крайней мере можем стремиться к Истине. Ганди писал:

Смертные люди
 никогда не познают во всей полноте
 Истину и Любовь,
 которые по сути своей бесконечны.
 Но мы знаем о них достаточно,
 чтобы они служили нам руководством.

Истина – весьма практическое руководство. Она всегда проще, чем сооружение лжи и полуправд. Если всегда придерживаться истины, можно избежать многих неприятностей. Так, например, Соединенные Штаты гордятся своей конституцией, которая представляет собою великолепную этическую концепцию. Но политика не всегда основывается на нравственных идеалах, это видно из того, что мы вооружали Ирак в 80-е годы, хотя там и была диктатура. Если бы американские политики больше руководствовались Истиной, в 90-е годы это спасло бы их от неприятностей. Между прочим, Андрею Сахарову понравилось бы это замечание.

Истина была для Сахарова нормой. Читая его «Воспоминания», понимаешь, что он был простым человеком, если понимать под простотою цельность. Если он считал что-либо справедливым, будь то в физике или в области прав человека, он не колебался заявить об этом. Яркий пример этого мы встречаем в описании его первых шагов в области общественных проблем. В 1966 г. его попросили подписать заявление в связи с возникшими опасениями предстоящей реабилитации Сталина. В то время это было опасной темой. Но Сахаров пишет просто: «Я прочитал... письмо..., письмо не вызвало моих возражений, и я его подписал».

Это приводит нас к следующему вопросу: откуда берутся интеллект и цельность? Как случилось, что Сахаров оказался наделенным ими в полной

мере? Должно быть, Андрей Дмитриевич унаследовал значительную часть своего интеллекта от родителей, так же, возможно, как и основы своей цельности. Читая его «Воспоминания», поражаешься его скромности. Есть восхитительная простота в описании его молодости. Он без колебаний пошел работать на военный завод, женился на девушке из простой семьи, во время войны жил трудной жизнью, отдавая все силы своей стране. Постепенно он обнаружил у себя сильный интеллект и научился им пользоваться. С восторгом он вспоминает, как он открыл, что может решать инженерные и физические задачи, сначала простые, а затем все более и более сложные. В конечном счете его живой ум обратился к проблеме прав человека.

В этом состоит еще одно его сходство с Махатмой Ганди, который начал свою карьеру в качестве народного адвоката в бедном районе Дурбана, в Южной Африке. Постепенно он понял, что может многое сделать для своего народа. Так он нашел новое дело своей жизни. У Сахарова было тоже два дела жизни: сначала физика, затем – права человека.

Сахаров стал одним из самых блестящих физиков. Я столкнулся с одной из его великих идей – о распаде протона – в Индии.¹ Индийские физики находились под впечатлением от его работ, особенно его теории о том, что протон, хотя и медленно, но распадается. Они проводили эксперимент в глубокой золотой шахте близ Колара в Южной Индии, чтобы найти ответ на вопросы: ограничено или бесконечно время существования материи? распадаются ли и исчезают атомные ядра? Было бы очень полезно, если бы Сахаров принял участие в индийском эксперименте в Коларе. Конечно, эта мысль была внушена также и желанием вызвать Сахарова и Боннэр из Горького. Я поднял вопрос о Сахарове перед премьер-министром Индией Ганди в 1984 г. Она была воспитана своим отцом Джавахарлалом Неру, знала о проблемах распада протона и была также хорошо знакома с положением Сахарова и Боннэр в Горьком. Она объяснила, что ей было бы трудно что-то сделать в этом отношении, ибо вопрос о Сахарове стал в Советском Союзе очень чувствительным делом. К тому же не было ясно, кто отвечает за это дело. Из опыта ее отношений с Черненко было видно, что реагирует на запросы не он, а кто-то иной. Было трудно понять, кто же в действительности находится у власти в Советском Союзе. Однако у меня создалось впечатление, что индийское правительство уже рассматривало возможность приглашения Сахарова в Индию.

Г-жа Ганди понимала, что и в Индии Сахаров стал бы продолжать свою деятельность в области прав человека. Это было естественно, ибо она относилась к Сахарову с огромным уважением. Нас поражал этот человек – один из немногих, кому действительно было дано дело, ради которого стоило жить и, если надо, умереть. Махатма Ганди выразил это так:

Есть вечные принципы,
которые не допускают компромиссов,
и нужно быть готовым к тому,
чтобы отдать свою жизнь
за то, чтобы они были воплощены.

Г-жа Ганди была убита вскоре после нашей с нею беседы, и теперь ясно, что у нее тоже было дело, ради которого стоило жить и умереть. Она была целиком предана делу Индии, тому, чтобы обеспечить продвижение своей страны вперед.

Индира Ганди, Андрей Сахаров, Махатма Ганди – все они имели мужество жить и умереть за свое дело. Вечером накануне роковых выстрелов Индира сказала перед большой толпой: «Я не стремлюсь жить долго. Я не боюсь умереть. Я готова отдать жизнь на службу народу. Если я умру сегодня, каждая капля моей крови придаст новую силу моему народу». В каком-то смыс-

¹ См. мою книгу «On the Glassy Sea, an Astronomer's Journey», N.Y., 1988.

ле Андрей тоже умер за свое дело. Его здоровье было резко подорвано напряжением, вызванным преследованиями КГБ, особенно в Горьком. Его эмоциональная напряженность последних дней была, благодаря телевидению, видна всему миру, когда он сражался за продвижение своей любимой страны к большему миру и справедливости.

Откуда у человека берется мужество? Возможно, оно наследуется, но более вероятно, что оно возникает в человеке постепенно, от воспитания, от его окружения. По-видимому, огромное значение имеют самые ранние годы, примерно до пяти лет. Также важной является другая черта характера – определенная независимость, умение не принимать вещи слишком всерьез, чувство юмора, умение идти на компромиссы, не поступаясь нравственными нормами. Это, по-видимому, является общей чертой многих людей, переживших ужасные превращения войны. Вот почему слово «мужество», обозначающее стойкость духа при столкновениях с жизненными испытаниями, лучше описывает названные качества, нежели близкое ему слово «смелость». Мужество вполне было присуще Сахарову. Вспомним, как он описывает в «Воспоминаниях» ужасное обращение, которому он и Люся Боннэр подвергались в Горьком. Он готов даже простить тех, кто так с ним обращался. Вот, например, его слова о Якове Зельдовиче:

«Сейчас я хотел бы вернуться к более терпимому взгляду, с учетом всех сторон его богатой личности и всей его судьбы. Недавно Я.Б. подошел ко мне во время собрания АН и сказал на бегу (как всегда, он куда-то торопился): «В прошлом было всякое, давайте забудем плохое. Жизнь продолжается». Да, конечно.»

Махатма Ганди размышляет о компромиссе – не в «вечных принципах», о которых говорилось выше, но в действиях и в самореализации:

Есть последовательность мудрая
и последовательность глупая.
Человек, который
ради последовательности
отправится гулять обнаженным
и под горячим солнцем Индии,
и в Норвегии в середине зимы,
будет выглядеть глупцом
и к тому же рискует жизнью.

Но во всю мою жизнь
сама приверженность истине
научила меня
оценить красоту компромисса.

И Ганди, и Сахаров являли собою любопытное сочетание целеустремленности и способности к практическим компромиссам, понимая их ограниченность, но всегда будучи готовыми, попытаться вновь. Ганди писал:

Ошибаться,
даже серьезно, присуще человеку.
Но свойство это можно назвать
человеческим,
если только есть готовность
исправить ошибку
и не повторять ее вновь.
Ошибка будет забыта,
если обещанное выполнено полностью.

Удовлетворение состоит в попытке,
а не в достижении.
Серьезная попытка –
это серьезная победа.

Ганди и Сахаров не были просто мучениками, напротив, они ясно понимали, куда направлять свои попытки, как жертвовать, чтобы в наибольшей мере добиться успеха. Они знали, как выбрать правильное время для голодовки и как привлечь к ней общественное внимание, чтобы получить поддержку и добиться желаемого успеха. Ганди говорит:

Вера в то,
что нет связи
между средствами и целью, –
огромная ошибка.
Что посеешь – то пожнешь.

У них обоих был сильный политический инстинкт. И здесь вновь поражает сходство между Сахаровым и Ганди. Ганди высказывает очень глубокую мысль, когда замечает:

Голодовка может стать
мощным орудием
как повторства своим слабостям,
так и самоограничения.

Требовательная честность и целостность обоих проявляется также в их верности друзьям. Верность Сахарова своим близким и Люсе – это главная тема его «Воспоминаний».

Можно многое узнать о человеке по тому, как он судит о других. Вот как Сахаров говорит о своем учителе в физике Игоре Тамме:

«Сейчас для меня представляются главными именно основные принципы, которые владели Игорем Евгеньевичем, – абсолютная интеллектуальная честность и смелость, готовность пересмотреть свои взгляды ради истины, активная, бескомпромиссная позиция – дела, а не только фрондирование в узком кругу».

На этом мы закончим наши размышления, посвященные памяти Андрея Сахарова. Мы будем помнить о нем как о примере для нас, показывающем, как бороться за истину и цельность, как использовать свой интеллект и сообразительность, как быть мужественным в отстаивании принципов, как наполнить всем этим свою жизнь. Как пишет Ганди:

Жизнь есть стремление.
Ее предназначение –
это борьба за совершенство,
которое есть самореализация.

Наш друг Андрей Дмитриевич Сахаров показал нам, что такое Человеческий Дух. ●

P.S. Среди примерно трех тысяч известных нам астероидов в поясе между орбитами Марса и Юпитера есть один, находящийся в международном каталоге под номером 1979 (см. «Эфемериды малых планет», изд. Института теоретической астрономии, Ленинград; выпускаются ежегодно). Его название – Сахаров. Вот некоторые элементы его орбиты: большая полуось 2,37 астрономической единицы, эксцентриситет 0,1, наклонение к эклиптике 6°. Название было утверждено Международным астрономическим союзом (МАС), о чем было сообщено в *Minor Planet Circulars*, № 6207, 1981.

Лех Валенса не получил «своего» астероида, ибо вскоре после присвоения названия «Сахаров» астероиду 1979 МАС изменил свой подход. Такие названия стали рассматриваться как «чрезмерно политизированные». Тем не менее удалось провести через комитет МАС, занимающийся присвоением имен астероидам, «диссидентские» названия астероидов Галя (2317) и Любарский (2318).

Александр ВЕРХОВСКИЙ
(Москва)

ЛИБЕРАЛИЗМ ПОСЛЕ ПЕРЕСТРОЙКИ

Давно уже стало общим местом, что в России слабы демократические и особенно либеральные традиции. Из этой совершенно справедливой посылки всегда делался вывод, что успех либеральной демократии, если и возможен, то только в отдаленном будущем. Но всего через пять лет после провозглашения «перестройки» либерально-демократическая идеология стала господствующей в обществе, а во многих случаях политические силы, сплоченные этой идеологией, даже пришли к власти.

К сожалению, успехи 1990 года не отменяют пессимистических прогнозов. Собственным, внутренним причинам надвигающегося кризиса либерально-демократической оппозиции и посвящена данная статья.

Потерявшая с точки зрения властей свою эффективность коммунистическая идеология была отдана на растерзание модернизаторам, ориентирующимся на удачливого конкурента – либеральный Запад. Как следствие, в идеологическом комплексе и в первую очередь в средствах массовой информации к власти стали приходить «скрытые либералы», существовавшие и при Брежнев, и при Андропове, но умело сдерживавшие свое вольнодумство. Влияние же прессы в нашей стране поистине огромно.

Масса участников современного демократического движения сложилась из тех, кому перестроечная пресса «открыла глаза», тех, кто и раньше слушал «Свободу» и Би-Би-Си, и, наконец, из небольшого слоя, как-то связанного с либерально-демократическим, основным по численности и известности, крылом старого диссидентства. Никакая другая идеологическая оппозиция коммунизму не могла конкурировать с либерализмом ни в одном из этих «трех источников».

Впрочем, если бы западноевропейский либерализм пригляделся к этой всепобеждающей либеральной волне, то кое-что сразу вызвало бы у него сомнения. Главное, то есть идея приоритета прав личности перед правами государства, конечно, было. Но были и явные «родимые пятна коммунизма»: совсем не либеральная нетерпимость к оппонентам и постоянные рассуждения о социальной справедливости.

И все-таки это были только отдельные изъяны, пусть и прямо связанные с фактом неготовности России к либерализму. Такие недостатки, как и всякие издержки роста, можно преодолеть просто со временем. Более основательные причины кризиса российской либеральной демократии связаны с выходом ее из состояния газетной оппозиции в большую политику. Порожденных этим новых, да и более серьезных проблем можно выделить, во всяком случае, четыре.

Остановимся на них подробнее.

Для большинства участников демократического движения демократия (власть представительства, суверенитет народа) явно выше либерализма. К тому же существующий в сознании масс в пику коммунистам лозунг «Вся власть Советам!» реанимирует сейчас советскую власть в ее первоначальном, анархическом в точном смысле этого слова, виде – как суверенную власть представителей местного населения.¹ Чреватый катастрофой «парад суверенитетов» движем в России именно мощным анархо-демократическим импульсом, возникшим во всех слоях населения как ответ на длительное тоталитарное угнетение.

То, что при этом по-прежнему не оставляется тема прав человека и защиты меньшинств, означает лишь, что либерализм не полностью сдал свои позиции. Но утверж-

¹ Разница, конечно, есть – в происхождении Советов. В 1917–18 гг. их избирало революционное меньшинство, игнорируя волю остальных, а в 1990 г. демократия на выборах искажалась только в пользу власти. (Здесь и далее примечания автора.)

дение любого территориального большинства как источника неограниченной власти, безусловно, наносит урон либеральным ценностям и в экономике, и в политике.

Говоря об успехах либерально-демократической оппозиции в 1989–90 гг., нельзя забывать, что ее постоянным и неотделимым спутником выступало и выступает популистское движение. В 1988–89 гг. оно возглавлялось и олицетворялось Ельциным и Гдьяном, в 1990 г. и поныне – Гдьяном (вкупе с Ивановым, Калугиным и Корягиной) и Травкиным (с большинством его ДПР). В 1988–89 гг. популизм был умеренно-оппозиционным, в 1990–91 гг. стал крайне антикоммунистическим. Конкретные фигуры совершали эволюции к популизму и обратно. Но так или иначе, популистская струя всегда сохраняла свою мощь, всегда была переплетена с собственно либерально-демократическим движением, находясь с ним в динамическом равновесии. И в обозримом будущем, при нарастающей социальной напряженности, нет оснований рассчитывать на ослабление популистских тенденций.

А главное, либералы уже в значительной степени разложены изнутри столь длительным сосуществованием с деятелями типа Гдьяна. Необходимость сотрудничества с популистской стихией многими была подменена политикой опоры на эту стихию. В результате удельный вес собственно либерально-демократических требований упал, и, что, наверное, еще серьезнее, совершенно исчезла граница, отделяющая позицию интеллигента, противостоящего тоталитарной власти, от люмпена, борющегося с новыми «врагами народа».

Два года назад кумирами оппозиции были публицисты, в основном – либерального толка. Как уже говорилось, они и создали сегодняшний успех либеральной идеологии. Но все опросы прошедшего года показали, что публицистов явно оттеснили политики. Возглавляет таблицу, конечно, Ельцин. А за ним, как правило, – Собчак. Высочайший рейтинг Собчак был заработан им как депутатом, но подтвержден и в звании мэра, открыто выступающего за твердую исполнительную власть. Собчак, безусловно, демократ, и в его популярности нельзя усмотреть наступления реакции. В ней проявляется новая, все более популярная идеология. Я бы назвал ее *идеологией спасения*.

Очевидный кризис всех властей, надвигающийся хаос, нехватка продуктов и угроза кровопролития (не далеко – в Карабахе или Оше, а здесь, в России) заставляют отложить на время мечты о светлом демократическом будущем. Идея восстановления твердой и эффективной власти, может быть, отчасти и за счет демократии, возникает как вариант наименьшего зла. Точно так же из идеологии спасения вытекают и проекты карточного снабжения Гавриила Попова и вообще все идеи его программной статьи «Что делать?»

Либералам, да и всей демократической оппозиции, по самой их сути не свойственно вникать в трудности существующей власти. Но те из них, кто стал теперь к власти причастен, вынуждены корректировать прежние подходы.

Но и оставшимся не при власти либералам идеология спасения, если угодно, социально близка. Ведь в условиях полного хаоса или жесткой диктатуры, – а СССР катится именно к этому, – либеральная интеллигенция рискует быть уничтоженной «как класс». В нашей стране никому это не надо объяснять. То, что год назад Андриан Мигранян говорил будто в пустоту, становится предметом серьезных раздумий некоторой части оппозиции.

Либерализм был очень уместен в период противостояния власти и интеллигенции. Но столь бурное время, как сегодняшнее, увы, – не лучшее для либерализма.

1989 и отчасти 1990 годы – это, как уже общепризнано, период краха коммунизма. Как идеология, как основа государственности коммунизм разгромлен на всем пространстве от Берлина до Магадана. В большинстве республик СССР коммунисты или отстранены от власти, или растеряны и не знают, как теперь защищать свою идеологию. Те битвы, которые они еще не проиграли в идеологическом противостоянии, они неизбежно проиграют. На первое место выходит новый, развивающийся в масштабах СССР (Восточной Европы это тоже касается) процесс восстановления национальной

государственности. Похоже, мы просто с опозданием входим в тот период, который Западная Европа прошла в XIX веке. Этап этот, видимо, неизбежен и необходим для формирования нормального и здорового национального сознания, присущего ныне западноевропейским народам. Тщетны сегодня все разговоры о том, что цивилизованный мир идет к интеграции, а мы, мол, наоборот. Нельзя перепрыгнуть через период укрепления национальных государств и свойственные ему проблемы национальных меньшинств и государственных границ.¹

РСФСР с опозданием включилась в этот процесс. Первостепенность национально-государственных проблем была полной неожиданностью для российского демократического движения, жившего до 1990 г. только общесоюзными проблемами. Теперь приходится наверстывать упущенное. А ведь доминирование национальной темы, возрастание роли национального сознания таят в себе очевидную угрозу для либерализма: национальное движение не может быть стопроцентно либеральным, потому что отстаивает некие коллективные ценности, что противоречит индивидуалистической основе либерализма. Конкретные конфликты на этой почве хорошо известны в национально-демократических движениях других республик. Неизбежны они и в России.

Когда я говорю о национально-демократическом движении в России, я имею в виду, разумеется, не некий демократизированный вариант «Памяти». Скорее так может называться почти половина российских депутатов во главе с Ельциным (упавший было рейтинг которого вырос в прошлом году, именно, когда он стал национальным лидером) и поддерживающее их снизу движение. Налицо все признаки национально-государственной политики, хотя дело, слава Богу, не доходит до силового противостояния ни с одним из «потенциальных противников».

Либералы России, ходом событий втянутые в борьбу за ее государственность, должны понимать, что укрепление всякой государственности не обходится без конфликтов с ценностями либерализма. Что окажется важнее для большинства?

Учитывая происходящий ныне подъем православия, стоило бы, наверное, напомнить и о традиционно сложных взаимоотношениях ортодоксальной религиозности с либерализмом. Но тенденции к серьезному влиянию Церкви на политику пока не наблюдаются; демократы, как правило, ограничиваются по отношению к православию общей почтительностью.

Пока не приходится ожидать возникновения влиятельных либеральных или консервативных организаций на христианской основе. Удельный вес нынешних христианско-демократических партий в движении лишь подтверждает это.

Может возникнуть вопрос: приведут ли описанные выше проблемы не только к уменьшению влияния либерального движения, но и к его собственному численному сокращению, то есть многие ли сегодняшние либералы завтра перестанут быть таковыми? Я думаю – да.

Очевидно, что в непросвещенной нашей стране масса участников демократического движения восприняла либеральные ценности очень поверхностно. (Это подтверждается и опытом личных контактов.) Противопоставление западного либерализма ненавистному коммунизму подразумевалось само собой. Не было никакой необходимости задумываться об иных вариантах, не столь наглядно представленных в перестроечной прессе, а до того – на «голосах». Но сопоставление либерализма с коммунизмом становится все менее значимо по мере идеологического умирания этого самого коммунизма. Жизнь заставляет сопоставлять либерализм с другими идеологическими системами, опирающимися на другие положительные ценности. В первую очередь это ценности традиционные: религиозные, национальные, государственнические. Нельзя совсем отказать в положительной ценностной основе и идеологии спасения.

¹

Происходящая с конца 1990 г. консолидация реакционных сил, сильное смещение в их сторону Горбачева – все это происходит именно на базе идеи сохранения СССР. То есть идеологическая и экономическая реакция являются следствием реакции на основной процесс – национально-государственный.

Здесь уже не может быть речи о простой и ясной борьбе с «империей зла». Люди, не готовые к серьезным размышлениям (да и времени на это сейчас как-то не хватает), сталкиваются, не всегда осознанно, с глубоко трагическим противопоставлением либеральных и традиционных ценностей. Можно, конечно, по инерции не замечать самого противопоставления. Но куда вероятнее перемена позиции: слишком многое сейчас против либерализма.

Конечно, сегодняшние проблемы сохранят свою актуальность, только если мы избежим весьма вероятного поворота страны к диктатуре. В условиях подпольного или полуподпольного, безответственного существования эти проблемы снова вернутся в латентное состояние (по-моему, это чувствуется даже сейчас – при угрозе диктатуры). Зато более значимой станет проблема насилия как средства сопротивления. В связи с кровопролитием в Вильнюсе пересмотрела свою идеологию ненасилия часть Демократического союза, что вызвало неодобрение всех сколько-нибудь умеренных кругов в демократическом движении. Вряд ли это единодушие сохранится и в случае действительно масштабных репрессий, особенно в самой России. Ведь нет никакого общепринятого критерия, отделяющего в смысле возможности вооруженного сопротивления режиму, например, нацистскую Германию от СССР образца 1984 года.

Итак, предположим, что Советский Союз избежит новой диктатуры. В этом случае следует ожидать дальнейшего нарастания влияния в России правых (в употребляемом вне СССР смысле) тенденций. Вряд ли в ныне существующем политическом спектре есть партии, могущие прямо претендовать на власть в ходе этого процесса. Но ближе всего к этому травкинская ДПР и консервативный блок во главе с РХДД. С другой стороны, идеологические традиции и популистский настрой активной массы еще долго будут поддерживать влияние социал-демократии.

Как и на Западе, перед либералами встанет проблема выбора: блокироваться направо, блокироваться налево или оставаться обособленным центром. В общем-то, она осознается многими уже сейчас. Что можно сказать по этому поводу?

Во-первых, ориентация направо или налево для каждого конкретного человека проблемой обычно не является. И большинство либералов придерживается скорее правой ориентации. Во-вторых, обособленный центр при выделении либерального движения в чистом виде неизбежно окажется слабым. Следовательно, выбор можно сформулировать так: примкнуть к одному из мощных идеологизированных течений или обособиться от них. В первом случае остается возможность участвовать в большой политике и оказывать некоторое влияние на своих менее либеральных коллег по блоку (особенно, если прямо входить в какую-то не чисто либеральную организацию). Во втором – роль либерала заключается не столько в конкретном политическом действии, сколько в поддержании идеи либерализма в обществе; функцию такого человека можно, наверное, сравнить с функцией диссидента в 70-е годы.

Заметим, что выбор приходится делать уже сейчас. Так, из двух кадетских партий одна вступила в вышеупомянутый консервативный блок, а другая отказалась. Впрочем, наше демократическое движение во многом сохранило еще традиции «неформальной тусовки», и поэтому то или иное блокирование сильно зависит не только от принципиального выбора, но и от предыстории организаций и личных качеств и взаимоотношений активистов.

Но так или иначе, оба описанных выше варианта, если они приняты не случайно, по-человечески достойны и необходимы для будущей либерализации общества. Оба, на мой взгляд, равно приемлемы для человека, принадлежащего к такому вечному меньшинству, как либералы.

Валерий АБРАМКИН, Вера ЧЕСНОКОВА
(Москва)

ТЮРЕМНЫЙ ЗАКОН

Эта статья основана на беседах с бывшими политическими заключенными, сидевшими в уголовных лагерях. Они прошли через эту темную область нашей жизни, пережили ее, перечувствовали в личном опыте, как-то осмыслили. Нам кажется, что теперь настало время, чтобы мы с этим опытом и осмыслением его познакомились и сделали для себя какие-то выводы.

Наша система уголовных тюрем и лагерей – это злокачественный нарост на теле общества, гниющий и отравляющий все вокруг себя. Сотни тысяч людей проходят через эту систему, и она возвращает их обществу физически, а часто и морально больными. Что и как там происходит, долгое время было скрыто от общества завесой молчания. Теперь завеса эта поднялась, и в прессу хлынули описания ужасов и извращений, обличения, разоблачения, поражающие и возмущающие наши чувства и совесть. Общественное мнение уже достаточно взбудоражено этими разоблачениями, и возникает потребность в более полном и глубоком анализе этого исторически сложившегося феномена нашей жизни. Именно такой анализ должен предвратить серьезное действие, преобразование, реформу.

Когда знакомишься с тюремно-лагерной системой по письмам и непосредственным рассказам заключенных, создается ощущение, что наши современные лагеря и тюрьмы – прямое наследие сталинских времен. Но оказывается, что это не совсем так. Некоторых ограничений, которые составляют неотъемлемую характеристику современной жизни заключенных, тогда, при Сталине, вовсе не было: например, не было ограничений в передачах, посылках. Более того, сразу после смерти Сталина, был период, когда произошло сильное смягчение режима во всех тюрьмах и лагерях: заключенным выдавали на руки достаточно денег, появились кооперативные столовые, ларьки, была введена система зачетов; людям, перевыполнившим норму на лагерных работах, день работы мог быть засчитан за два или три дня, и таким образом им сокращали срок заключения. Решат Джемилев, который работал в Узбекистане на строительстве железобетонного завода, сначала в качестве вольнонаемного прораба, а потом в качестве заключенного, описывает стимулирующую силу этого поощрения. И не только стимулирующую, но и дисциплинирующую: люди не были заинтересованы нарушать правила, входить в какие-то конфликты, – это могло помешать их досрочному освобождению. Сидевшие в те времена, и потом еще раз – в 70–80-х гг., сравнивая прошлое и современное положение, утверждают, что это небо и земля, – настолько современные лагеря хуже прежних.

Почему это произошло? Зачем нужно было вводить указ 1961 г. об ограничении передач, посылок, свиданий с родными, переписки? Зачем нужно было отменять систему «зачетов», при которой люди хорошо работали и были заинтересованы в результатах своего труда? Зачем было вводить современную систему рабского труда?

Сейчас, по-видимому, идет новый период послабления и смягчения режима, но во что все это выльется в дальнейшем, сказать трудно. Если мы хотим, чтобы история больше в этом отношении не повторялась, нужно произвести какие-то изменения в самих основах. Но как проводить изменения в структуре, которую плохо понимаешь? Можно (предположим идеальный случай) заменить всю администрацию, можно ввести новые правила и новый режим. Но существует еще такой феномен, как социальная структура мест за-

ключения, которая складывалась десятилетиями, действующие в них неформальные отношения. Все это оказывает сильное влияние на поведение людей. Социальная структура современных лагерей и мест заключения – это явление еще очень мало исследованное.

На основании наших материалов можно построить следующую концепцию этой социальной структуры. В основании ее лежит «тюремный закон» (возникший на основе «воровского закона»), который, вероятно, начал формироваться очень давно. Во всяком случае, до революции в нашей стране он уже, кажется, существовал.

Интересная деталь: если в обширном потоке тюремной мемуаристики 20–30-х гг., а также в известных произведениях классиков «гулаговедения» мы сталкиваемся с самым резким неприятием, с самыми уничижительными оценками блатного мира и его «королей» – воров в законе¹, то в воспоминаниях нового поколения политзаключенных (60–80-е гг.) чувствуется скорей симпатия к блатарям, доброжелательный интерес к их криминальному братству.

Конечно, ни тот, ни другой вариант отношения для своего времени не абсолютен (к примеру, сидевшие в конце 40-х – начале 50-х гг. Ф.Серебров и Л.Крапивницкий придерживаются противоположных точек зрения на блатных), однако и неприятие уголовников политическими в сталинскую пору, и потепление отношений между ними в последние десятилетия – явления достаточно типичные. Не в последнюю очередь они складывались под воздействием советской пенитенциарной политики.

В достопамятную эпоху Великих строев, когда в организованном порядке «садились» целые слои общества, ГУЛАГ, вбиравший в себя всю эту человеческую пестроту, был миром миров, или, как заметил Л.Крапивницкий, «состоял из людей разных пород» – между прочим, в большинстве своем совершенно не готовых к тюремной одиссее. В силу этой моральной и психологической неподготовленности большинства заключенных для них оказалось невозможным какое-либо коллективное противостояние чекистскому насилию.

Совершенно другое дело блатные. Они и на воле, и в лагере оставались людьми «одной породы», членами одной организации, для которых тюрьма – «дом родной», где они привыкли чувствовать себя хозяевами.

И советская власть, чуя в ворах нечто себе «социально близкое», оказывает им постоянные знаки внимания, дает им почувствовать свою собственную исключительность. Поэтому в 20–30-е гг. воровские сроки не шли ни в какое сравнение со сроками «бытовиков», не говоря уже о политических, а условия жизни были заметно лучше, благодаря воровской организованности, а зачастую – элементарной грубой силе, которую они не колебались применять при всяком подходящем случае.

«Блатной» – это прежде всего профессиональный преступник. Но в отличие от сегодняшней организованной преступности, тесно связанной со структурами власти, для воров в законе запрет на сотрудничество с властями – один из самых строжайших. «Мента» можно обмануть, использовать, но нельзя его сделать своим, ровней. Любое, даже случайное отношение к структурам власти, ее политическим институтам (например, членство в партии или комсомоле) навсегда закрывает перед человеком дорогу в «блатной мир», каким бы профессиональным преступником он впоследствии ни становился. Кроме обладания «чистой анкетой», кандидат в блатные должен придерживаться «правильных понятий»: не работать на власть, не заниматься ничем, кроме своего ремесла, избегать «мокрых» дел, помогать «братве», оказав-

¹ «Блатной мир должен быть уничтожен!.. Это особый мир людей, переставших быть людьми», – утверждает В.Шаламов. «Урки – не Робин Гуды! Когда нужно воровать у доходяг – они воруют у доходяг. Когда нужно с замерзающего снять последние портянки – они не брезгают и ими. Их великий лозунг – умри ты сегодня, а я завтра!» – вторит ему А.Солженицын.

шейся в трудном положении, учить «правильной жизни» молодежь, уметь играть в карты, жить вне законов, устанавливаемых властью (не прописываться, не регистрировать брак, не ставить свою подпись под документами и т.д.), стремиться уйти в бега, не дожидаясь конца срока, и т.п.

Элита преступного мира, его лидеры – «воры в законе» – это своего рода «посвященные», признанные известными «авторитетами», получившие их рекомендацию, избранные в «действительные члены» на сходке (на «сходняке») всех воров, находящихся в данном лагере. Сход также выносит решения о наказании нарушителей закона, разрешает возникающие споры и т.п. Более важные вопросы, касающиеся, например, уточнений в толковании закона, разрешаются на тайных встречах, собирающих от нескольких десятков до нескольких сотен воров в законе. Звание вора ко многому обязывает, вор уже до конца жизни не может отойти от дел, снять с себя возлагаемую этим званием ответственность.

Воровская субкультура выработала свои механизмы адаптации к условиям неволи, что обеспечивало блатным большой вес и влияние в тюремном социуме, несмотря на то, что они составляли относительно незначительную часть лагерного населения.

В 20–50-е гг. воровской закон с его «правильными понятиями» не распространялся на всю массу заключенных, оставаясь сугубо корпоративным способом организации жизни. Весь мир, согласно воровской философии, был поделен на «своих» и «чужих», причем «чужие» имели лишь ту единственную ценность, что за их счет могли существовать и выживали «свои».

Официальная поддержка криминальных элементов в ГУЛаге (концепция «социально-близких») привела к усилению профессиональной преступности в стране и к жестокому давлению «блатарей» на основную некриминогенную массу заключенных в местах лишения свободы. Такая политика была отнюдь не случайной, она сеяла раскол в эковской среде, позволяя властям легко маневрировать и всегда сохранять контроль над ситуацией.

Однако так не могло продолжаться всегда: отчасти потому, что согретое отеческой заботой властей воровское население ГУЛага принялось благодарно плодиться и размножаться, а отчасти в силу того, что сам характер сталинского властвования исключал возможность длительной консолидации с кем бы то ни было. Осознав организованную мощь блатного мира и главную опасность, проистекающую из нее, – существование в обществе независимых от власти и трудно контролируемых структур, – советский режим поспешил принять меры. Громогласно была объявлена война преступности. Указами 1947 г. резко были увеличены сроки наказания за воровство (10 и 25 лет).

Эта и ей подобные относительно простые меры, знаменующие начало кампании, вскоре были подкреплены более сложной и более отвечающей тоталитарному духу режима стратегией. В 1948 г. на крупнейших лагпунктах страны почти одновременно разразились события, положившие начало самоистреблению «преступного мира», вошедшему в историю под названием «войны сук и воров».

Нередко «сучья» война представляется как столкновение воров-догматиков (то есть свято следующих предписаниям «закона») с ворами-реформаторами – собственно «суками», настаивающими на внесении ряда изменений в «закон», которые диктовались изменяющимися условиями жизни.

Действительно, подобный идеологический раскол к середине 40-х гг. уже вполне назрел, однако глобальность вспыхнувшего конфликта, его молниеносное распространение свидетельствуют о том, что «война» была хорошо продуманной и заранее спланированной акцией. Это подтверждает тот хорошо известный факт, что с самого начала администрация лагерей принимала активное участие в разворачивающихся событиях. Также известны многочисленные случаи истязаний и казней воров, оставшихся верными «закону», совершаемых с ведома и при участии работников МВД и лагерного персонала.

В то же время изменившие воровским обычаям «суки» охотно назначались на sinecurные «придурочные» должности, опять-таки дававшие значительную власть над «серой» массой заключенных. Однако природа этой власти была особой: она полностью зависела от милости гулаговского начальства.

Середина 50-х гг. – «бархатный сезон» в сталинском ГУЛаге. Прокатившиеся амнистии и бунты, реабилитация и суды над целым рядом наиболее кровавых деятелей недавнего прошлого, расформирование многочисленных лагерей и даже отдельных лагерных управлений – все это в значительной степени смягчило климат в ГУЛаге, сделав его относительно пригодным для жизни.

К середине 50-х гг. окончательно меркнут блеск и слава блатного мира. Обескровленный «сучьей войной», подорванный жестокими репрессиями властей, он уходит со сцены, чтобы вернуться назад десятилетие спустя. Но это будет уже другая ситуация и другая эпоха, и об этом речь впереди.

Ф.Серебров, сидевший в конце 50-х гг., замечает, что к этому времени воры в законе окончательно потеряли свой прежний вес и влияние.

Вышедшая примерно тогда же закрытым тиражом брошюра Монахова «Воры в законе – кто они?» описывает случаи, когда рядовые заключенные, ополчившись на воров, изгоняли их из жилых зон. «Симптомы разложения воровских группировок проявляются всюду, – пишет он, – сейчас воры делают по существу все, что раньше не разрешал им делать «закон» (...) Воровские «законы» теперь меняются каждый год и каждый месяц (...) Среди воров «чистых» (то есть чистых перед воровским «законом») сейчас не более 20%».

Монаховская брошюра очень внимательно присматривается к предмету своего изучения, и интерес этот отнюдь не научный. Автора откровенно волнуют методологические вопросы уничтожения объекта своего внимательного исследования: «Работники некоторых лагерей, используя опыт «отошедших» (то есть «сук»), силой и угрозами заставляли воров копать запретную полосу, выполнять обязанности дневального и т.п. После этого возвращение вора в воровской «закон» исключено». Рассматривается и другой способ воздействия, получивший широкое применение: «Надо ставить вора-рецидивиста перед необходимостью письменно и публично отречься от «воровской идеи», предлагая ему в качестве альтернативы тюремное заключение до конца срока».

Итак, наука и практика шли в то время рука об руку, не думая даже о ближайших последствиях своей кипучей деятельности. А последствия эти выразились – и даже очень скоро – в резком увеличении преступности непосредственно в местах лишения свободы. И самые чудовищные, жестокие преступления совершают «сломаные воры».

В 1962 г. в «Новом мире» вышла повесть А.Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Но еще за год до публикации этого живого свидетельства об Архипелаге, за колючей проволокой начались перемены. Они прошли совершенно незамеченными, хотя, по-видимому, были началом поворота, признаки которого стали ощущаться обществом через два-три года. Лагерь сменили свое название (теперь они именовались «учреждениями», «колониями»). В прессе тех лет было проведено нечто вроде кампании за усиление борьбы с преступностью в рамках общей кампании по поводу новой программы КПСС. Строительство коммунизма предполагало и искоренение преступности. Хрущев в одной из своих речей пообещал даже пожать руку последнему заключенному. О конкретных методах борьбы с преступностью можно было догадаться разве что по лозунгу: преступник должен почувствовать презрение общества. Представление о том, как эти лозунги и задачи претворялись в жизнь, дает рассказ непосредственного участника событий – женщины, отбывавшей свой первый срок за хозяйственное преступление в Казахстане:

«В зону я прибыла в 1959 году... Нас там было человек 150, и мы работали по всем вольным точкам поселка. Пропуск у меня был круглосуточный.

так что я имела право и на работе ночевать, если была такая необходимость (я работала няней)... Мы не за талоны работали, а за деньги. В магазине было все, начиная от верхней одежды, кончая бельем. Мужчины приходили к нам в гости, мы – к ним. В начале 61-го, когда поменялся режим, нас тут же стали всех закрывать. Отобрали пропуска, раздели (до этого мы ходили в своем), а потом на нас надели черные платья, ботинки, и зашли мы в зону... Деньги на руки не стали давать, с нас все снимали и забрали ценности, – ввели режим... Когда ввели режим, нам уже пришлось общаться с администрацией. Там уже, как и сейчас, у нас были начальники отрядов и начальник колонии. Там мы уже в зоне работали».

Помимо строгостей и ограничений (некоторых из них не было в сталинских лагерях), вводится регламентация всех сторон жизни заключенных, от количества писем, отправляемых домой, до ассортимента продуктов, получаемых в посылке или покупаемых в ларьке. Была отменена система зачетов и введено условно-досрочное освобождение, при котором сокращение срока заключения целиком зависело от администрации ИТУ, а не от собственных усилий заключенного. Был возвращен и старый «стимул» к труду – кусок хлеба для полуголодного...

Смысл этих и других преобразований понять довольно трудно, если думать, что они были связаны с изменением системы уголовного наказания (скажем, с ее ужесточением). Институт уголовного наказания, как и многие другие общественные институты, был разрушен или сильно деформирован в ходе предыдущих социальных экспериментов.

Мы уже имели возможность убедиться, что цели уголовного наказания (изоляция преступников, декриминализация общества, восстановление общественной справедливости и т.п.) были совершенно чужды ГУЛагу. ГУЛаг был создан как единый социально-хозяйственный комплекс, предназначенный для реализации крупных проектов. Число заключенных по отношению к количеству совершаемых тяжких преступлений в нашей стране, всегда было на порядок (в 10–15 раз) больше аналогичного показателя для США и стран Западной Европы. Здесь нет особой загадки: населенность ГУЛага определялась его потребностью в рабочей силе, а не криминогенной обстановкой в стране, не уровнем преступности.

Административная система ГУЛага состояла из профессионалов: это были специалисты в области управления огромными массами людей способами весьма специфичными и позволяющими при относительно небольшой численности персонала добиваться крайне высокой степени эксплуатации «спецконтингента». Реформа 1961 г. безусловно связана с возвратом к старым способам управления лагерным населением. Правда, теперь надо было «соблюдать законность», а значит, обходиться без прежних крайностей. Поэтому прежде всего были внесены изменения в законодательство, которое вводило более строгий режим содержания и делало более суровой систему наказаний. Важное значение приобрели латентные способы воздействия на заключенных, которые труднее поддаются контролю со стороны надзирающих инстанций. Некоторые из этих способов уже описаны в печати¹, о других мы говорили, когда речь шла о лагерях 40–50-х гг. (натравливание друг на друга различных групп заключенных, использование блатных для устрашения других заключенных и т.п.).

Но особого упоминания заслуживает система «самоуправления осужденных», которая насаждалась с переменным успехом после 1961 г. Идея самоуправления являлась стержневой в доктрине «перековки преступного мира». Укреплялась давно существовавшая система административных должностей,

¹ Имеется в виду деятельность оперативных служб ИТУ, которые располагают большим штатом агентов в среде заключенных (по некоторым оценкам, от 2 до 5% от численности осужденных), информаторов и провокаторов. См., например, «Огонек», №№ 35–36, 1990 г., А.Эпштейн, «Дневник стукача».

которые могли занимать заключенные (бригадиры, нарядчики, дневальные и т.п.), и таким образом персонал лагерей как бы делегировал часть своих полномочий самим осужденным. Область «самоуправления» со временем то расширялась, захватывая процесс «перевоспитания» (блатным, например, доверяли перевоспитывать троцкистов) и даже охраны (так называемая «самоохрана»), то сужалась до пределов чисто производственных и бытовых нужд. Совершенно новое качество приобрела идея самоуправления после возникновения института членства в «самодеятельных организациях осужденных» – «секциях». Заключенный, подавший заявление с просьбой принять его в «организацию», становился не временным, с функциями, ограниченными должностью (как при старой системе самоуправления), а постоянным и всесторонним помощником администрации, обязан был докладывать о нарушениях режима со стороны других заключенных, следить за порядком и т.д. Кроме того, участие в работе самодеятельных организаций становилось теперь необходимым условием для признания заключенного лицом, «твердо вставшим на путь исправления», а значит и для получения определенных привилегий, льгот, включая такую существенную, как досрочное освобождение по амнистии или помилованию.

Появился и список должностей, которые могли занимать только «вставшие на путь исправления». Образовалась даже своего рода номенклатура мест, заняв одно из которых, «исправившийся» в дальнейшем мог рассчитывать на соответствующую отметку в личном деле и независимость своей лагерной карьеры от криминальной. Такой номенклатурный заключенный может иметь с десяток судимостей, но каждый свой срок отбывать как «вставший на путь исправления» со всеми преимуществами, которые дает принадлежность к лагерной номенклатуре.

Несмотря на весьма соблазнительный «пряник», охотников становиться членами «самодеятельных организаций» среди заключенных практически не находилось. Тогда был применен «кнут» – угрозы, избияния, обман (подобные способы «агитации» описаны, например, в рассказе Н.Ефремова). Тем не менее до начала 70-х гг. сформировать «органы самоуправления» удалось далеко не во всех колониях. Влиянием и поддержкой среди заключенных «вступившие на путь исправления» не пользуются, наоборот, подвергаются остракизму, но все-таки можно говорить о появлении в 60-х гг. в сообществе заключенных новой группы, «касты», получившей название: «красные» или «козлы». Однако последствия, к которым привело навязывание сообществу заключенных нового порядка и номенклатурного «самоуправления», оказались куда более значительными, чем могли представить себе творцы «реформы» 1961 г.

Как мы уже говорили, влияние блатных на основную массу заключенных к концу 50-х гг. было незначительным. В несколько раз (по некоторым оценкам, на порядок) уменьшилось после кровавой междоусобицы и «ломок» количество «воров в законе», упорствующих «законников» отправляли в специальные тюрьмы, заводили на них новые уголовные дела, обрекая по существу на пожизненное заключение. Новые правила, введенные в 1961 г., предусматривали еще ряд мер, которые должны были привести к окончательному исчезновению блатных в сообществе заключенных. Вводилось раздельное содержание различных категорий осужденных, и теперь рецидивисты не могли оказаться вместе с впервые угодившими за решетку, а совершившие тяжкие преступления – с теми, кто был арестован за незначительные или легкие правонарушения. Было введено понятие «отрицательно настроенные осужденные» или «отрицалово». «Отрицалово» выявлялось не только по каким-либо конкретным действиям, расцениваемым как «противодействие администрации», «уклонение от общественно-полезного труда» и т.п., но и по донесениям информаторов оперслужбы, которая тщательно выискивала всех «сочувствующих» «воровской идее» и ставила соответ-

ствующую отметку в личном деле. «Отрицательно настроенных» также старались держать отдельно от остальных, в специальной тюрьме или во внутривязательной тюрьме (БУР, ПКТ). По-видимому, во многих регионах это давало определенные результаты, старые работники ИТУ утверждают, что в первой половине 60-х гг. в обычных колониях «настоящих блатных» не было.¹ Но с середины 60-х гг. в большинстве колоний утверждается новый неформальный порядок, в котором блатные начинают играть все более возрастающую роль, а еще через 20–25 лет и в открытой печати начинают писать о «ворах в законе» как о весьма заметном явлении.

Парадокс заключается в том, что попытка «поставить на путь исправления», то есть включить в секции, сотрудничающие с администрацией, поголовно все население ГУЛага, привела к росту влияния уже почти уничтоженных «воров в законе». Несмотря на многолетнюю борьбу с идеологией криминальной субкультуры, именно она сейчас составляет основу «тюремного закона». «Ставшие на путь исправления», или, по лагерной терминологии, «козлы», люди, открыто сотрудничающие с администрацией, так же, как и «воры в законе», — теперь это весьма небольшие прослойки. Основная же масса заключенных оказалась между ними и сориентировалась, наконец, все-таки на «блатных», а не на «козлов», то есть не на сотрудничество с администрацией.

Так возникла еще одна, самая большая «каста», именуемая в настоящее время «мужики». Это люди, не отказывающиеся от работы (в этом их отличие от «блатных»), но, с другой стороны, упорно уклоняющиеся от вступления во всякие «секции», от сотрудничества с администрацией. Время от времени администрация предпринимала судорожные попытки «загнать» в эти «секции» всех. Приходит этап, — всех поголовно отправляют записываться в «секции», за отказ — штрафной изолятор, постановление на унижительные работы или еще какая-нибудь кара. Кто испугался, согласился, — тот стал «козлом», остальные отправляются отсиживать свои сроки.

Интересно понять причину упорного сопротивления тому, что на языке администрации называется «стать на путь исправления». Понятно, что блатные не хотят на этот путь становиться, — у них свои принципы. Но обыкновенный человек, севший за кражу с предприятия каких-то деталей, за аварию или в результате бытовой драки, — этот-то человек никаких заранее внушенных принципов не имеет, его взгляд на мир прост. А он с администрацией сотрудничать отказывается сходу, сразу. Правда, какую-то предварительную «обработку» он, конечно, проходит: в камерах тюрьмы и на этапах ему рассказывают, кто есть кто. Но все равно человек сам имеет возможность сравнивать, делать выбор, и он делает его не в пользу «становления на путь исправления». А ведь это как раз — самый благоприятный материал для работы с ним с целью именно исправления, постановки на путь правильной жизни. Ну, украл, ну, подрался, — разве это законченный преступник? Со всяким, как говорится, может случиться.

Самое поразительное в этом то, что человек отказывается от такого «пути исправления», который предлагает ему администрация именно потому, что хочет «остаться человеком». Все хорошие педагоги знают: чтобы воспитать полноценную личность, нужно прежде всего отучить ребенка «ябедничать» на других, передавать сплетни, наушничать. Запрет на предательство — это основа всякой культуры и всех социальных отношений. И предлагать человеку исправляться, становясь предателем, — совершенно несостоятельная логика. Это бессмысленная формулировка, и любой взрослый человек в состоянии оценить степень этой бессмыслицы. Принять условия этой игры, — значит поставить под вопрос мораль как таковую, потерять себя как личность, потерять уважение людей и самоуважение. И поскольку администра-

1

В Закавказье и в Средней Азии борьба с «отрицательно настроенными» велась не так жестко, там во многих колониях сохранились не только блатные, но и «воры в законе».

ция мест заключения никакого другого «пути исправления» предложить не смогла, масса заключенных выработала свой путь и образовала свою «касту» с собственным статусом и порядком.

В основу порядка, признанного этой массой, лег, как мы уже отмечали, «тюремный закон», сформировавшийся, по-видимому, на основании «воровского закона». В нем провозглашается совершенно непримиримое отношение к доносительству, ограждение человека от произвола посредством запрещения отнимать у него что бы то ни было без «законного» основания, запрещение предъявлять человеку обвинение без доказательств его проступка и вообще оскорблять его. Этот «закон» требует строгой продуманности и сдержанности в словах («следи за метлой!», то есть следи за тем, что говоришь, – один из важнейших принципов этого закона). Этот «закон» нигде не сформулирован и не записан, – он в полном смысле слова «неписаный», – и передается посредством традиции от поколения к поколению заключенных. Проводится он в жизнь с помощью «разборок» и апелляции к «авторитетам». Авторитетами чаще всего бывают люди из касты «блатных» – в этом еще одно доказательство того, что «мужики» или средняя «каста» не просто стихийно сложились в некоторое социальное целое, но взяли себе за образец касту «блатных», у которых уже был свой выработанный «закон» и «порядок». Но некоторое общее смягчение в тюремном законе относительно воровского, по-видимому, все же произошло: в воровском законе, как кажется, чаще применялось убийство за нарушение каких-то принципов, хотя там имелось и другое наказание – лишение статуса. В тюремном законе убийство было заменено «опусканием», то есть переводением человека в статус гомосексуалиста с особым ритуальным и символическим значением. Так возникла четвертая каста – каста «опущенных», «обиженных», «петухов».

Гомосексуализм в тюрьмах существовал, должно быть, всегда с момента их изобретения. Но никогда не было такого отношения к пассивным гомосексуалистам, как в наших современных лагерях и тюрьмах. Они полностью неприкасаемы: у «петуха» нельзя ничего взять, нельзя сесть на его нары, к нему буквально запрещено прикасаться. У «петухов» свой угол в бараке, свои столы в столовой, своя меченая посуда, они выполняют самые грязные работы – те, за которые прочие заключенные не имеют даже права браться. Они имеют определенные опознавательные знаки, обязаны сообщать по прибытии на место, где их не знают, что они – «петухи», чтобы другие, вступив в общение с ними, не потеряли своего статуса. Это все напоминает ритуальность, характерную для ранних этапов общества.

Важно отметить, что в касту «опущенных» попадают не всегда даже через прямой сексуальный акт. В.Яненко описывает некоторые «замещающие» ритуалы. Человек может и сам перейти в «петухи» добровольно, спасаясь от неминуемой расправы. Интервьюируемые согласно утверждают, что попадание в эту категорию нередко оказывается совершенно случайным. В интервью с заключенными – крымскими татарами промелькнуло упоминание о том, что в какой-то момент «авторитеты» прислали в Ташкентскую зону свое решение о запрещении всякого «опускания», мотивированное тем, что «на общем режиме сперва опустят человека, а потом начинают думать и разбираться, правильно или неправильно его опустили». За «малолеткой», – то есть колониями и другими заведениями для несовершеннолетних преступников, – прочно утвердилось репутация, что там, во-первых, «опускают» слишком часто, а, во-вторых, – «ни за что». Но сами эти наречения на несправедливость «опускания» указывают на то, что в идеале, по правилам, акт «опущения» мотивируется проступками, довольно тяжелыми с точки зрения тюремного закона: доносительство, отнимание продуктов и вещей, невыплата долгов. Могут «опустить» также людей, несправедливо «опустивших» человека или истязавших других людей в «пресс-камерах» (по наущению администрации).

Как это ни странно звучит, появление касты «петухов», пожалуй, можно считать определенным смягчением нравов. Все-таки человека не убивают, хотя с точки зрения уважения к нему, может быть, убийство было бы более «почетным» исходом. Но жизнь у человека одна. Выйдя из мест лишения свободы, он может вернуться к состоянию нормального члена общества и забыть это унижение, как дурной сон, если он больше не попадет в тюрьму и лагерь. Но если попадет, то статус его как «петуха» автоматически восстановится. По тюремному закону обратного хода здесь нет: он «петух» навеки, до смерти своей. Даже если будет установлено, что его неправильно «опустили», – все равно, восстановить себя в правах нормального члена тюремного общества он не сможет никогда. Могут лишь, как мы выше сказали, наказать тех людей, которые совершили этот акт «незаконно». Как видим, внешняя форма, ритуал здесь берет верх над смыслом.

Преобладание ритуально-символической части над смысловой бывает весьма заметно и в тех случаях, когда даже атрибуты касты неприкасаемых начинают приобретать мистическое значение: человек, севший на «петушиные» нары, за «петушиный» стол в столовой и т.п., использовавший «петушину» посуду или выполняющий «петушину» работу, автоматически включается в эту касту, считается по специфической терминологии «зашкваренным», как бы осквернившимся, хотя никаких особых преступлений против тюремного закона он не совершил и наказывать его как будто не за что. Его и не наказывают, а с ним как бы происходит несчастный случай, он получает некое «увечье». И после этого он уже всегда остается «увечным», неизлечимо больным.

Впрочем увлечение такими символически-ритуальными связями характерно, как утверждают, более всего для «малолетки» и для лагерей общего режима. В других лагерях ко всему этому относятся более уравновешенно, реалистически, более осмысленно применяют наказания.

Действительно, на свежего наблюдателя все эти «игры» производят мрачное и удручающее впечатление. Особенно в изложении нашей прессы, которая, как всякая пресса, падка на ужасы и сенсации и любит пощекотать нервы читателя. Приступая к анализу этих особенностей социальной структуры мест заключения, следует помнить, что суровые и мрачные правила и обычаи возникли в суровых и мрачных условиях, в которых тот порядок, что мы здесь описываем, как он ни странен и жесток, представляет собою как бы оазис в пустыне и встречается редко, во всяком случае далеко не всегда. Весьма часто и такого порядка нет, а вместо него существует полный произвол или то, что на языке заключенных называется «беспредел».

Политзаключенный Кадыров, рассказывая о своем прибытии в Ленскую зону, сообщает: «Там был блатной беспредел, но когда я пришел, зона была сломлена, и там был уже беспредел ментовский». Вот между этими двумя видами беспредела и проходит жизнь заключенных, а «порядок», основанный на «тюремном законе», из этого «беспредела» смотрится как идеал: все-таки какой-никакой порядок, хоть и жесткий, но «закон», к которому можно апеллировать, требуя справедливости. Это и возможность затребовать «разборки», и возможность обратиться к «авторитету», это и защита со стороны «правильных» людей. А в условиях «беспредела» вообще непонятно, откуда что на тебя свалится и к кому обращаться за помощью.

Правда, существует и еще структура, защищающая заключенного во всех случаях, в том числе и в условиях «беспредела», – это «семья» или «семейка». Очень редко человек в местах лишения свободы живет один, он, как правило, примыкает к небольшой группе (2–5 человек, иногда больше). Это и называется «семья». «Семья» несет за своего члена или «посемейника» полную ответственность и поддерживает его во всех обстоятельствах. Она ухитряется передавать ему в штрафной изолятор какие-то продукты, встречает его оттуда, платит за него долги, если он оказывается в стесненных

обстоятельствах и, наконец, физически защищает его в условиях крайнего «беспредела», каковым является, например, лагерный бунт.

Существуют также и «землячества» – объединения по национальностям или местам проживания. Иногда эти две структуры совмещаются в большой семье, объединившейся по «земляческому» признаку. «Землячество» также поддерживает своих членов.

Кроме того, редко бывает, чтобы в зоне не было «общака», то есть фонда продуктов для заключенных, попадающих в трудные условия. Прежде всего «общаком» «греется» ШИЗО (штрафной изолятор), продукты отправляются также в ПКТ и на «больничку», иногда выделяются продукты и для заключенных, пришедших из дальних мест и не имеющих передач.

Таким образом, тюремная и лагерная жизнь выработала много способов защиты личности от произвола (при условии, что личность эта не поддается развращающему влиянию «беспредела», не служит «администрации», выполняет требования «тюремного закона» и вообще обладает «правильными понятиями» и умеет их отстаивать и воплощать в жизнь). Разрушение этого порядка, хоть и странного для незнакомого с ним наблюдателя, может привести к незащищенности личности, дезориентации людей.

Безусловно, наши места заключения настоятельно требуют перестройки, реформирования на иных, более человеческих принципах, но нужно помнить, что дело это – долгое и трудное, что оно не достигается простым изменением организованных производственных и административных структур (хотя само по себе это тоже важно). Мы имеем здесь дело с устойчивыми явлениями человеческого сознания и еще более устойчивыми феноменами культуры. Действительно, «тюремный закон» действует на всей территории страны: от Прибалтики до Дальнего Востока и от Норильска до Средней Азии и Закавказья. Везде одни и те же касты, обряды и ритуалы, примерно одинаковые запреты и табу и наказания за их нарушение. «Блатной» сохраняет свой статус, переместившись по этапу из Пскова в Магадан, а «опущенный» займет свое место под нарами и после десятилетнего «отпуска», проведенного на воле. Места, где было совершенно нарушение правила и где осуществляется наказание за него, могут быть разделены тысячами километров в пространстве и годами во времени. Но вслед за провинившимся (как и вслед за «авторитетом») идет из лагеря в лагерь информация о его поступках и его «репутации». Даже администрация колоний иногда вынужденно, а иногда и добровольно играет в эти игры. Она, например, всегда знает, сколько в «зоне» «опущенных», за какими столами они сидят, и, как правило, не назначает их на «козлячьи» должности, не направляет на место «блатного» в бараке. Даже в ШИЗО «козлов» держат в камерах отдельно от «блатных» и «мужиков». Нарушение этих предосторожностей может привести к тяжелым последствиям, даже к бунтам и голодовкам.

Сотрудники колоний нередко принимают правила и законы «тюремного кодекса» и включают их не только в отношения с заключенными, но и между собой. Эти правила, вместе с жаргоном и ритуалами, выходят «на волю» и там продолжают жить и по-своему окрашивать отношения между свободными людьми. Особенно охотно перенимает их молодежь и подростки. Субкультура, основанная на «тюремном законе», не имеет себе аналогов в западном мире, но для нашей страны это феномен не только широко распространенный, но и обладающий огромной устойчивостью, способный к самовоспроизведению и регенерации. Это – феномен не только социальный, но теперь уже и культурный, а с культурными явлениями можно бороться и пытаться воздействовать на них только средствами культуры. И это вполне возможно, потому что каким-то «концом» эта субкультура входит в большую культуру на уровне исходных ценностей и установок. Ее патологичность и ряд ее мрачных черт вызваны вовсе не ценностями «большой» и «нормальной» культуры (как это иногда с большой охотой «выводят» в своих логических

рассуждениях современные политизированные критики системы от науки), а адаптацией этих ценностей к патологическим и мрачным условиям жизни в сфере пенитенциарной системы и более всего – бескультурностью административной системы, ее окончательной дисквалификацией в моральном плане в глазах не только заключенных, но и всего общества.

Опыт развития нашей тюремно-лагерной системы со всей наглядностью показывает, что даже если цели, объявленные ее создателями («перевоспитание человека», «исправление преступника» и др.), и не оставались в какие-то периоды на уровне чистой декларации, то все равно предположение, что негодные средства, применявшиеся для их достижения (произвол, беззаконие и пр.), этими целями оправданы, не выдержало проверки временем. Система, построенная на таких основаниях, в конечном счете оказалась лишеной всякого морального авторитета, а следовательно – всякого сочувствия и поддержки, так что люди, в нее включенные, стали самостоятельно, на свой страх и риск, строить новую, параллельную административной, культурную систему. И построили ее. И теперь мы имеем, с одной стороны, моральный авторитет и «закон», честь и ритуал, а с другой – голую власть на уровне насилия. И нужно много усилий, искусства и терпения, чтобы вновь соединить честь и власть, – только тогда можно создать культурную социальную систему, которая будет пользоваться уважением и поддержкой, и такие понятия, как честь и совесть, достоинство и благородство вновь обретут свое изначальное значение.

Юрий ЧИЖОВ (Москва)

«ВОЗДУХ СВОБОДЫ»

После того, как в середине 1989 г. был опубликован роман Л.Габышева «Одлян, или Воздух свободы», который пригласил наше общество на свидание со своими малолетними преступниками, а заодно частично утолил нашу тоску по высшему акту справедливости – экзекуции, вполне следовало ожидать лавины публикаций – откликов на «разминированную» тему. Лавина, однако, не обнаружилась. Публика осталась публичкой, тюремоведы, социологи и психологи – одиночками на поле битвы, два номера «Нового мира» – крайним средством устрашения для делинквентов из интеллигентских семей, а детский филиал ГУЛага – внутренней империей за семью печатями, которой мы вверяем маленьких негодяев. Дело обошлось одной лишь встречей во «Взгляде» автора «Одлына» с чиновниками из МВД. Попытка диалога между тюрьмой и волей в очередной раз провалилась и, скорее всего, будет проваливаться до тех пор, пока волю в таких диалогах будут представлять одни лишь «компетентные органы».

И все-таки отрадно, что в таком кошмарном деле, как перевоспитание малолетних преступников, появились проблески гласности, а у «мастеров перековки» – здоровая общественная и научная оппозиция. Вне всякого сомнения, к ней можно отнести и Общественный центр содействия гуманизации пенитенциарной системы, созданный два года назад при международном фонде «За выживание и развитие человечества». За время своего существования Центр под руководством бывшего политзаключенного Валерия Абрамкина собрал массу материалов, в том числе и по проблемам подростковой преступ-

ности, и начал действовать в качестве рабочей группы при Комитете по правам человека Верховного Совета России. С некоторыми из этих материалов, а также с результатами исследований социологической группы Центра стоит, на наш взгляд, ознакомить и более широкую аудиторию.

1.

Так называемые воспитательно-трудовые колонии (ВТК) для несовершеннолетних преступников – самые горячие, несмотря на их малый удельный вес, участки нынешнего ГУЛага. МВД охладить их уже не в силах.

Обстоятельства возложили на МВД, а также на «карательный» сектор органов народного образования, в ведении которых находятся специальные школы и ПТУ, ряд печальных функций: охрану общества от малолетних преступников, их перевоспитание, их образование и привлечение к труду.

Что ж, с охраной нынешний пенитенциарий для малолеток худо-бедно справляется. Нормальным считается положение, при котором общество спасается от малолетки (каждый десятый – круглый сирота, практически каждый – из неполноценной семьи либо имеет родителей-пьяниц), а не наоборот. Преступность растет, число малолеток все прибывает, а попов в колонию, малолетка становится рецидивистом тем вернее, чем раньше он туда попадет. Но даже не став рецидивистом, он становится человеком особенным и опасным – прежде всего для самого себя. Но об этом чуть позже.

Предполагается, что колония должна прививать воспитанникам трудовые навыки и помогать им овладеть профессией. Однако сколачивание деревянных ящиков, вязание авосек, сборка электромоторов или коробочек для пенициллина особых навыков, учебного оборудования и преподавателей не требуют. Навыки работы именно такого рода предлагаются, как правило, малолеткам в качестве альтернативы профессиям карманника, взломщика и т.п. Нельзя не увидеть в примитивности такого труда его характер: это труд – рабский. О качестве принудительного труда говорилось уже много раз. Что же касается стимулов к нему, то встречаются в наши дни и такие: «Если там норму не выполняли, то проводились такие мероприятия: в зубы могли вставить пластину и по ней давали высокое напряжение, и она вылетала с половиной зубов. Или, например, «табуретовки» – берут табуретку за ножки и седалищным местом бьют по голове, и ты вырубаешься сходу...» (Из интервью с бывшим политзаключенным Алексеем Кузнецовым). Речь здесь идет о выполнении производственного плана воспитательно-трудовой колонии и бригадой, руководимой бригадиром из числа самих «воспитанников». Выполнение бригадой плана – важное, если не единственное требование к желающему условно-досрочного освобождения бригадиру.

Разумеется, повальное очковтирательство, охватившее страну, не могло обойти и область просвещения, в том числе и гулаговский ее участок. Ниже приводится рассказ Василия Д., помещенного в 1965 г. в одну из спецшкол Мурманской области – ближе для десятилетнего бродяги, хулигана и практически беспризорника из Красноярского края места почему-то не нашлось.

«Есть такие люди – исполняется им четырнадцать лет, он два метра ростом, кулаки как чайники, – такого воспитатели обычно ставят председателем отделения либо председателем отряда... Если, допустим, по отделению пошли, воротнички проверяют, а у тебя грязный воротничок – оценка тебе снижена, а значит, всему отделению... Там чувство такое: один за всех – все за одного. У одного грязный воротничок, а чтоб повадно не было, бьют всех. Был там председатель отделения, который бил чем попало: стулом – стулом, дужкой от койки – дужкой, только чтобы отделение у него на первом месте в соцсоревновании было, всегда. Почему он это делал? Потому что по исполнении четырнадцати лет их автоматически переводят в спец-ПТУ. Вот этим путем он хотел показать, что исправился».

Остается добавить, что нравы многих спецшкол, достигнув пика жестокости в конце 70-х – начале 80-х гг., и сегодня остаются неизменными. Василий Д. отбыл за это время несколько наказаний и на воле провел времени меньше, чем в тюрьмах, колониях и спецшколе. Там же он в течение двух месяцев учил таблицу умножения и выучил ее. Стулом – стулом, дужкой – дужкой...

Кто не слушал отца с матерью, послушает ката – этот принцип и сегодня обеспечивает учебный процесс в учреждениях для малолетних преступников, – при наличии, разумеется, такого процесса. Там же, где он превращен в простую формальность, школа становится, по крайней мере, местом, в котором можно выспаться, – спасибо и на том.

2.

По оценкам ряда экспертов, как официальных, так и независимых, сегодня ВТК (наряду с ИТК общего режима для взрослых) являются местами, где достигается наибольшая ожесточенность не только в войне заключенных с администрацией, но и во внутренних взаимоотношениях эзков. Сложившаяся в местах заключения субкультура с ее немислимыми для «воли» этическими нормами, запретами, ритуалами, заклинаниями, иерархией и т.д. имеет «на малолетке» свои особенности. В частности, требования лагерной субкультуры к ее носителю там гораздо жестче, чем в колониях для взрослых; во многом эти «законы» сложнее, чем на «взросляке» – порой они могут показаться своего рода тестами на лояльность новоприбывшего к абсурду. Мало того, по некоторым гипотезам, самые жестокие обычаи лагерной субкультуры пришли в свое время именно с «малолетки».

Это «законотворчество» продолжается и поныне. Не будем искать в этом политический протест: замкнутые сообщества людей одного пола и возраста всегда и везде давали более или менее сходную картину; позитивная же или негативная направленность складывающейся в таких условиях субкультуры зависит от целей, которые эти сообщества перед собой ставят. Ярко выраженная оборонительная природа многих табу и ритуалов, входящих в субкультуру малолетки, свидетельствуют о естественности такого поведения. Оно обусловлено экстремальной ситуацией, в которой годами пребывают ее обитатели, а если точнее – войной на два фронта: против администрации и за место во внутрилагерной иерархии, в конечном счете за выживание.

Вот пример войны на одном фронте. Специальное ПТУ для девочек, г. Ахтырка Сумской области, конец 1976 г. (интервью с В.Е.).

«Был там такой воспитатель «Лукич», – так его звали, а фамилии не помню. Там существовал ДИЗО¹, куда сажали и не кормили. Они имели право держать там сутки, а потом тебя выпустят; походишь по этой территории день, и тебя опять закрывают на ночь – и сидишь там. Да еще там рядом был какой-то мотор, который включали специально на ночь, а из-за него все вибрирует, за ночь голова разболится, невозможно сидеть, бегаешь по сырому цементному полу. Согреться невозможно, а бросают туда в одной рубашке – так и сиди... Лукич словил за курение троих девчонок и посадил туда, в ДИЗО. А те начали ему что-то говорить, вроде бы обозвали его, а он ударил одну из девчонок». Наутро все училище, стоя в строю, отказывается идти в столовую в знак протеста против отеческого воспитания «Лукича». «Выходит Лукич и говорит: «Вы даже не думайте им помочь. Этим вы ничего не добьетесь, а если вы сейчас не разоидетесь, мы вызовем военизированную охрану»... Мы почувствовали, что будет плохо, потому что действительно поехали за милицией, и закрылись в общежитии... Начали рвать подушки и

¹ ДИЗО – дисциплинарный изолятор.

выбрасывать из окон, кто-то начал кидать цветочные горшки... Ворвался наряд милиции и военизированная охрана. Они начали ломать двери в комнаты, а мы подпирали двери кроватями. Когда они ворвались, били нас резиновыми дубинками... Там так били – это невозможно... Одну девочку на носилках уносили – она даже встать не смогла... Трех или четверых судили за подстрекательство к бунту и многих судили из администрации, в частности, этого Лукуча».

История, изложенная в этом интервью с ныне осужденной взрослой женщиной, не совсем типична по двум причинам: очевидны гораздо менее жесткие отношения с администрацией, чем в аналогичных заведениях для мальчиков; представитель администрации был привлечен к ответственности за беззаконие. Война на «втором фронте» – за место в лагерной иерархии – в спецшколах, спецучилищах и ВТК для девочек также носит гораздо менее ожесточенный характер, чем у малолеток мужского пола. У малолеток-девочек свои проблемы, – одни посягательства охранников или продажа девочек более сильными сокамерницами солдатам чего стоят!

Мальчишек же избивают шлангами и деревянными молотками уже в следственных изоляторах; война с администрацией ведется в колониях с бескомпромиссностью камикадзе, и, следует сказать, администрация мастерски обращает в этой войне «правильные понятия» малолеток против них же. «Малолетки всем своим поведением насаждают мысль, что никаких заявлений, никакого письменного общения с администрацией быть не должно. Нельзя даже прокурору пожаловаться. Даже устно нельзя пожаловаться на отрядника. Это значит «сдать» отрядника, а сдают только мрази. Никого нельзя сдавать. Это «никого» доходит до предела. У малолеток тут буквальное следование каким-то правилам, которые в них вбили, они совершенно отвлеклись от смысла самих правил. И это действительно доходит до абсурда» (Из интервью с бывшим политзаключенным Н.Ефремовым).

Абсурд имеет продолжение и в борьбе за место в иерархии. «Прописка», с которой в большинстве случаев начинаются тюремные биографии, становится первым испытанием для малолеток. Испытанием не только сообразительности, твердости характера, «правильных понятий», болевого порога, наконец, но и принципиальной готовности стать хранителем абсурдных обычаев¹. Ставшему же на рельсы «правильных понятий» остается только крепче держаться на поворотах.

«У малолеток до болезненности доходит отношение к так называемому «контакту», то есть к осквернению, с их точки зрения, тех или иных предметов быта. То есть если, допустим, они постановили, что в камере миска, упавшая на пол, считается «законтаченной», то есть навеки вышедшей из употребления, это означает, что из нее нельзя есть. Эту миску нужно заменить и попытаться как-то передать администрации, обменять, то есть убрать ее с глаз долой. Иначе эту миску уже никто не будет использовать, и кто-то будет ждать своей очереди пообедать. Иногда администрация злоупотребляла этими предрасудками, этими табу, и, скажем, если начальник, который занимался отделом малолеток, приходил в камеру и обнаруживал, что миски плохо помыты, он их просто швырял на парашу, зная, что для малолеток это самое худшее осквернение, которое может быть. С параша ничего нельзя ни подбирать, ни использовать повторно, потому что никакая дезинфекция, ни отмыwanie, ни что бы то ни было, не вернут предмету первоначальной его пригодности. Поэтому из соседних камер нам малолетки иногда стучали через батарею, через стену просто: 93-я (наша камера), подгоните

1

Некоторые криминологи считают «прописку» не только своеобразным обрядом инициации заключенного, но и средством адаптации его к новому миру. Отвлекая от шока, вызванного арестом, «прописка», по этой версии, способствует мобилизации сил арестованного на борьбу со следствием и, что самое главное, дает ему возможность проявить себя наиболее полно для определения своего места на иерархической лестнице тюремного сообщества.

незакончатенные миски, потому что есть не из чего. Интересно то, что существует понятие не только осквернения предметов, но и их очищения, освобождения от табу. Например, если падает какой-то кусок лакомого для заключенного продукта на пол, а пол считается «контактным» по их терминологии, то тот, кто хочет этим продуктом воспользоваться, должен тут же произнести: «упало на газету», хотя, конечно, никакой газеты там не было, но он, таким образом снимает с себя ответственность за употребление этого продукта. Одна из форм обойти табу... Табу могли быть связаны и с разного рода цветами. Особенно доставалось красному цвету, по понятной причине... С формой продуктов: поскольку все эти так называемые «контакты» в основном замешены на сексуальной символике, то, естественно, все, что могло вызвать хоть мало-мальски ассоциацию с женскими либо мужскими половыми органами, считалось контактными... Во время коллективного приема пищи не может быть и речи о том, чтобы пользоваться парашей. Но если кому-то взбрело в голову сгрызть какую-то корочку между обедом и ужином, он должен был перед этим произнести магическую фразу, извините за выражение: «Никто не срёт». Таким образом он себя застраховывал, даже если кто-то находился в это время на параше. В то же время нельзя было, не убедившись, что никто не ест, приступить к отправлению естественных надобностей – нарушитель тут же подвергался физическому воздействию».

Разумеется, помимо абсурдных требований «правильных понятий», в субкультуре малолеток существуют и вполне нормальные правила поведения, несмотря на превращение их в ритуалы. В конце концов, при крайне низком уровне сознания малолеток, соблюдение табу дается им, возможно, гораздо легче, чем совершение осмысленных поступков, как справедливо заметил автор приведенного выше рассказа, бывший политзаключенный В.Яненко.

«Правильные понятия» не страхуют малолетку от случайного их нарушения. Но чем менее он развит интеллектуально, чем менее склонен он совершать самостоятельные поступки, тем больше у него шансов не оступиться.

Вернувшись из джунглей под названием «воспитательно-трудова колония», подросток вынужден продолжать начатую там борьбу за существование – но уже на воле. Тип социализации, перенесенной им в ВТК, создает настолько прочные, основанные на первобытном страхе и ненависти установки, что преодолеть их, тем более самостоятельно, подросток, как правило, уже не в силах – в колонии его воспитывали не лишением мороженого и призраком Павки Корчагина, а угрозой пыток и смерти. Возьмем, например, так называемый «косяк» – порочащий заключенного поступок в колонии либо, что не менее важно, на воле. Сумма таких «косяков» – действительных нарушений «правильных понятий» либо нарушений, спровоцированных кем-то из желающих занять место нарушителя, может привести заключенного к понижению его иерархического статуса, вплоть до переведения его в касту изгоев, чего многие вполне обоснованно боятся больше смерти. «Косяком» способно стать что угодно – от факта проживания заключенного в Москве до прощения им первого встречного на воле, нанесшего ему оскорбление, не подлежащее, по «правильным понятиям», прощению (например, нецензурно его обругавшего).

При нынешнем судеустройстве, не оставляющем у осужденного ни малейшего ощущения справедливости наказания, при общеизвестной тяге нашей экономики к максимально дешевой рабочей силе, от тюрьмы у нас не может зарекаться никто, а в первую очередь тот, кто в ней уже побывал. Как же не измерять ему свои поступки на воле мерой «правильных понятий»? Помощи перенесшему заключение ждать тоже не приходится. Да что там помощи, – язык воли ему становится ясен только с годами, а родным он не становится уже практически никогда.

Нынешняя пенитенциарная система для несовершеннолетних преступников, как и сеть родственных ей заведений для детей до 14 лет, не решают возложенных на них задач и не могут их решить. Пребывание в этих «воспитательных» заведениях разрушает психику детей и подростков. Выполнение неписаных правил поведения преступника в заключении и на свободе является вопросом выживания и поэтому поглощает подростка полностью – в той степени, в какой не способно его увлечь ничто в нормальном образе жизни. В результате социализация подростка окончательно происходит по криминальному типу, что делает его рецидивистом надежнее, чем приобретение преступной профессии. В придачу к этому уже на наших глазах завершается разрушение той среды, которая раньше ограждала ребенка и подростка от зачатков криминальной социализации, предлагая ему образцы нормального поведения. Среда эта включала в себя и семью, состоявшую минимум из трех поколений, и нормальные – из рода в род – соседские отношения, и ровесников, объединенных нормальными человеческими интересами и занятиями. Теперь эта среда исчезает.

3.

Посмеиваясь над проектами коммунистического переустройства, мы не заметили того, как нажили неприятную болезнь: веру в возможность «больших скачков». Неважно, что это будет за скачок: из царства необходимости в царство свободы или из кризисной плановой экономики в процветающую рыночную. Мы по-прежнему верим в чудо. К счастью, с этой верой мы начинаем расставаться.

Освобождая грядущий рай от нагромождений старого мира, мы выволокли на его периферию то, что уничтожить нельзя, но можно спрятать. Мы сгоняли своих преступников в ГУЛаг, чтобы не видеть тех, кто напоминал нам о неразумности нашего государственного устройства. Мы и сейчас не хотим их видеть. В Находке собрались учредить первую в Приморском крае ВТК на месте ликвидированной колонии для взрослых, то есть попытались сделать первый шаг в деле гуманизации колонии для малолеток – не увозить их далеко от родных мест. Горожане отреагировали на это мероприятие пикетами и митингами протеста против соседства с преступниками. Подобные инциденты происходят повсеместно там, где МВД, напуганное собственным бессилием, либо реально мыслящие политики в местных Советах пытаются восстановить жизненную ткань нашего общества хотя бы во взаимоотношениях тюрьмы и воли.

Реформа исправительно-трудовой системы 1960 г. – не она ли открыла эпоху реставрации сталинизма, «брежневщины», «застоя» и т.д.? К моменту реформы ГУЛаг издыхал. Наказание преступников все больше приближалось к законному, то есть к обычному лишению свободы при минимуме издевательств и воздействия на животные чувства в человеке. Осужденные с нормальными прическами ходили в нормальной одежде, которую покупали себе на деньги, заработанные за пределами зоны – на заводах, в детских садах, больницах; не было и нынешней градации мест заключения по степени строгости режима; преступность в стране неуклонно снижалась.

Но реставрировать так реставрировать! Преступник должен был «почувствовать презрение общества», рванувшего к коммунизму, а государство – получать прибыль от его труда. С 1960 по 1989 г. государство использовало 35 миллионов практически бесплатных работников – столько человек было у нас лишено за это время свободы. На ужесточение и создание иерархии режимов, на «презрение общества» зона ответила жестокостью во взаимоотношениях заключенных, созданием новой иерархической лестницы, введением новых способов закрепления на ее ступенях. Сумма зла нынешнего ГУЛага вряд ли стала меньше суммы зла ГУЛага прежнего с его главным

средством соблюдения как «социалистической законности», так и «воровского закона» – смертью.

Что же делать в нынешней ситуации при том состоянии войны между администрацией и заключенными (особо жестокой в воспитательно-трудовых колониях), когда любое смягчение или ужесточение режима является победой той или иной стороны и только нарушает сложившееся равновесие?

Положиться на доброе начало в каждом человеке и на разумность естественного устройства человеческого сообщества.

«Семьи», в которые заключенные объединяются, уже давно хранят в себе способ избавления нынешней пенитенциарной системы от многих бед. Не следует путать «семьи» с внутрелагерными бандами либо считать их объединениями для совершения содомского греха. «Семьей» на лагерном жаргоне называются неформальные союзы, члены которых ведут совместное хозяйство, проводят вместе досуг, защищают друг друга. Институт «семьи», надо сказать, охраняется и «правильными понятиями»: бросить «посемейника» в беде, выйти из «семьи» без достаточно веских на то оснований считается «косяком». «Семьи» существуют в местах лишения свободы всех режимов и даже в следственных изоляторах, в мужских и женских колониях, в ВТК для несовершеннолетних мужского и женского пола. Каждому человеку присуще стремление к естественному образу жизни, и «семья» частично удовлетворяет это стремление. Она представляет собой модель общества, из которого заключенный вырван и в которое он вернется, она помогает адаптироваться сначала к тюрьме, а потом и к воле. Для малолеток «семьи», разумеется, важнее, чем для прочих заключенных, пусть классические функции семьи и не распознаются ими в этих союзах.

Разумно ли попытаться сделать шаги навстречу стихийной самоорганизации? Да, и под давлением обстоятельств некоторые шаги тюремным и лагерным начальством делаются. Например, для укрощения иерархических амбиций, всегда кончающихся плачевно для самого слабого, в камеру с подследственными малолетками помещают взрослого заключенного. «Батя», как называется на жаргоне такой человек, может, конечно, оказаться и «наседкой», либо просто грабителем этих малолеток, – потому и считается в тюрьмах такая роль предосудительной. Однако одним своим присутствием «батя» создает и естественные, а не криминальные иерархические отношения – взрослых и детей.

Говорит В.Абрамкин: «Самое страшное происходит тогда, когда дети остаются одни. И это уже никакой душевностью не изменишь. Все самые страшные вещи происходят тогда, когда их запирают на ночь, оставляют на ночь. Там происходят изнасилования, запирают кого-то в тумбочку, выбрасывают в окно... Структура, которая там складывается, сама по себе ужасна. Все это вообразить невозможно. Нельзя собирать детей одного возраста и пола вместе...

Совершенно потрясающие вещи происходят на строгом режиме. Приходит такой мальчик с малолетки, ему лет 19, он становится как бы сыном. Там сидят «старички» 50–60 лет, он попадает как в рай, это по нему чувствуется. Получается эквивалент нормальной жизненной ситуации: взрослые, старики, дети. Они его спасают, они ему подсказывают, как себя вести, они ему пряники какие-то пихают... Одного парня (там мало таких 18-19-летних, они обычно на общем режиме) просто портили, баловали таким отношением. У нас в отряде на 100 человек двое таких было. Вот если бы их чуть больше, а стариков – чуть меньше. Ко второму парню прохладнее относились, но все равно опекали. А на общем режиме мальчики в совершенно другую ситуацию попадают. Там им гораздо хуже, чем на малолетке... Сидит, скажем, на строгом режиме человек 10 лет. У него же дети на воле остались. Ему просто нужен объект любви, ласки, заботы. Старичок какой-нибудь как малолетку увидит, так к нему и тянется, как к своему сыну. Если даже какой-нибудь

убийца сидит, шесть душ загубил, а к пацану по-настоящему добр. Никаких сексуальных устремлений нет. Вот на общем режиме есть. Второй по тяжести после малолетки – это как раз общий режим. И, я думаю, тоже за счет возрастной гомогенности. Там основной контингент – это мальчики до 25 лет. Я обращал внимание (особенно это заметно в камерной системе): когда собираются люди примерно одного возраста и одного пола, у них все отрицательные качества усиливаются, а положительные гасятся. Стоит появиться одному старичку (не обязательно, чтоб он был авторитетным, просто какой-то старичок) – и отношения тут же сами собой гуманизируются... Разновозрастность создает естественную структуру. Нельзя подростков держать одних вместе... Все это сделано для удобства воспитателей, потому что дети одного возраста, к ним применяются одинаковые педагогические приемы. Их, вроде, одинаково надо воспитывать. Потом бояться, что уголовники будут их обучать дурному, криминальному. Эти доводы я знаю. Но они все несостоятельны».

С мнением В.Абрамкина трудно не согласиться. К этому можно добавить: как гарантия криминальной социализации малолеток и постоянной напряженности в лагерях для взрослых опасна не только возрастная, но и половая гомогенность. В этом выводе нет ничего революционного. Места лишения свободы, где вместе со взрослыми мужчинами находились женщины и дети, были и «у них», и у нас, и до Октябрьского переворота, и, что самое поразительное, после него. И не было в них бесчисленных половых преступлений, совершающихся в нынешнем ГУЛаге. С официальным признанием международных правовых норм, требующих разделения осужденных по полу и возрасту, мы, опоздав на тридцать лет, все-таки поспешили. Ибо, согласитесь, мало общего у советской колонии-зверинца с общежитием, населенным тринадцатью подростками, из которых каждый имеет отдельную комнату, ключ от нее, возможность приводить к себе девушек, право иметь работу по душе, а также посещать лицей, университет и родительский дом, как это имеет место, к примеру, во французском заведении для малолетних преступников.

Да и нашей остроты проблемы отторжения наказанных уголовников от нормального общества в других странах не существует. А эта проблема остается одной из острейших как для пенитенциарной системы, так и для всего нашего общества. Для примера: в Советском Союзе сейчас только четыре ВТК для девочек. Трудно себе представить, что для исправления малолетних преступниц их надо увозить за тысячи километров от дома, – дело здесь, очевидно, просто в удобстве управления этими ВТК. Да и стоило ли вообще лишать свободы преступников этой категории – девочек-подростков числом менее двух тысяч? Неужели нельзя было найти для каждой из них индивидуальный подход?

Отдельного рассмотрения требуют в настоящее время и такие вопросы, как создание центров адаптации освободившихся малолеток, привлечение сил современной науки для выявления детей, склонных к совершению преступлений (увы, такие дети есть, и это известно всему миру, но только не нам), и оказание им помощи в трудный для них период. Всех проблем нашего пенитенциария для малолеток не перечесать. Но это *наши* пенитенциарий, *наши* малолетки, *наши* проблемы. Наши, а не ведомственные. И чем пристальнее будет наше внимание к этим проблемам, тем лучше для нас самих.

МАСКИ

Я призываю живописцев и профессиональных литераторов дорисовать картины той действительности, которую мое перо не может изобразить достаточно ясно и впечатляюще. Мир ГУЛага, представленный А.Солженицыным, поражает воображение массовостью репрессий, механической жестокостью уничтожения тысяч и миллионов людей, но его бытовые зарисовки, портреты эзков кажутся блеклыми и схематичными для тех, кто сам тоже прошел через чрево ГУЛага. Может быть, лишь Достоевский смог бы с голографической глубиной нарисовать живую картину ГУЛага, описать хотя бы один его сегодняшний день, например, один день Изяславского лагеря особого режима.

Я шел по территории лагеря в толпе этапников и старался как-то перевернуть сцену встречи с администрацией у лагерных ворот.

Отхлестали, отлаяли, осыпали угрозами – это что: профилактика, своеобразная прививка, после которой вас пропускают в нормальные условия жизни, или это и есть норма в этом лагере, скучная повседневность, рутинная? Если последнее, то нужно ожидать новых сюрпризов. И тут я вспомнил, что меня предупреждали об Изяславском лагере еще в Лукьяновской следственной тюрьме в Киеве, когда я ожидал свой этап.

В тюремной камере в углу за шкафом для кружек и ложек висел приклеенный хлебом самодельный листок-график этапных дней и направлений. Когда открывалась «кормушка» и надзиратель говорил: «такому-то собраться с вещами», возле графика собиралась толпа и обсуждала, в какой лагерь попадет вызванный на этап. В направлении на город Хмельницкий было три лагеря особого режима в Сокале, Изяславе и Городне. Знатокам было известно то, что в графике отмечено не было: если этап был в четный день, то, как правило, это этап именно в Изяславский лагерь.

В такой день меня и вызвали на этап. Мои друзья – в камере быстро с кем-то сходишься теснее – заволновались, сочувственно выпячивая губы, покачивая головой. А немой, который раньше сидел в Изяславе, стал беспокойно мычать и бить себя по шее ребром ладони. Все смотрели на меня с сожалением, как будто бы мне уже надавали по шее и не только по шее. Лишь позже, после карцеров и одиночек Изяслава, я оценил значение этих взглядов.

Встреча у ворот обозначала выразительными штрихами характер местной администрации. Но жизнь лагеря, атмосферу, дух и порядки определяет «контингент», сами эзки.

Будущих своих союзников я встретил уже в «столыпине». По дороге на промежуточных станциях ко мне подсадили сначала двоих (часа четыре я ехал один), потом еще троих и, наконец, человек 6–7 эзков. Все они, как выяснилось, ехали в Изяслав. По ним уже можно было составить представление о тех людях, с которыми мне предстояло делить пайку, хлебать из одной миски. Однако, впечатление, которое на меня произвели соэтапники, слабеет в сравнении с тем потрясением, которое я испытал, проходя от ворот к монастырю-лагерю. Поэтому и не буду описывать ни лиц, возбужденных дорогой, ни бессмысленных, отрывочных разговоров, ни взаимной «ломки на масть» (хотя сейчас иерархия по местам не жесткая), ни того, как обнаружился в купе стукач.

Автор — бывший многолетний политзаключенный. В 1962—1968 гг. находился в заключении за создание «антисоветской организации». В 1970—1984 гг. сидел в политическом лагере особого режима как участник знаменитого ленинградского «самолетного дела». В 1985—1987 гг. отбывал срок в уголовном лагере в г. Изяславе за нарушение правил административного надзора.

который пытался «технически вложить» меня ментам (я написал письмо и выбросил в окно на станции, попросившись в уборную). Я хочу сконцентрировать внимание на одном эпизоде, одном впечатлении, одной сцене.

Я увидел лица зэков этого лагеря.

Впрочем, сказать – увидел лица, значит ничего не сказать. Это было видение – как будто пригрезился кошмарный, фантастический сон в духе Гофмана или «Капричос» Гойи.

Мы проходили по двору, впереди был виден монастырь, справа метрах в двухстах было двухэтажное здание из кирпича, огороженное металлической решеткой–забором метра два высотой. За этой решеткой была видна длинная шеренга людей в полосатых робах. Как потом я узнал (хотя догадка возникла сразу), это были «ставшие на путь исправления» зэки, за что они и содержались в открытом бараке. Такая привилегия возможна после отбытия трети срока. Остальные зэки содержатся в камерах под замком.

Я с жадным любопытством ждал встречи. В это мгновение по своим чувствам я, видимо, был очень близок к первопроходцам, к великим путешественникам Миклухо-Маклаю, Марко Поло или Ливингстону! Что за земля, кто и каковы аборигены? Что можно ждать от предстоящей встречи? И вот шляпка коснулась дна, путешественник выходит на берег и медленно, с бьющимся сердцем идет навстречу толпе туземцев. Он уже различает их лица...

Вот первые лица зэков, прильнувших к решетке. Они мне показались какими-то странными. Я подумал, что это кочегары, бросившие на мгновение шуровать в топках уголь и вышедшие посмотреть на этап. Но вот я иду дальше и вижу такие же, как будто покрытые угольной пылью, прокаленные огнем, измотанные каторжным трудом лица.

Я прошел мимо нескольких человек, они устало и угрюмо смотрели в нашу сторону. Лица без выражения, без жизни. Правда, вот, наконец, что-то живое: на лицах двух-трех зэков как будто приклеилась злобно-презрительная ухмылка. Они стояли молча, но вдруг из этого строя кочегаров или подземных углекопов послышался крик: «Резаный, здесь твой крестник, Косой, перевожу пару кусков на тебя!» (Крестником называют того, кого ты обращал в свою «веру» кулаком, ножом, любым иным способом. Это может быть как зэк, так и мент. Перевести пару кусков – значит разрешить Резаному требовать с Косого долг в 2000 рублей, очевидно, проигрыш в карты.)

У говорившего блеснули зубы и рот скривился в некое подобие улыбки, лицо стало похоже на характерную африканскую маску. До сих пор все маски-лица имели общее выражение куска обожженной глины, эта же говорящая маска обрела черты лица и глина превратилась в нечто одушевленное, хотя еще не вполне человеческое.

Я, ошеломленный, шел дальше и видел все те же маски, как будто бы из фильма ужасов. Маски эти не имели индивидуальной неповторимости, эти странные лица были как одна маска. Я мог заметить только общие черты, присущие всем зэкам, стоящим за металлической решеткой: грубые, безжизненные, и не просто безжизненные, а как будто бы отупевшие и оскотиненные, – их черты не выражали свойственной нормальному человеческому лицу духовности, и вызывали в воображении лишь овечьи или медвежьи морды.

Но ведь когда-то это были розовощекие, ясноглазые бутузы, потом живые смышленные подростки. Теперь же они прошли через катакомбы ГУЛага и человеческое лицо превратилось в маску.

Секрет метаморфозы открывался мне постепенно.

Вскоре, месяцев через пять после прибытия в лагерь, врезали мне 15 суток карцера с выводом на работу. Утром общий развод. Двое ментов вывели меня из камеры, завели в небольшой тамбур рабочего цеха и начали шмонать, как полагается. Снимаю обувь, одежду, прошмонают – одеваюсь. Вдруг вижу, как из коридора ШИЗО движется на меня Мефистофель. Ну, может

быть, и не литературный Мефистофель, потому что никакого царственного плаща, шпаги и величия, но черт, бес – это точно. Грязная, черная физиономия, рваная шапка, так сидящая на голове, что, кажется, видишь рожки, тощая фигура болтается в замызганной мятой полосатой робе, на лице, а вернее роже, ухмылка, выражающая злобу, презрение и самодовольство. Один из ментов, шмонавший меня, повернулся к приближавшемуся в сопровождении двух конвойных дьяволу и лениво бросил: «А этого куда?» Сопровождающий ответил, ухмыляясь: «Работать хочет!»

«Резаный, работяга, е... твою мать, – ощерился мент, – ты снова будешь фуйней заниматься. Раком поставлю, приведу фельдшера с клизмой, а махорки хрен в камеру пронесешь!»

«Глотай сам свою клизму, дядь Вася! А у меня с выводом на работу, понял?»

Из этого обмена любезностями стало ясно, что Резаный выходил на работу, вернее, в рабочий цех, чтобы раздобыть курево и затем пронести его в камеру и скрасить парой затяжек скучные, холодные и голодные вечер и ночь на продуваемом сквозняками карцерном полу. К работе Резаный относился, как выражаются менты, «наплевательски», что значит: лежал, спал на столе, на котором резали тарные уголки из железа (ими оббивают ящики), болтал с зэками из соседних рабочих боксов (у каждого был свой узкий каменный бокс с решетчатой дверью) и, главное, промышлял насчет курева (махорка по тайным зэковским каналам поступала в рабочий цех).

Но не диалог привлек мое внимание. Меня поразило то, что я не сразу узнал Резаного, с которым мы вместе пришли этапом. Резаный за каких-то 4–5 месяцев приобрел физиономию, подобную тем маскам, какие я увидел у решетчатого забора, а шрам, по которому у мог бы в любом случае опознать Резаного, зарос толстым слоем изоляторной грязи. Месяца четыре назад Резаному дали первые 15 суток карцера по жалобе Косого. Косой, проигравший 2000 рублей «Жабе», платить не собирался, так как «Жабу» не боялся, да и денег таких у него не было. Жаба «причитающие два куска» поручил стребовать Резаному, ибо Резаный три года назад за крупный проигрыш под ножом «опустил» Косого (изнасиловал, переведя его в разряд педерастов, самую презираемую и бесправную категорию лагерников). В этот раз Косой, наученный горьким опытом, предпринял меры предосторожности: написал жалобы в прокуратуру и в оперчасть. В результате Резаный был схвачен, когда со штырем в руках «прихватил» Косого в дальнем, темном углу цеха. 15 суток карцера растянулись уже на пятый месяц.

Карцер и нанес последние штрихи на физиономию Резаного, превратив его в маску, хотя, конечно, и до того он не был похож на одухотворенного мыслителя.

В карцере не давали ни мыла, ни полотенца, спал Резаный на грязном полу, на работе валялся в боксе, покрытом слоем пыли и ржавчины толщиной в ладонь, руки он никогда не мыл, белья не менял. Но не только грязь изменила его физиономию. Голод, холод и четыре голые стены измочалили его плоть и притушили и без того не слишком ярко горевший огонь мысли в его глазах. Глаза запали и потускнели, и лишь голодный блеск вспыхивал в них при виде пайки хлеба. Щеки ввалились, лицо приобрело вид мертвеца.

Впрочем, физическое истощение было не самым существенным в превращении человеческого лица в маску изяславского зэка. Резаный мог выйти из изолятора, получить долг с Косого (или часть долга), отъестся, морда стала бы толстой, но вид африканской маски или подземного углекопа уже остался бы у него на весь лагерный срок (и, может, не сразу размылся бы он и жизнью на воле). Наука о питании утверждает, что пища в значительной степени определяет не только физическое состояние, но и психику и интеллект. Кто не верит – пусть спросит у вегетарианца или йога, а лучше всего – у зэка. Ибо зэки, годами употребляющие пищу, которой можно кормить только скот, деградируют физически и духовно. И это не метафора или не

только метафора. У каждого лагеря есть подсобное хозяйство, и суп, кашу варят сразу и для скота, и для эков. Пищу для этого специально не солят, разбавляют водой.

В Изяславском лагере содержались так называемые особо опасные рецидивисты. Это люди, которые имели в среднем по 6–7 судимостей и провели в лагерях и тюрьмах по 20–30 лет. И все эти годы их преследовало ощущение голода. Во Владимирской тюрьме 60-х гг. было голодно, как на необитаемом острове. Я помню уголовника с отрезанным в подарок XXVII съезду КПСС ушами. Возвращаясь как-то с оправки во время раздачи пищи, он выхватил бачок с винегретом у зазевавшегося раздатчика и бросился к себе в камеру. Высыпав винегрет на одеяло, ээк стал жадно, в две руки запихивать его в истосковавшуюся по еде глотку. Опомнившиеся менты настигли и, конечно, покотили наглеца, но великодушню разрешили доестъ винегрет, перемешанный с грязным ворсом от одеяла.

Увы, чаще муки голода разрешаются не смехом, а трагедией. В Изяславе оголодавшие ээки задушили повара, сидевшего вместе с ними в ШИЗО. У Э.Кузнецова в «Мордовском марафоне» рассказано, как ээк Волобуев задушил сокамерника, потому что тот получил чуть больше еды (как выполнявший норму в ШИЗО).

С ощущением голода надо либо смириться, либо бороться, но не поддаваться ему. Кто этого не понимает, тот быстро теряет человеческий облик. Помню в свой первый срок молодого парня, морячка. Голод парализовал его физические и духовные силы. Он днями лежал на койке – это было в Владимирской тюрьме, – сжимал виски руками и ждал, когда откроется кормушка. У него родилась идея: заполнить ТБЦ, чтобы насытиться жирной туберкулезной пайкой. Он стал соскребать краску с водопроводного крана, стен, кроватей, растирать ее до пыли и вдыхать.

Стараясь избавиться от ощущения голода, ээки едят много соли. Любопытно, что 20 грамм соли входит в норму 9б, по которой кормят ээков в изоляторах. Соль задерживает воду в организме, поэтому дольше сохраняется вес и уменьшается ощущение голода. После трех месяцев ШИЗО или 6 месяцев одиночки ээк, как правило, распухает до слоновьих размеров. Длительное пребывание в ШИЗО отмечается запавшими щеками, провалившимися глазами, ссохшимся черепом и синими губами. Но это еще не африканская маска. Чтобы физиономия ээка превратилась в маску, необходимо еще очень многое: нужно, чтобы лицо заросло грязью, нужно эмоциональное отупение, духовная опустошенность, нужно чтобы мысль вертелась в колесе голодной ненависти.

Когда меня забрали в изолятор, я по привычке стал собирать полотенце, мыло, зубную щетку, порошок, белье. Мои сокамерники смотрели на меня как на сумасшедшего. Один не выдержал и раздраженно бросил: что ты «тюльпана гонишь», кто это тебе даст в ШИЗО? Он знал, что говорил, – мне не разрешили взять с собой в ШИЗО туалетные принадлежности. Однако все это по закону положено ээку. И я голодовкой протеста вынудил администрацию смириться с тем, что я умывался и чистил зубы в изоляторе.

Чтобы не копить в себе ненависть, я дразнил ментов, давал волю своим чувствам, вызывал их ярость и в схватке словесной и физической (при обысках, например, я не давал свои вещи и менты набрасывались, заламывали руки, колотили, пинали меня, матерились) очищался от смертельного яда ненависти.

Что же до голодной паранойи, то, как известно, клин клином вышибают: я часто объявлял голодовки – в лагере миллион причин для этого – и освободил свою мысль от заикленности на жратве. Опустошенность грозит душам убогим и надломленным, тем же, кто годами вынашивал свои убеждения и всю жизнь отстаивал право их высказывать, никакая пустыня, даже такая как ГУЛлаг, не страшна.

Многие уголовники, будучи задавлены голодом, холодом, наказаниями, не могут оторваться от мысли о большой пайке хлеба, боятся пошевелиться,

чтобы не получить новое наказание, впадают в отчаяние, считая, что администрация всемогуща и безответственна. Злоба и отчаяние сковали их эмоциональный мир, лица их застыли, жизнь ушла из глаз, губ, отупение легло на них плотной маской.

Взорвать печать отупения и оживить человеческие черты лица могли бы внутренняя работа мысли, воспоминания, чтение, размышление... Но о чем мысли этих загнанных в клетки людей? Дом, семья есть не у каждого, а если и есть, то часто не в радость мысли о них, и эски избегают думать о доме. Лагерная жизнь сводится к простому ритуалу, разнообразят ее лишь игра в карты и «разборы» (разбор интриг, обмана, провокаций, «кладки» – стукачества и т.д. и т.п.). Это лишь ожесточает лица, и еще тверже становится скорлупа африканской маски.

И в книгу эск не верит. Он – жизнь знает. И знает о жизни только то, что она – ложь, насилие, хитрость, власть кулака, а все газетное, книжное – тюлькогонство, туфта для охмурения фрайеров. Этот прожженный скептицизм уживается с наивной верой в то, что в книгах, кино рассказывается про какую-то всамделишную жизнь, о каких-то реальных людях, действительных событиях. Это – от жажды побывать в мире свободы хоть в воображении, от желания утолить эмоциональный голод. В книгах они замечают и выискивают лишь любовные истории, проявление мужской ловкости, силы, хитрости, уголовные сюжеты.

Среди причин, которые способствуют превращению лица в маску, есть и социально-психологические. Я помню роман японского писателя Кендзибура Оэ «Чужое лицо». Маска, которую герой надевал, чтобы быть равноправным участником общественной жизни-игры, срослась с его лицом. Человек потерял лицо, свою индивидуальность, стал придатком исполняемой им социальной роли.

Глядя на маски «подземных углекопов», своих союзников, я задавал себе вопрос: неужели сознательно они выбрали себе эти маски? Или же это не маски, а лица, ставшие масками? Их сделал такими, вопреки их воле, ГУЛаг.

Лагерная система вовлекает людей в свою орбиту, лишает их возможности свободного выбора социальной роли. Лишь немногим удается преодолеть социальные барьеры и вырваться из касты париев советского общества – постоянных обитателей ГУЛага.

Долгое общение с уголовниками позволяет мне сделать заключение, что это не только люди, у которых в свое время не было сформировано нравственной основы, морального цензора своих поступков. В подавляющем большинстве – это люди, у которых эмоционально-нравственная сфера нездорова, разрушена. Страх перед властью, перед государственной машиной подавления, непонимание ее природы, сковывает уголовников в своих действиях. Страх и скованность снимаются, разряжаются эмоциональным взрывом, поступками, ломающими все социальные ограничения, моральные запреты, табу. Жестокое возмездие за бунт, наступающее это загнанное в угол собственным страхом существо, порождает в нем еще больший страх. Подавляющее большинство узников ГУЛага можно было бы назвать жертвами эмоциональной незрелости и социального страха...

Однажды в ШИЗО я посмотрел в дно кружки (эски полируют наружное дно кружки и используют его вместо зеркала) и увидел... маску. Я внимательно, с душевным трепетом всматривался... Нет, нет маска еще не была африканской, но африканские черты уже начали прорезаться. У меня было всего 2 года срока в Изяславском лагере и это меня спасло.

Нужно сказать, что со временем лица примелькались, восприятие их притупилось, и я спокойно созерцал своих союзников, и это первое кошмарное зрелище африканской маски, «подземных углекопов» вспоминалось мне как эпизод давно виденного фильма. А может быть, я спокойно созерцал своих союзников потому, что... Нет, нет – у меня еще свое лицо, не чужое, не африканская маска... ●

МЕСТА ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ – ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РЕФОРМЫ

1.

Действующий в нашей стране институт исполнения уголовных наказаний, большинством граждан именуемый просто «ГУЛаг», в относительно узком кругу специалистов все чаще зовется «советской пенитенциарной системой». Тем самым, с легкой руки профессионалов, мы как бы приравниваем себя к остальным цивилизованным странам, такую систему имеющим. Если же присмотреться внимательнее, чем заняты пенитенциарные службы там и здесь, – станет понятна разница.

Западный пенитенциарий – это совокупность исправительных учреждений закрытого и полузакрытого типа, оберегающих общество от правонарушений и готовящих правонарушителей к возвращению в общество в качестве нормальных и полноценных граждан. И это не только главные задачи – это все задачи, других задач у западной пенитенциарной системы нет.

ГУЛаг, то есть наша советская пенитенциарная система, служит другим целям. Одного взгляда достаточно, чтоб уяснить: перед нами крупный и целостный промышленно-хозяйственный комплекс, предназначенный для решения глобальных экономических задач. И это качество имманентное. Не случайно именно ГУЛаг воплощал в действительность все наиболее грандиозные народно-хозяйственные проекты.

Так было и так есть. До сих пор ГУЛаг сосредоточивает громадное количество экономических связей, являясь крупнейшим поставщиком дешевой рабочей силы. И эта корневая внедренность в национальную экономику – черта совершенно чуждая современным пенитенциарным системам Запада, все больше интересующим нас как возможные образцы для подражания.

Традиционный экономикоцентризм ГУЛага определяет абсолютный приоритет хозяйственных задач над задачами гуманитарными. Подобное положение служит неиссякаемым источником для социальных, психологических и нравственных девиаций, со временем обнаруживающих тенденцию к усугублению. Ясно также, что их деморализующее воздействие сказывается не только на осужденных, но и на самих работниках учреждений.

Можно без конца приводить примеры, свидетельствующие об особом «профессиональном» цинизме персонала, но достаточно ограничиться теми, что затрагивают сферу трудовых отношений.

Так, администрация учреждений избегает выпускать раньше срока (амнистия, помилование, условно-досрочное освобождение) именно *лучших* работников, тогда как от «худших» (и часто наиболее криминогенных) стремятся избавиться при первой возможности.

Глубоко аморален порядок, установленный МВД СССР, по которому женщины, родившие в неволе, отлучаются от детей уже через два месяца, а по завершении грудного кормления свидания сокращаются до одного часа в сутки¹. Нетрудно понять причину столь суровых ограничений: для своих гулаговских хозяев эти женщины – рабочая сила, поэтому ничто не должно их отвлекать от выполнения ежедневной нормы. Будущее их детей, их собственная судьба – значения не имеют, как и все прочие социальные проблемы, к которым ГУЛаг безразличен. Более чем семидесятилетняя история Системы показывает, что общество ее интересуется главным образом как источник рабочей силы.

Отсюда видно, что ГУЛаг и сегодня представляет серьезную *общественную опасность*. Это не только постоянный генератор тоталитарного сознания, но и организа-

Докладная записка, подготовленная Общественным центром содействия гуманизации пенитенциарной системы.

¹

В настоящее время в системе ИТУ МВД одной только РСФСР при женских исправительно-трудовых колониях функционируют 11 домов ребенка, где содержатся 512 детей. – Ред.

ционная структура, сохраняющая генетический код тоталитарного государства. Мы не можем быть спокойны, пока такое явление существует в нашей жизни.

Следовательно, у нас нет оснований (не совершая насилия над языком) говорить «пенитенциарная», имея в виду нашу современную систему исполнения уголовных наказаний.

2.

В отличие от других известных нам производств, ГУЛаг – это комплекс с *необычным хозяйственным укладом*. Основу его составляет труд заключенных, которому десятилетиями приписывалось воспитующее значение. Сегодня термин «воспитующий» (вместе с породившей его концепцией) уже принадлежит истории. На смену пришел новый термин, претендующий определить явление по-перестроечному четко и объективно: «принудительный». Однако, как это часто теперь бывает, «предельная откровенность» служит лишь поводом для лукавого кокетства. Ведь подобное признание насильственного характера труда заключенных вовсе не указывает на их бесчеловечную эксплуатацию, которая имеет место в действительности.

Впечатление создается достаточно благопристойное. *Принудительный труд* не возражается стандартными правилами содержания заключенных, принятыми ООН, следовательно, возникает почва для новых ненавязчиво-комплиментарных сравнений «нас» с «ними». В то же время условия труда в местах лишения свободы за годы перестройки не только не улучшились, но заметно ужесточились, достигнув состояния критического.

Было бы намного честней и справедливей упомянутый хозяйственный уклад именовать «рабовладельческим», а труд – «рабским». Это унижительно для нашего национального достоинства, но тем более, может быть, скорей мы захотим раз и навсегда с этим покончить.

Необходимо осознать: каждый человек после суда становится *временной собственностью* Системы. Это значит, что его могут отправить куда угодно, и он будет выполнять именно ту работу, которую ему укажут. Его профессия, склонности, образование, возраст, даже состояние здоровья в расчет не принимаются и роли не играют. Все зависит от воли начальника учреждения и конкретной производственной потребности.

Не может служить утешением временный характер рабства. Наоборот, ценность человеческой личности в этом случае еще более снижается, а требования возрастают.

Сегодня, как и тридцать, и пятьдесят лет назад, заключенных используют преимущественно на трудоемких, маломеханизированных работах, зарплата у них по-прежнему символическая, а нормы – предельны для человеческих возможностей. Рабочий день в наших исправительно-трудовых учреждениях нередко длится 12–14 часов, выходные не всегда соблюдаются, а отпуск для заключенных вообще не предусмотрен.

Конечно, все это не сравнимо с истребительными лагерями френкелевской поры: Система постепенно освободилась от иррационального целеполагания и других романтических излишеств периода становления. Однако сам рабовладельческий уклад, выжимающий и унижающий человека, сохранился в неприкосновенности. И цифры, недавно открытые ГУИД¹ (заболеваемость в местах лишения свободы в 17 раз, а смертность в 20 раз выше, чем на воле), свидетельствуют о том, что жизнь говорящего орудия по-прежнему ничего не стоит.

3.

Традиционно *юридическое бесправие* заключенного перед администрацией. И дело не в недостатке нормотворческих актов – гарантирующих и регламентирующих, – их всегда хватало с избытком; дело в том, что все они не в состоянии защитить человека от Системы, одним из условий существования которой это бесправие является.

¹ ГУИД – Главное управление по исправительным делам, ранее ГУИТУ – Главное управление исправительно-трудовых учреждений (а еще ранее – ГУЛаг). – Ред.

Сказанное надо подчеркнуть особо, так как велико число специалистов, полагающих, что необходимые изменения можно провести сверху вниз, декретивно. Это – очень небезобидное заблуждение: ГУЛаг умеет защищать свои интересы. Реакция следует незамедлительно, и последствия могут быть самыми серьезными (чем радикальнее нововведения, тем серьезней последствия).

В этой связи можно вспомнить, как в начале 60-х гг. была предпринята попытка усилить контроль за соблюдением юридических прав заключенных. Ее инициаторам тогда казалось, что достаточно начать строже спрашивать и бумажные нормативы станут действовать. С этой целью были учреждены Прокуратура по надзору за местами лишения свободы и Инспекционный отдел ГУИТУ.

В результате практические работники колоний и следственных изоляторов, вынужденные блюсти «пристойный внешний вид» своих учреждений, начинают широко использовать *скрытые формы давления* на осужденных. Это, в свою очередь, резко обострило конфронтацию между осужденными и администрацией, раскололо жизнь учреждений на так называемые «формальный» и «неформальный» порядки, катализировало кастовую дифференциацию у заключенных, подстегнуло мафизацию персонала, иначе говоря – предопределило всю социальную драму ГУЛага на последующее тридцатилетие. Сегодня мы присутствуем на ее заключительной части, когда события принимают все более тревожный оборот и, кажется, нет в современном обществе участка более взрывоопасного, чем судебно-исполнительная сфера.

Как видим, попытка приказным порядком улучшить положение заключенных привела к эскалации латентной жестокости и к тяжелым социальным аномалиям – в отдаленной перспективе.

4.

Исходя из только что сказанного, следует признать, что Система не может быть смягчена и гуманизирована путем отдельных улучшений – она подлежит *глобальному переустройству*. Это значит, что ее необходимо лишить тех фундаментальных оснований, которые обеспечивают ее самоидентичность и на которые еще ни один реформатор не покушался.

Еще раз перечислим их. Это:

- I. Экономическая гиперфункция, определяющая основные цели, характер деятельности, структуру и географию современного ГУЛага.
- II. Рабовладельческий уклад, определяющий его социальные реалии.
- III. Закрытость для общественного контроля.

5.

В настоящее время ГУЛаг готовится *сам себя реформировать*. Высокопоставленные чиновники ГУИДа, резонно рассудили, что лучше самим взяться за дело, чем допускать сюда посторонних. В эфир были брошены суперперестроечные лозунги о «демонтаже ГУЛага», об улучшении условий содержания заключенных, об усилении роли общественности и т.п. Параллельно группой сотрудников ГУИД РСФСР был разработан проект создания Федерального комитета по исправительным делам.

Каким же видится будущий пенитенциарий из окон кабинетов гулаговского начальства? Прежде всего – крепким и независимым ведомством, свободным от опеки МВД и органов государственного планирования. Пореформенный ГУЛаг будет сам определять свои экономические приоритеты и сам распоряжаться минимум половиной доходов.

Большая часть проекта посвящена совершенствованию и реорганизации *систем управления* (это вообще характерно для всех *ведомственных проектов*). Причем, тут ярко дает о себе знать монополистичность мышления. Вся история ГУЛага, а особенно последние три десятилетия, показывает *принципиальную порочность* сосредоточения в одних руках всех средств и функций жизнеобеспечения. Давно очевидна необходимость вывести из подчинения ГУИД медицинское обслуживание в местах лишения

свободы, всю социально-педагогическую работу с заключенными, их трудовую деятельность и т.д., оставив за ГУИД только то, что является его прямой обязанностью, для чего он, собственно, и создан: контроль за исполнением наказания – охрана, профилактика преступности среди осужденных, оперативные действия в экстремальных ситуациях.

В проекте же все названные службы представляются вмонтированными в монолитный блок внутриведомственных связей и по-прежнему лишены самостоятельности. Такая структура должна, по мысли проектантов, обеспечить более эффективное управление Системой, о чем недвусмысленно говорится на первой же странице: «Федеральный комитет предлагается создать на базе существующих разрозненных (!) служб, обеспечивающих отдельные направления деятельности пенитенциарной системы, что порождает безответственность за положение дел в учреждениях».

Это – главное. Что касается проблемы искоренения рабской трудовой повинности заключенных, проблемы полного пересмотра концепции деятельности Системы, – то она перед авторами вообще не стоит. Ничего не говорят об этом в публичных выступлениях и заявлениях для печати и ответственные работники ГУИД. Напротив, анализ их высказываний вселяет опасения, что экономическая функция в результате такой реформы будет еще больше радикализована; что в ситуации свободного рынка перешедший на хозрасчет ГУЛаг усилит эксплуатацию заключенных и к концу XX века мы породим новое монструозное явление – рабовладельческий капитализм.

Сторонники предложенного варианта реформы могут возразить против возможности такого хода событий, аргументируя это тем, что в данном проекте предусмотрено участие общественности, которая будет контролировать деятельность Федерального комитета и его подразделений.

Действительно, в схеме, расписывающей структуру будущего ведомства, один из многочисленных квадрантов, означающих различные отделы и службы, обозначен как Попечительский совет при председателе Федерального комитета. Предполагается, что в него войдут представители общественности и общественных организаций для участия в преобразовании Системы из административно-бюрократической в государственно-правовую. Кроме этой – важной, хотя и совершенно не конкретизированной функции, Попечительский совет должен развивать активность в плане «повышения роли общественных организаций в их воздействии на правонарушителей».

Других функций общественности в проекте не значится, об *общественном контроле* прямо нигде не говорится, и у нас нет никаких оснований верить, что Попечительский совет сможет быть надежным гарантом наших прав и интересов в Системе.

Кроме этой, юридической стороны дела имеются еще две причины, чисто практического свойства, в силу которых Попечительский совет (или система попечительских советов, более приближенных к местам заключения) обречен на бездеятельность. Во-первых, это природа самого ГУЛага (а после *такой* реформы она мало изменится), не терпящего внутри себя ничего инородного. Любая общественная структура им будет нейтрализована и разделит участь когда-то созданных наблюдательных комиссий при рай- и облисполкомах. (Призванные курировать места лишения свободы, они сплошь и рядом сами оказались под контролем администрации учреждений.) Во-вторых, широкий общественный негативизм по отношению к заключенным, отсутствие понимания действительной важности общественного признания за местами лишения свободы. В нынешней ситуации, когда в очереди на попечение стоит множество обездоленных, до осужденных дело дойдет не скоро. Если же гуидовская реформа будет проведена так, как она задумана, – и вовсе не дойдет – забор между тюрьмой и волей в этом случае полностью сохранится, отчуждая места заключения от свободы и общества.

Таким образом «демонтаж ГУЛага» (выражение Гуляева¹) сводится к ряду косметических мер и внутриведомственных перестановок. В сегодняшней ситуации, когда число конфликтов в Системе нарастает лавинообразно, подобный подход неприемлем. Он не в состоянии стабилизировать обстановку сейчас и не имеет положительных пер-

1

Полк. В.Гуляев – начальник ГУИД МВД СССР (см. «Страна и мир», № 5, 1990, «Судьба Рауля Валленберга»). – Ред.

спектив в будущем. (О возможности непредсказуемых последствий половинчатых мер уже говорилось выше.)

Очевидно, следует признать, что демонтаж ГУЛага изнутри – *невозможен*. Какие бы благие намерения ни двигали отдельными людьми, последнее слово всегда остается за корпоративными интересами. Успех реформы – только в привлечении независимых экспертов, которые бы разработали проект совместно с профессионалами.

6.

Начать следует с предварительного анализа экономической географии ГУЛага. Нужно оценить его реальный вклад в экономику страны и его структурную роль в этой экономике.

Такую исследовательскую программу должен санкционировать ВС РСФСР, в то же время обязав руководство ГУИД и других относящихся к делу организаций предоставлять экспертам всю запрашиваемую информацию.

Конечной целью данного исследования должен явиться развернутый ответ на вопрос: что будет, когда ГУЛага не будет, когда его место действительно займет пенитенциарная система? Иначе: можем ли мы в ближайшие годы отказаться от эксплуатации труда заключенных и какой ценой?

От ответа на этот вопрос зависит выбор стратегии и темпы реформы.

7.

Ниже изложены некоторые общие соображения, которые нелишне иметь в виду, размышляя о возможных путях реформы.

Сегодня, в силу известных причин, наше общество отчуждено от многих реальных проблем и пока не готово ими заниматься. В то же время без активных общественных усилий, без поддержки общественных сил кардинальная реформа Системы невозможна. Однако дожидаться, когда общество само собой придет к осознанию стоящих перед ним задач, мы не можем: деструктивные процессы развиваются слишком быстро, чтобы полагаться на естественную эволюцию мировоззрения.

Следовательно, речь идет о том, как заставить общество заниматься своими проблемами; в данном случае – поддержать формирование нормальной пенитенциарной системы.

В этом смысле представляется целесообразным большую часть учреждений передать в *муниципальное подчинение*. При этом крайне важно, чтобы в них содержались правонарушители из данной конкретной местности и на средства местных налогоплательщиков. Это имеет то важное преимущество, что исправление, а лучше сказать – социальная коррекция преступников приобретает насущное значение для жителей региона. Им предстоит вместе жить, поэтому для них совсем не безразлично, каким человек покинет стены учреждения. Так преодолевается отчуждение между тюрьмой и волей, одной из причин которого является существующая практика произвольного перемещения заключенных.

Это – первое. Второе: если пенитенциарные учреждения переполняются, это незамедлительно сказывается на материальном положении налогоплательщиков, которые являются еще и избирателями. Такая взаимосвязь по-новому ставит перед местными властями проблему профилактики правонарушений.

Наряду с муниципальными учреждениями должны быть *учреждения федерального, центрального подчинения*. Там могут отбывать наказание, наряду с особо опасными преступниками, требующими усиленных условий содержания, лица, чей отрыв от мест проживания, по мнению суда, необходим, а также те, кто не имеет постоянного места жительства.

Общее руководство пенитенциарной системой должен осуществлять *Федеральный комитет*, структура независимая от МВД и подотчетная только Верховному Совету.

Какие отношения должны связывать Федеральный комитет с муниципальными учреждениями, имеющими местное подчинение? Очевидно, комитет сосредоточит в

себе те функции, которые экономически и стратегически нецелесообразно расплывать по регионам. Прежде всего – это подготовка профессиональных кадров: администраторов, социальных работников, педагогов, работников охраны и т.д.

Кроме того, Федеральный комитет должен располагать необходимыми средствами для действий в экстремальных ситуациях (лагерные бунты, захваты заложников и др.). Наконец, – осуществлять ведомственный контроль над местами лишения свободы, особенно пристальный в первое время, когда издержки переходного периода могут вызывать самые разнообразные эксцессы.

Чрезвычайно важным фактором изменения и нравственной, и деловой атмосферы в пенитенциарии явилась бы отмена порочной во всех отношениях системы, согласно которой заключенный своим трудом *сам оплачивает своего тюремщика*.

Мы должны ясно отдавать себе отчет, что плохая пенитенциарная система – антиобщественна, а хорошая стоит недешево. Однако западные общества предпочитают платить эту высокую цену, лишь бы не нести гораздо более серьезных моральных убытков, ведущих, как показывает опыт, к социальным потрясениям.

Мы уже превратили тюрьму в коммерческое заведение, да еще создали целый клан чиновников, кровно заинтересованных в своем проценте с оборота. Понятно, пока такое ненормальное положение будет сохраняться, мы будем иметь в их лице самую воинственную фронду действиям реформаторов, готовую до последнего отстаивать свои клановые интересы.

Персонал учреждений должен получать зарплату из местного или федерального бюджетов (в зависимости от подчиненности конкретного учреждения) в соответствии с установленными тарифами. Причем важно, что тарифы не должны обуславливаться производственными показателями колоний.

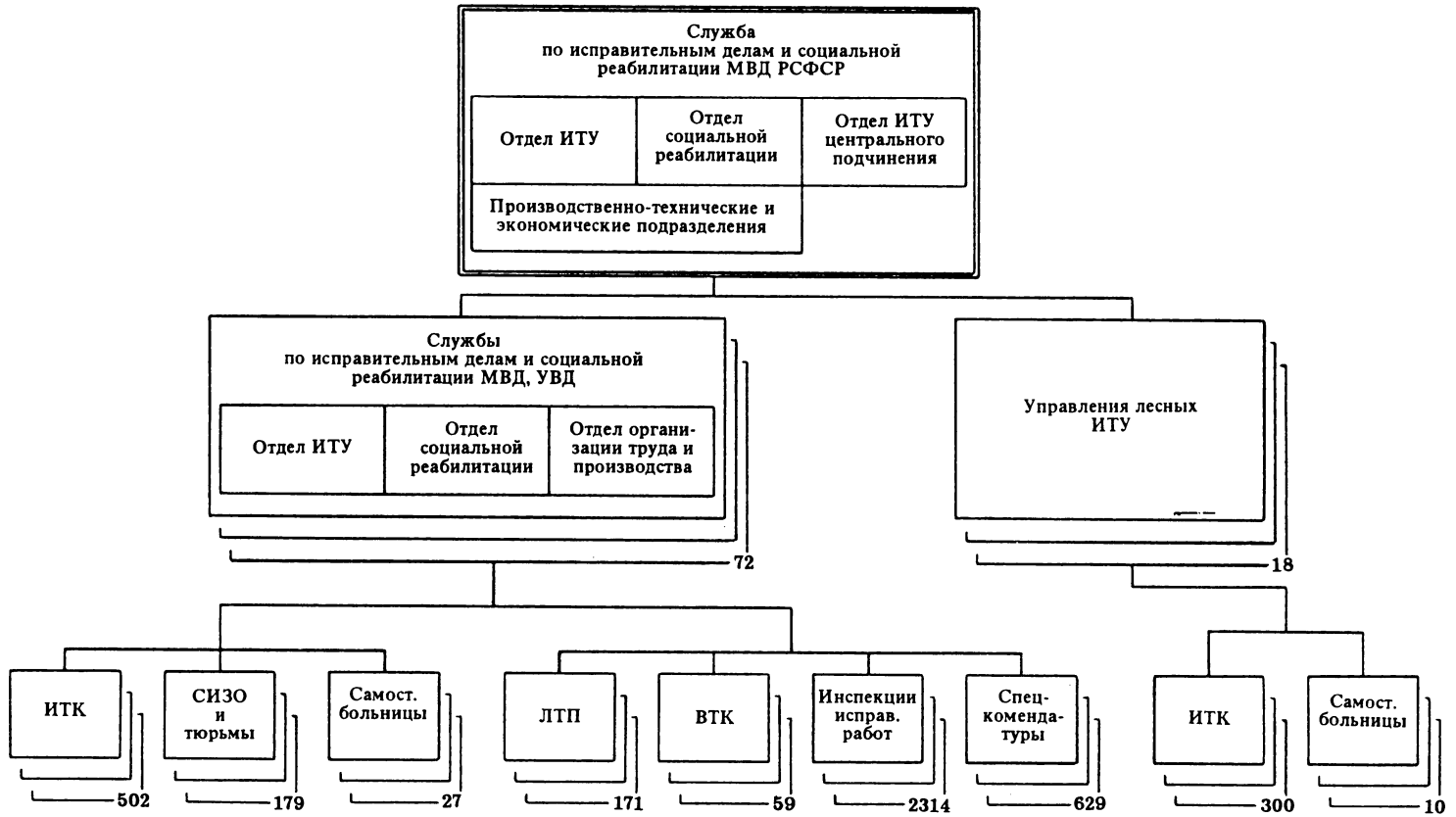
Необходимо совершенно пересмотреть проблему организации труда заключенных. Труд совсем не обязательно упразднить, его даже можно оставить принудительным, но при этом каждое учреждение должно нести полную ответственность за жизнь и здоровье каждого заключенного – юридическую и экономическую. К тому же, должны быть отменены все «научно» разработанные нормы труда в местах лишения свободы, как неприемлемые в цивилизованном обществе по соображениям гуманности. Заключенный должен иметь право самостоятельно устанавливать свою трудовую норму и получать зарплату сообразно затраченным усилиям.

В заключение следует сказать о контроле над пенитенциарной системой. Прежде всего, имеется очень большой западный опыт в решении этой задачи, и его необходимо внимательно проанализировать. В наиболее общем плане он показывает, что самым удачным и эффективным является механизм, сочетающий ведомственные и вневедомственные органы контроля, дополняющие и активизирующие друг друга.

В нашей действительности функцию вневедомственного надзора за местами лишения свободы исполняет прокуратура. Думается, что это не самый удачный вариант из всех возможных. И суть даже не в чрезвычайной загруженности прокуратуры делами, а в том, что подобный «патронаж» плохо согласуется с ее «юридической природой». Лучше будет, если данную функцию примет на себя специально организованный комитет при Верховном Совете.

СТРУКТУРА исправительно-трудовой системы МВД РСФСР

КОНТУРЫ РЕФОРМЫ

В публикуемой нами докладной записке Общественного центра содействия гуманизации пенитенциарной системы резкой и обоснованной критике подвергнут проект реформы, предложенный группой сотрудников ГУИД РСФСР. МВД СССР разработало свой проект: «Концепция реформы уголовно-исполнительной системы», которая была одобрена решением коллегии МВД СССР от 16 июля 1990 г. (№ 8 км/1) под председательством Вадима Бакатина. Это примечательный документ. Конечно, в нем еще многое несовершенно (возможно, вынужденно несовершенно, ибо планы реформаторов не должны все же отрываться от реальных возможностей их воплощения). Тем не менее обращает на себя внимание переключка многих положений этой «Концепции» с предложениями, выдвинутыми в докладной записке Общественного центра.

«Концепция», как уже говорилось, одобрена летом 1990 г. Активным ее сторонником (и одним из разработчиков) стал новый начальник ГУИД СССР полк. В. Гуляев. С тех пор, однако, многое изменилось в самом МВД. В. Бакатин, начавший чистить авгиевы конюшни ведомства, был изгнан со своего поста Президентом СССР. Перспективы воплощения проекта реформы в жизнь новым руководством Пуго-Громова кажутся сейчас весьма сомнительными.

Мы не имеем возможности напечатать полностью этот весьма обширный документ. Поэтому мы ограничиваемся публикацией «Введения» и ряда отрывков, показывающих общее направление мысли его разработчиков.

ВВЕДЕНИЕ

Система исполнения уголовных наказаний представляет собой комплекс государственно-правовых, социально-экономических и иных институтов, затрагивает права и интересы значительной части населения страны.

Сформировавшись как придаток народнохозяйственного комплекса и развиваясь в условиях централизма, административно-командного механизма управления, уголовно-исполнительная система не обеспечивает эффективного решения задач исправления осужденных.

Ведомственная закрытость исправительных учреждений привела к их изоляции от многих государственных органов и общественных институтов, в том числе и Советов народных депутатов.

Правоохранительные органы страны, ориентируясь на складывающуюся политическую конъюнктуру, фактически самостоятельно, без учета общественного мнения, международного опыта формировали основы пенитенциарной политики. Принимаемые меры нередко носили непоследовательный характер, не затрагивали основ системы.

Гуманные принципы, провозглашенные в законах, обесценивались ведомственными нормативными актами, которые предусматривали воздействие на осужденных преимущественно запретительными и дисциплинарными мерами.

Ныне действующие структура и виды исправительных учреждений не позволяют дифференцировать условия исполнения уголовных наказаний в соответствии с психологическими особенностями и степенью социально-нравственной запущенности осужденных.

Практика не располагает научно обоснованными программами исправления осужденных. Система оказалась неустойчивой под давлением агрессивно настроенных, криминогенно опасных правонарушителей. Лидеры преступной среды в отдельных колониях практически нейтрализуют влияние администрации. Нарушилось взаимопонимание между персоналом учреждений и основной частью осужденных, образовался кризис отношений.

Воспитательные цели пенитенциарных учреждений не подкреплены реальной методологией и квалифицированными кадрами. Приоритетными для исправительной системы стали чисто производственные задачи. Деятельность учреждений оценивалась

по результатам выполнения плана. Это привело к обострению проблемы регионального размещения осужденных, многочисленным их перемещениям по стране, породило группировки на национально-территориальной основе, разрыв социально полезных связей.

Не отвечает элементарным гигиеническим требованиям коммунально-бытовое обеспечение осужденных и лиц, содержащихся в следственных изоляторах. Санитарный надзор неэффективен, медицинская помощь низкого качества.

Не обеспечивается оказание социальной помощи людям, освобожденным из мест лишения свободы.

Пенитенциарная система испытывает хронический некомплект и острый дефицит кадров. Работа персонала мест лишения свободы непрестижна, опасна, сопряжена с психологическими перегрузками и профессиональной деформацией, не подкреплена действенными стимулами. Недостаточна правовая защищенность сотрудников и членов их семей от посягательств со стороны преступников. Низок уровень профессионального мастерства кадров. Исправительная система дискредитирует себя фактами нарушения законности, бездушного, грубого обращения с осужденными.

Отсутствует научный прогноз и теоретическое обоснование происходящих в местах лишения свободы процессов.

Критическое состояние системы диктует необходимость радикальных преобразований исправительной политики и пересмотра законодательства.

*

Строго разграничить компетенции союзных (федеральных) и республиканских органов управления исправительной системой. Осуществить с этим учетом децентрализацию руководства исполнением уголовных наказаний, разделить функции ведомственного и территориального управления...

Разделить систему исполнения наказания на учреждения союзного, республиканского, местного подчинения...

Финансирование федеральных учреждений осуществлять за счет средств союзного бюджета. Предусмотреть порядок взаиморасчетов, положив в их основу оплату союзными республиками стоимости содержания осужденных в этих учреждениях, а также оплату федеральными органами, республиканскими и местными Советами стоимости коммунальных услуг и аренды земельных угодий, связанных с функционированием учреждений союзного подчинения.

Осуществить переход к государственно-общественному управлению уголовно-исполнительной системой как специфическим социальным комплексом. Образовать органы управления системой в форме трех звеньев: законодательно-представительного (Советы народных депутатов), распорядительно-исполнительного (Советы Министров, исполкомы, правоохранительные органы) и общественного. Расширить круг органов и организаций, ответственных за проведение уголовно-исполнительной политики.

В целях нейтрализации переноса на пенитенциарный персонал негативного отношения осужденных к органам розыска, дознания, расследования властного пресечения их преступной деятельности предусмотреть в перспективе выделение системы исполнения наказания в самостоятельное государственное ведомство. Исключить из деятельности исправительных учреждений осуществление негласных, оперативных задач, возложив их на территориальные органы внутренних дел.

*

Пересмотреть структуру и виды исправительных учреждений. В основу их классификации положить степень изоляции осужденных от общества. В соответствии с этим установить учреждения:

открытого вида (воспитательно-трудовые учреждения – ВТУ) для содержания осужденных к ограничению свободы;

полузакрытого вида (колонии) для содержания осужденных к лишению свободы; закрытого вида (тюрьмы) для содержания осужденных к лишению свободы из числа особо опасных рецидивистов, а также для осужденных, переведенных из колоний.

Ныне действующее разделение колоний по видам режима (общий, усиленный, строгий, особый) упразднить...

Вид учреждения (ВТУ, колония, тюрьма) для отбытия наказания осужденных назначается судом при вынесении приговора.

Иметь в каждом регионе (республике, крае, области) необходимое количество соответствующих учреждений для отбывания наказания основной части осужденных (в первую очередь женщин и несовершеннолетних) по месту жительства или совершения преступления.

*

Определить гарантированный минимум благ, предоставляемых осужденным... Создать систему оказания осужденным платных бытовых, медицинских, оздоровительных и иных услуг (в дополнение к гарантированным)...

В целях укрепления правовой регламентации порядка отбывания наказания взамен Правил внутреннего распорядка исправительно-трудовых учреждений ввести законодательством союзных республик Уставы исполнения наказания в колониях и тюрьмах, устанавливающие полномочия администрации учреждений, нормы поведения осужденных и формы ответственности за их нарушения.

Установить в законодательном порядке общесоюзные минимальные нормы условий исполнения уголовных наказаний в интересах жизнеобеспечения и нормальной жизнедеятельности осужденных с ориентацией на международные правила. Преду-смотреть пределы их изменения с учетом реального уровня жизни населения. Наделить администрацию учреждений правом приостанавливать прием направляемых лиц в случае несоблюдения принятых законом стандартов.

Осуществить коренную перестройку системы медико-санитарного обслуживания в местах лишения свободы, имея в виду создание пенитенциарной медицины как специфической отрасли народного здравоохранения...

Обеспечить лицам, заключенным в качестве меры пресечения под стражу, соблюдение правового статуса с учетом принципа презумпции невиновности. Принять Закон СССР о предварительном заключении под стражу.

*

Отменить запреты и правоограничения, не имеющие существенного значения в обеспечении режима отбывания наказания. Снять ограничения на отправление корреспонденции. Увеличить количество краткосрочных свиданий, предусмотрев в перспективе отмену их ограничения. Разрешить осужденным ведение из колонии телефонных переговоров с близкими родственниками (с учетом имеющейся технической возможности). Определить случаи и порядок замены обыска осужденных личным досмотром, а досмотр родственников перед свиданием – заполнением деклараций.

*

Осуществить поэтапный переход к общественной форме воспитательной работы в исправительных учреждениях. В этих целях обеспечить условия для создания и деятельности общественных ассоциаций, социальных патронатов, целью которых было бы неформальное участие в воспитании осужденных, подготовке их к освобождению, социальной адаптации после отбытия наказания.

*

Обеспечить материальную и моральную заинтересованность осужденных в результате труда. Предоставить им право выбора профессий из имеющихся в колонии и на

предприятиях, где они работают, создать условия для занятия в свободное от основной работы время индивидуальной трудовой деятельностью...

Снять избыточные ограничения в применении по отношению к осужденным трудового законодательства. Привести продолжительность рабочего дня и недели в соответствие с нормами, действующими в народном хозяйстве. Зачислять добросовестно относящимся к труду осужденным время работы на объектах исправительных учреждений в общий трудовой стаж. Обеспечить работающих осужденных пособиями по временной нетрудоспособности, а осужденных женщин, кроме того, – пособиями по беременности и родам...

Осуществить постепенный переход на содержание исправительных учреждений за счет государственного бюджета. Отменить централизованное планирование и перечисление в госбюджет доходов от трудового использования спецконтингента. Оставлять всю сумму прибыли, получаемой от промышленной деятельности, а также доходов от производства мастерских учреждений для решения социальных и хозяйственных вопросов.

*

Отказаться от охраны женских колоний и организации в них надзора посредством военнослужащих внутренних войск, возложив эти функции на контролеров (прапорщиков) внутренней службы, комплектуемых в основном из числа женщин.

Предусмотреть возможность более широкого предоставления отпусков осужденным с выездом к месту жительства. Организовать проведение длительных свиданий, как правило, за пределами колоний, увеличить их число.

Снять ограничения на сумму денег, разрешаемую к расходованию на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости. Приблизить нормы, ассортимент, организацию питания к стандартам столовых общественного питания...

С учетом совершенного преступления, социальной опасности и поведения в колонии осужденным, имеющим детей в доме ребенка при колонии, разрешить бесконвойное содержание, краткосрочный выезд для устройства ребенка, а также предоставлять отсрочку отбывания наказания в случае беременности и до достижения ребенком трехлетнего возраста.

Осуществить поэтапное преобразование воспитательно-трудовых колоний в специализированные воспитательно-трудовые центры...

Установить единый вид режима ВТК. Обеспечить поэтапное облегчение условий содержания. Отдельно размещать трудновоспитуемых от остальных правонарушителей.

*

Осуществить поэтапное изъятие распределения контингента воспитательно-трудовых учреждений (спецкомендатур) из централизованного планового баланса трудовых ресурсов. Обеспечить отбывание наказания лиц, осужденных к ограничению свободы, только в регионе проживания.

*

Пересмотреть правовое положение лиц, отбывших наказание, имея в виду их включение в государственный баланс трудовых ресурсов, засчитывание времени их работы на объектах исправительных учреждений в общий трудовой стаж, снятие ограничений на пропуск по мотивам судимости.

Внести изменение в жилищное законодательство в части оставления за лицами, осужденными к лишению свободы, права на имеющееся жилье на срок свыше шести месяцев.●

ИСТОЧНИКИ И СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ

1. Проклятая земля

Все мы помним три источника и три составные части марксизма: немецкую философию, английскую политическую экономию, французский утопический социализм. Каковы, однако, источники и составные части того «реального социализма», что был воплощен в СССР?

Если считать советский вариант социализма аутентичным и единственно возможным в реальной жизни воплощением марксизма, то не странно ли, что ни в одной из стран, где возникли «источники», он не привился. В России же почему-то взялись строить жизнь по германо-англо-французскому (а учитывая национальность автора, и еврейскому) учению.

Разумеется, можно сказать, что наука – в том числе марксистская – интернациональна, что дважды два равно четырем и во Франции, и в России, а открытый в Англии закон всемирного тяготения действует во всех странах. Так-то оно так, но ведь марксизм признан и реализован далеко не во всех странах. Именно по этой причине вопрос о марксизме по-русски, о советском социализме стал главным предметом споров.

Предмет спора обычно формулируется так. Что же это за явление: классическое русское самодержавие, принаряженное в псевдомарксистский сюртук, или ортодоксальный марксизм, хотя и изъясняющийся на русском языке с сильным иностранным акцентом? Типовой ответ – перед нами смесь того и другого («национальное по форме, социалистическое по содержанию») – несомненно нуждается в уточнениях, ибо в общем виде мало что проясняет.

В дореволюционной России марксизм вовсе не был индифферентным к национальным проблемам, это было учение активно антигосударственное, то есть антирусское. Знаменитая статья Ленина «О национальной гордости великороссов» может радовать сердце русского националиста лишь названием. Фактически же статья утверждает, что русские вправе испытывать национальную гордость постольку, поскольку и они внесли вклад в борьбу с русской государственной властью.¹ Если бы Ленину довелось прочесть речь Сталина, который поставил его в один ряд с Александром Невским и Суворовым, то легко представить себе реакцию вождя.

Большевизм как ортодоксальный марксизм видел свою задачу в том, чтобы национальной идее – сплочения нации безотносительно к классам (обыкновенный патриотизм) – противопоставить идею всемирного классового братства («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!») и всеобщей вражды к «угнетателям», прежде всего – к «своим угнетателям». Большевики воевали не с французскими или немецкими капиталистами, а с русскими; не с английским государством, а с русским. Их идеология выражена четко: «Рабочие не имеют отечества... В этих словах Маркса – глубочайшая правда. Нет и не было у нас отечества! Проклятая эта земля...» Неудивительно, что под лозунгами большевиков сплотились «инородцы» всей империи: евреи, латыши, поляки, грузины и проч.

Апофеоз этой идеи – годы Первой мировой войны. Как известно, большевики оказались единственными – во всем Интернационале – последовательными

1

Как правило, слово «великоросс» ассоциируется у Ленина с вещами малосимпатичными. Он пишет, скажем, про опасность «нашествия того истинно русского человека, великорусского шовиниста, в сущности – подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ», о «море шовинизма великорусской швали...». Похоже, он брал пример с Маркса, тоже чествовшего свою нацию. (Здесь и далее – примечания автора.)

интернационалистами. Даже в минуты смертельного накала борьбы, когда кайзер Германии воскликнул: «Я не знаю партий – есть только немцы!» и немецкие социал-демократы (за исключением Либкнехта) его поддержали, большевики остались «пораженцами». Они упорно продолжали клеймить лозунг защиты отечества как обман трудящихся, измену делу социализма, лакейство перед буржуазией и т.п. «На попытки буржуазии разделить и разъединить рабочих посредством лицемерных ссылок на «защиту отечества» сознательные рабочие ответят... попытками установить единство рабочих разных наций в борьбе за свержение буржуазии всех наций».

Разумеется, это был вовсе не пацифизм, не скорбь о погибших. Нет, Ленин прямо призывал не слушать «...сентиментальных нытиков, боящихся войны. На свете еще слишком много осталось такого, что должно быть уничтожено огнем и железом для освобождения рабочего класса...»

Речь, понятно, шла о свержении буржуазии всех стран, но на практике русские большевики в разгар войны могли бороться лишь с русским правительством, устраивать забастовки на русских (не на немецких же) заводах. И это при условии, что те же немецкие социалисты и не думали отвечать им взаимностью.

Не станем спрашивать, как наше общественное мнение отнеслось бы к тем, кто в 1941–45 гг., выступая против сталинского режима, попытался бы организовать забастовки на военных заводах, уповая на то, что немецкие рабочие рано или поздно ответят тем же. Но получили бы поддержку аналогичные акции хотя бы в годы афганской войны, преступность которой с самого начала была для многих очевидной?

Такова была сила антинационализма большевиков. Конечно, антинационализм в России опирался на какие-то традиции – например, на западничество, эту «руссофобию» русской интеллигенции XIX века. И все же так далеко, как большевики, никто тут не заходил, тем более в годы войны. Общественное мнение их так и аттестовало – немецкими агентами, изменниками. «Германщички-чички, шпионщички-чички, вильгельмовы трепачи!» – в 1917 г. были такие популярные частушки про большевиков.

2. В завоеванном отечестве

Все это – до революции. Ясно, однако, что с момента захвата власти отношение к стране должно было измениться. И действительно, с 7 ноября 1917 г. большевики – «оборонцы». «В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас рабочая, – у нас есть отечество, и мы будем отстаивать его независимость» (Сталин). Все логично: раньше-де рабочим не было смысла защищать «свое» буржуазное правительство от рабочих других стран, переодетых в солдатские шинели; теперь рабочие должны защищать свое рабочее правительство от буржуазии других стран, одетой в офицерские и генеральские мундиры.

Отныне эта земля больше не проклятая, она нас будет кормить и поить, теперь она наша. Объективная логика истории в том, что отныне революционеры становятся охранителями, нигилисты – консерваторами, крайние «руссофобы» – неоруссофилами.

Необходимость защиты социалистического отечества, которое отныне всегда будет «в опасности», – первый звонок для традиционных русских националистов: революционный этюд исполнен, переходим к «Ивану Сусанину», спешите занять места в партере. Многие из них этот звонок именно так и восприняли.

Это закономерно. Русская интеллигенция – за исключением экстремистов, вроде тех же большевиков, – испокон веков привыкла ворчать на правительство, но при этом отождествлять себя с «Россией – единой и неделимой»; ворчать на государство – но при этом и жаться к нему. «Да, под прикрытием ее штыков мы красноречиво угрожали власти, которая нас же охраняла...»

Интеллигенция, оглушенная обрушившейся на нее революцией, голодом, ЧК, реквизициями, закрытием газет и партий, подсознательно искала, как, сохраняя по возможности лицо, примириться с новым государством, с новой властью. Для этого, очевидно, нужно было доказать себе, что власть – хорошая, а главное – своя, национальная, патриотическая.

Тут наблюдается интересный социально-психологический казус, особого рода «диалог» между властью и интеллигенцией. Каждый судил о другом «в меру своей испорченности», мерил на свой аршин.

Большевики, исходившие из своей теории интернациональной солидарности классов (в том числе буржуазии), подозревали интеллигенцию в «пораженческих» настроениях – подобных тем, что владели ими самими до захвата власти. При таком подходе («чем хуже – тем лучше») что, спрашивается, должна была делать буржуазная интеллигенция? Естественно, занимается саботажем, вредительством, шпионить в пользу иностранных государств. Соответствующие обвинения следователи ОГПУ и припаяли специалистам на процессах конца 20-х – начала 30-х гг.

Интеллигенты же тем временем предавались «бесмысленным мечтаниям» в оценке власти и, невольно проецируя на нее собственные качества, искали у большевиков близкие интеллигентам мотивы, признаки русской национальной идеи. В этом занятии особенно преуспели сменовеховцы. В те самые дни, когда из России, по решению Политбюро, «вышибли» Бердяева и других, эмигранты, вдохновленные идеями сменовеховства, толпами валили на родину. Только в 1921 г. в страну вернулись почти 122 тысячи человек.

Начался роман правой, неославянофильской, консервативной (но не ортодоксально-монархической) части русской интеллигенции с большевистским руководством, со Сталиным. Роман односторонний, платонический. Несмотря на все объяснения в любви, партия и вождь не отвечали интеллигентам взаимностью. Роман длительный – его отголоски (правда, уже в очень опосредованном виде) и сейчас проявляются в той странной слабости, которую «почвенники» и националисты питают, вопреки всему, к «последнему настоящему императору». Конечно, они осуждают коллективизацию, но готовы приписать ее всякому кагановичам-эпштейнам (яковлевизм), только бы как-то выгородить «горного орла». Откуда эта слабость к Сталину? От мифа, сложенного еще сменовеховцами.

3. Редиска

Центральная идея сменовеховцев не менялась с начала 20-х гг. – с тех пор, как ее сформулировали (несколько по-разному) Н.Устрялов, В.Шульгин и другие. Суть идеи проста: большевики – твердая власть, никакой демократией в совдепии и не пахнет, и заняты они тем, что вновь «собирают» русскую государственность, Россию «единую и неделимую». Поэтому, хотя бы того большевики или нет, но с исторической точки зрения они выступают преемниками самодержавия. «Красное знамя зацветает национальными цветами». В этом контексте Устрялов сравнил большевиков с редиской: снаружи – красные, внутри – белые.¹

Да, самодержавие в традиционных формах себя изжило. За что Его Величество и поплатился. Но России от идеи самодержавия все равно никуда не деться – это ее путь, ее особая траектория в мировой истории, та дорога,

¹ Впрочем, сходство большевиков с самодержавием Устрялов обнаружил много раньше – при самом дебюте большевиков на политической сцене, в 1917 г. Уже тогда он писал: «И замашки-то все старые – привычные, истинно русские. Разве вот только вывеска другая: прежде – «православие, самодержавие», ну, а теперь – «пролетарии всех стран». А сущность все та же: заставить, арестовать, сослать, казнить... Большевики и прочие «углубители революции» – родные братья царя Николая, как бы они к нему ни относились. Их ненависть к нему есть жгучая ненависть соперников, борющихся равными средствами и обладающих одинаковым кругозором».

которую ей, если угодно, проложил Мировой Дух. Как растущий организм не может не реализовать свою генетическую программу, так Россия не может не быть самодержавной. Сегодня аналогичные идеи развивает, в частности, А.Зиновьев. Весь вопрос в формах. История нашла новую форму – большевистскую. Поэтому умный человек должен уметь под перьями большевиков разглядеть их суть. А суть – русская, коренная. И «III Интернационал», которому Татлин в Москве башню строит, никакой не Интернационал, а все тот же русский «Третий Рим», и выражает он вовсе никакую не «космополитическую», «интернациональную» идею, как он провозглашает и как себе воображают все эти радеки и цветкины, а русскую имперскую силу, а если угодно – русскую эсхатологическую мечту, чтоб от мчащейся русской тройки «посторанивались» другие народы и государства. «Россия, Россия, Россия – мессия грядущего дня!». Впрочем, и иностранцы не все слепы в понимании происходящего в России. Вот, скажем, испанский философ Х.Ортега-и-Гассет:

Россия настолько же марксистская, насколько германцы «Священной Римской Империи» были римлянами. Я ожидаю появления книги, которая переведет сталинский марксизм на язык русской истории. Ибо то, что составляет его силу, кроется не в коммунизме, но в русской истории.

Да, для монархистов суть дела была в том, что большевизм («национал-большевизм», как они стали говорить позднее) оказался ренессансом обветшавшей монархии. Большевики – через катаклизм революции – омолодили монархию, впрыснули ей гормон роста, сделали идею монархии большевистским флагом, сделали снова ясной и привлекательной, добавили ей «пассионарности», выражаясь в терминах Л.Н.Гумилева. Гражданская война – теоретики монархии это поняли, когда проиграли ее, – вообще исторический парадокс, ирония истории, «свой своя не познаша»: ведь по обе стороны фронта воевали, в объективно-историческом значении, единомышленники.

В этом смысле Шульгину во внезапном прозрении открывается исторический смысл гражданской войны. Нет, кровь-то пролилась не зря:

Да это так... и все, что сейчас происходит, весь этот ужас, который сейчас навис над Россией, – это только страшные, трудные, ужасно мучительные...

– Что?

– Роды...

– Роды?!

– Да, роды... Роды самодержца... Легко ли родить истинного самодержца, и еще всероссийского!..

Вот она – ирония истории. (Аналогичный случай уже был во Франции, когда революция, сбросив слабую монархию, подкинула на трон истинного Императора...) Да, Божественный разум не только могуществен, но и хитер: его хитрость состоит

в опосредствующей деятельности, которая, дав объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом воздействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет лишь свою собственную цель.

Или совсем просто: «Ленин предполагает, а объективные условия, созданные Богом, как территория и душевный склад народа, «располагают»...»

А вот сходная оценка роли Ленина, данная с противоположной стороны баррикады (В.Гроссман):

И чем суровее делалась его поступь, чем тяжелее становилась его рука, чем послушней становилась его ученому и революционному насилию Россия, тем меньше была его власть бороться с поистине сатанинской силой крепостной старины.

В чем же была эта сила крепостной старины, покорной – но неуничтожимой? Тут можно вспомнить Салтыкова-Щедрина, писавшего, что «энергии дей-

ствия» глуповцы противопоставили «энергию бездействия». Но особенно близка к картине, нарисованной Гроссманом, пророческая мысль Блока о России:

Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу.
Пушкой заманит и обманет –
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота отуманит
Твои прекрасные черты.
Ну что ж – одной заботой боле,
Одной слезой река полней,
А ты все та же – лес да поле,
Да плат узорный до бровей.

Однако послушаем Гроссмана дальше: что же вышло из столкновения социалистической идеи с Россией?

...Огромна была ломка русской жизни, произведенная Лениным. Ленин сломал помещичий уклад. Ленин уничтожил заводчиков, купцов.

И все же рок русской истории определил Ленину, как ни дико и странно звучит это, сохранить связь ее развития с несвободой, с крепостью.

...Победа Ленина стала его поражением.

Здесь Гроссман почти совпадает с Шульгиным (читал ли он «1920»? Наверное, читал). Но вывод Гроссмана, естественно, противоположен шульгинскому: «Где же надежда России, если величайший ее преобразователь, Ленин, не разрушил, а закрепил связь русского развития с несвободой, с крепостью?»

Но, конечно, самое тут интересное – мнение самого Ленина. Вот его слова, сказанные незадолго до смерти:

Я хотел, в связи с этим, коснуться вопроса о том, что такое новая экономическая политика большевиков – эволюция или тактика? Так поставили вопрос сменовеховцы... – люди, пришедшие к убеждению, что Советская власть строит русское государство, и надо поэтому идти за ней. «Но эта Советская власть строит какое государство? Коммунисты говорят, что коммунистическое, уверяя, что это – тактика: большевики обойдут в трудный момент частных капиталистов, а потом, мол, возьмут свое. Большевики могут говорить, что им нравится, а на самом деле это не тактика, а эволюция, внутреннее перерождение, они придут к обычному буржуазному государству, и мы должны их поддерживать. История идет разными путями», – рассуждают сменовеховцы.

...Такие вещи, о которых говорит Устрялов, возможны, надо сказать прямо. История знает превращения всяких сортов...

И тут нужно ясно поставить вопрос – в чем наша сила и чего нам не хватает? Политической власти совершенно достаточно... Экономическая сила – в наших руках... Чего же не хватает?.. Не хватает культурности тому слою коммунистов, который управляет... Тут произошло нечто подобное тому, что нам в детстве рассказывали по истории. Нас учили: бывает, что один народ завоеует другой народ, и тогда тот народ, который завоеван, бывает побежденным. Это очень просто и всем понятно. Но что бывает с культурой этих народов? Тут не так просто. Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю. Не вышло ли нечто подобное в столице РСФСР?.. Правда, тут может как будто получиться впечатление, что у побежденных есть высокая культура. Ничего подобного. Культура у них мизерная, ничтожная, но все же она больше, чем у нас... Коммунисты, оставаясь во главе учреждений, – а их иногда нарочно так подставляют искусно саботажники, чтобы получить вывеску-фирму, – зачастую оказываются одуроченными.

Ленин чувствует, что государственная машина «не слушается руля»: коммунисты завоевали страну, но не могут ее покорить, хотя прямого сопротивления нет, власть вроде бы у них. Он точно ухватывает и болевую точку – столкновение новой коммунистической культуры и культуры традиционной. Но он понимает традиционную культуру лишь как сумму традиций русской бюрократии, которая и под коммунистами продолжает вести дело реально по-своему. Поэтому: чуть больше «культурности» коммунистам – и

они справятся с рулем, они заставят машину ехать куда им нужно, не произойдет внутреннего перерождения системы в традиционную русскую монархическую (или буржуазно-монархическую), под гордо реющим и ничего не выражающим красным флагом, система и по форме, и по содержанию будет социалистической.

Однако Шульгин видит неизбежность такого перерождения в том, какие объективные задачи вынуждена решать большевистская власть.

И теперь очевидно стало, что кто сидит в Москве, безразлично, будет ли это Ульянов или Романов (простите это гнусное сопоставление), он принужден... делать дело Иоанна Калиты... собирать воедино русские земли. «Против воли моей, против воли твоей» – большевики:

- 1) восстанавливают военное могущество России;
- 2) восстанавливают границы Российской державы до ее естественных пределов;
- 3) готовят пришествие самодержца всероссийского.

Разумеется, все «перерождение» воплощается в пункте 3. Восстанавливать военное могущество страны и охранять границы (и даже расширять их до «естественных пределов») – задача любого государственного строя, и в принципе демократия может справиться с этим не хуже и не лучше монархии. Так почему же из пунктов 1 и 2 вытекает 3? Какова вообще связь между ними? В огороде бузина – а в Киеве дядька?

Не совсем так. Во-первых, ограничить задачи государства «охраной границ» и ростом военного могущества (включая и захват чужих земель) – позиция чисто имперская. Подобная психология традиционна именно для русского самодержавного сознания, заботящегося о величине (и «величии») Медного Всадника и ни во что не ставящего права и свободы «бедного Евгения». Как раз такое понимание государственных задач, такой культ государства Шульгин с радостью видит и у большевиков. А общие задачи должны породить общую идеологию и методы, общий строй, привести к реставрации самодержавия.

Почему же первые два пункта, при всей их очевидности, раньше не выдвигались большевиками? А потому, что они чувствовали их самодержавный подтекст. Напротив, мировая революция, братство народов, долой царя, армию, границы – такой была исходная идеология мечтателей в эмиграции и ссылке. И лишь став «кремлевскими мечтателями», они вынуждены были сменить идеологию.

Понятно, что прежняя идеология отчаянно сопротивлялась. Столкновение старой утопии и новой реальности (или новой имперской утопии?) и определила, в сущности, всю борьбу в партии вокруг Брест-Литовского мира. И не так уж глупы были левые. Они тоже знали, что воевать с немцами нечем. Однако их логика ясна: да, воевать нечем, но если мы однажды отступим от идеи интернационализма, предадим мировую революцию, то зачем нам это русское царство? Что ж мы, в самом-то деле, не ради мировой революции боролись, а ради... смешно сказать – российского государства? Мир – тактический выигрыш, но стратегический, идеологический проигрыш, начало поворота идеологии. Выиграв мир, мы станем другими, переродимся. Отсюда и нелепый компромисс Троцкого «ни мира, ни войны». Сошлись в ином компромиссе: мир, но с надеждой на завтрашнюю мировую революцию.

Устрялов, однако, оценивает ситуацию иначе:

Российский шквал замер у русских берегов, а так как ставка на мировую революцию обанкротилась, то, несомненно, в нашей стране будет иметь место процесс восстановления крепкого буржуазного государства, как бы ни называли его идеологи коммунистического движения, для очистки совести украшающие его старым идеологическим мусором.

Логика ясна: нет мировой революции, значит, нужны границы, армия. Значит, мечта кончилась, началась трезвая национальная политика. Раз отступили от мечты в главном, отступят и в остальном. А политику будут вести традиционно, по-русски, с самодержавием. Кто же самодержец?

... – Это будет Ленин?.. или Троцкий?..

– Нет... ибо он не будет ни психопатом, ни мошенником, ни социалистом... На этих господах висят несбрасываемые гири... их багаж, их вериги... – социализм... они не могут отказаться... Они ведь при помощи социализма перевернули старое и схватили власть. Они должны нести этот мешок на спине до конца... и он их раздавит... Тогда придет Некто, кто возьмет от них... их решимость – ...принимать невероятные решения. Их жестокость – проведение однажды сделанного. «Это нужно – значит это возможно» – девиз Троцкого.¹ Но он не возьмет от них их мешка. Он будет истинно красным по волевой силе и истинно белым по задачам, им преследуемым. Он будет истинно красным по энергии и националист по убеждениям. У него нижняя челюсть одинокого вепря... И «человеческие глаза». И лоб мыслителя... Комбинация трудная – я знаю... Я помню, Маклаков часто рассказывал про Ключевского, как он говорил: «Конечно, абсолютная монархия есть самая совершенная форма правления... если бы не случайности рождения».

Вот революция и подправляет социальным процессом недостатки процесса биологического – с его гемофилиями и психопатиями. А по окончании нового смутного времени – гражданской войны – придет новая по форме и по существу советская монархия (Шульгин).

Понятно, что когда на первый план выдвинулся Кремлевский Горец, все симпатии монархистов были на его стороне. В 1935 г. они поют своему герою новые дифирамбы:

Сталин, стремясь удержать в своих руках власть, стал открытым и вполне явным предателем и вредителем марксизма, искусно приспособившись к требованиям нации и жизни. Из лидера коммунистической партии Сталин стермится стать народным, национальным вождем. Именно в этом сейчас весь смысл происходящего в России.

4. Общие враги

Теперь еще раз пройдемся «в деталях», насколько же все-таки надежды правых на большевизм оправдались?

Первое. Крепкое русское государство – против врага внешнего. Тут позиция «правых» кристально ясна. А вот позиция большевиков... В «Оптимистической трагедии» Вишневский сочиняет такой диалог:

Боцман: Неужели порядок в России начинается?

Комиссар: Будьте спокойны, начался.

Боцман: И флот, и армия мало-мальские хоть будут? Чтоб дух был и чтоб вид у людей был? Держава ж! Морду набить кому хочешь должна.

Комиссар: Набьет, боцман. Кому хочешь, и как еще набьет.

Второй момент: диктатура большевиков устанавливает, наконец, твердый порядок в стране. И здесь позиции большевиков и правых совпадают – против чуждых и тем, и другим либералов, демократов и т.д. У большевиков просто хватило сил на то, на чем сломало свои старческие зубы самодержавие, – разогнать чуждые русскому народу демократию и парламент. Вот как рассуждают об этом ссыльные в романе А.Рыбакова «Дети Арбата». Народ

и не хочет никакой свободы. Свобода вылилась бы во всеобщую резню, а народ требует порядка. Предпочитаю не Степана Разина, не Емельяна Пугачева, а Ленина, даже Сталина.

– Потому-то мы с вами здесь.

– Да. А при Степке или Емельке висели бы на осине. Большевики спасли Россию, сохранили великую державу. При так называемой свободе Россия развалилась бы на части. Новый самодержец укрепляет Россию – честь ему и хвала, а там что Бог даст!

Третий момент – самый важный и самый деликатный. В борьбе с кем же, с каким «врагом внутренним» большевики укрепляют Россию? Неужто белых вдохновляет борьба большевиков с белыми?! Нет, конечно. В «Собачьем серд-

¹

Это напоминает известный плакат в Израиле: «Трудные вещи мы делаем сразу; на невозможные нам надо чуть больше времени».

це» Булгаков, выражая идеи сменовеховства, отдал профессору Преображенскому такую тираду:

– Городовой! – кричал Филипп Филиппович. – Городовой!.. Это и только это. И совершенно неважно – будет ли он с бляхой или же в красном кепи. Поставить городского рядом с каждым человеком и заставить этого городского умерить вокальные порывы наших граждан. Вы говорите – разруха. Я вам скажу, доктор, что ничто не изменится к лучшему в нашем доме, да и во всяком другом доме до тех пор, пока не усмирят этих певцов! Лишь только они прекратят свои концерты, положение само собой изменится к лучшему.¹

Городовой – это понятно. Но интересно – что же это за «певцы», которых он должен заставить замолчать? Неужели булгаковский профессор считает, что в Советской России (где нельзя было напечатать саму эту повесть!) слишком много свободы? Конечно, нет. Просто профессор надеется, что городской сможет отстоять его свободу, его квартиру, его «дом-крепость». Но отстоять от кого? Кому надо еще заткнуть рот, чтоб «положение само собой изменилось к лучшему»? Кто читал «Собачье сердце», помнит, что «певцы» – это те «сознательные пролетарии», про которых нам известно следующее:

а) они заняты тем, что устраивают судьбу «каких-то испанских оборванцев» («Я хату оставил, ушел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдасть!») – то есть грезят о мировой революции;

б) возглавляет их некто Швондер, эдакая пародия на Троцкого или Зиновьева – еврейский полуинтеллигент, комиссар, рыцарь все той же мировой революции. Вот на их головы Булгаков и призывает «городового», – красного, белого, желтого – все равно. Он даже описывает этого «городового» – крупного коммуниста, одного из прежних пациентов профессора Преображенского, «толстого и рослого человека в военной форме».

Да, уж по этому пункту все надежды «правых» были перекрыты – да еще с такой лихвой, о какой самые кровожадные из них и не мечтали. Низенький и конопатый человек в военной форме так чисто разобрался со «швондерами» (а кстати, и с «испанскими оборванцами» всех национальностей, на свою голову залетевшими в Красную Москву), как не смог бы ни один Колчак. «Такой навел порядок – хоть покати шаром». Он сначала в пику левым объявил о построении социализма в одной стране, сделал это главным лозунгом партии, а потом прямо определил мечты о «мировой революции» как комедию, вернее трагикомедию (1936 г.). Он проводил на «отдых» «господ еврейских коммунистов», и так, что «рука бойцов колоть устала».

Это и вызвало (и вызывает) особые, «нутряные» симпатии к Сталину у крайне правых, как к «частице силы той, что вечно хочет зла, творит же лишь благое». Это неизменное человеческое: против кого будем дружить? Враг моего врага – мой друг.

Иные монархисты, фашисты за это прямо и благодарили Сталина – правда, как-то «специфически». Например, в 1936 г., после расстрела Каменева, Зиновьева и других один эмигрантский поэт в парижском «Возрождении» осчастливил читателей стихотворением «Спасибо Сталину!» Приведу отрывок:

Спасибо Сталину! 16 подлецов
Отправились в страну отцов,
16 палачей родного края!
Небесный свод сегодня синь и ярок.
Ты нас вознаградил за скорби многих лет,
Хвала тебе за щедрый твой подарок!..

¹ Неопубликованному Булгакову через 40 лет эхом отвечает неопубликованный Гроссман: «Из романтики революции, из безумств Пролеткульта, из зеленых самогонных республик, из хмельного удализма и мужичьего бунта, из матросского бешенства на «Алмазе» поднимался новый, могучий, еще не виданный Россией полицмейстер».

Что нам 16! Сотни дай!
И больше дай! И тысячи давай!

Еще интереснее случай с фюрером Российской фашистской партии Константином Родзаевским, сдавшимся в плен советским войскам в 1945 г. в Харбине. Попав в тюрьму, Родзаевский ничего умнее не придумал, как написать Сталину следующее:

Ложный принцип «освобождения Родины от еврейского коммунизма любой ценой» предопределил мою роковую ошибку – неправильную генеральную линию РФП во время германо-советской войны... Я выпустил обращение к Неизвестному Вождю, в котором призывал... выдвинуть какого-нибудь командира Х, «Неизвестного Вождя», способного свергнуть «еврейскую власть» и создать Новую Россию. Я не замечал, что таким Неизвестным Вождем волею судьбы, своего гения и миллионов трудящихся масс становится вождь народов, товарищ И.В.Сталин.

Родзаевский все предвидел верно: по части борьбы уже не с «троцкизмом», а именно с «еврейским коммунизмом» Сталин скоро покажет, на что способен. Беда лишь в том, что т. И.Сталин вовсе не нуждался в г-не Родзаевском – и приказал его отправить туда же, куда и «еврейских коммунистов».

5. Дополнительные оценки

Сталинский режим выполнил программу правых? Это как будто подтверждают и повергнутые Сталиным «левые»:

Всякая реакция возрождает, питает, усиливает те элементы исторического прошлого, которым революция нанесла удар, но с которыми она не сумела справиться.

В этом рассуждении Троцкий поневоле повторяет мысли Плеханова, Суханова и всех других, кого Ленин называл «педантами», «трусами», «реформистами», «рабскими подражателями прошлому». Иначе говоря, идеи тех, кто считал антибуржуазную революцию в России невозможной, поскольку

ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созревают материальные условия их существования в недрах самого старого общества.

Ну, а что же все-таки произойдет, если такая революция совершится? На этот вопрос ответил Энгельс:

Самое худшее, что может приключиться с вождем крайней партии, это быть принужденным взять власть в эпоху, когда условия еще не созрели для господства того класса, который он представляет... То, что он может провести, взявши власть в такую эпоху, зависит не от его воли... Чтобы удержать власть в интересах своего движения, он вынужден защищать интересы чуждого ему класса и кормить свой собственный класс фразами и обещаниями, уверяя его, что интересы этого чуждого класса и являются его собственными интересами. Кто поставил себя в такое ложное положение, тот безвозвратно погиб.

Как это выглядит? Восстановлены казачьи полки – и разогнан Коминтерн; введены ордена Александра Невского, Суворова, Кутузова – и превращены в лагерную пыль все, кто руководил Красной армией в гражданскую; восстановлена табель о рангах, шитые золотом мундиры, почти царский гимн, безумствуют ксенофобия и шовинизм, патриарху вручен орден... Сталин явно берет за образец Ивана Грозного.

Картина однозначна. «Абсолютная идея» русского самодержавия завершила полный круг: самодержавие (тезис) – революция (антитезис) – сталинизм (синтез, воспроизводящий исходный тезис в стократно усиленном ва-

рианте). Редко увидишь такую четкую, прямо по учебнику, развертку «спирали». А те немногие псевдореволюционные атрибуты, которые еще остались торчать на идеологической сцене? Что ж, как раз они доказывают, что это – не буквальное повторение того, что было, а именно новый, высший этап самодержавия.

Так? Вопрос, разумеется, риторический. Ясно, что я не стал бы нагромождать доводы «за», если бы не было меньшего количества доводов «против».

6. Двуликий Янус

Впрочем, нужны ли здесь доводы? Характерно, например, что начиная с 40-х гг. трудно назвать монархиста (кроме обезумевшего в плену Родзаевского), который говорил бы о Советском Союзе как о монархии, стране осуществленной мечты.

В самом деле, что-то уж очень затянулось смывание «коммунистического грима». Казалось бы, до чего близко подошел к этой черте Сталин, а все-таки не объявил себя императором и продолжал скрипеть про коммунизм и социализм. Еще дальше отошли от имперских форм Хрущев и Брежнев. Слово «русский» почти не употребляли, заменив его на «советский». По-сталински одобряя царских полководцев, дореволюционную Россию продолжали именовать темной и отсталой страной. Порой доставалось «почвенникам» и националистам. Конечно, с ними обходились куда мягче, чем с демократами и либералами (не говоря уже о диссидентах), но своими для власти они не стали. В общем жидком супе брежневской пропаганды мирно плавали, не сталкиваясь, капустные листики «интернационализма» и «патриотизма», замшелой ксенофобии, антисемитизма и отрицания традиционной русской культуры и русской монархии. «Коммунизм, партия, народ» никак не желали превращаться в «православие, самодержавие, народность».

Разумеется, можно уверять, что различия эти поверхностные, различия чистой формы, а сущность давно та же. Но опять-таки, чем дальше, тем меньше на это похоже. Видимо, с эволюцией ничего не вышло. Когда кровавая корка засохла и, наконец, отвалилась, стало ясно, что о «русофильстве» власти говорить нелепо, что как раз Россия разрушена «до основания», что под коркой-то совсем не самодержавная Россия, а нечто и по форме, и по сути иное.

Что же? Понятно, вспоминать о «социализме» или «коммунизме» нелепо. Из коммунистических идеалов, если не считать портретов Маркса и иной символики, реализован, как известно, лишь один – ликвидация частной собственности. Но этот «один» оказался важнейшим, перефокусировавшим всю общественно-политическую систему до неузнаваемости. Смешение социалистических принципов и самодержавных структур дало в итоге продукт, разительно отличающийся и от первого, и от второго.

На какой основе мог образоваться этот синтез? Что в самодержавии и социализме могло притянуть их друг к другу, помочь взаимно перелиться, видоизменившись до неузнаваемости?

Самодержавие в России всегда отличалось многообразием. Выделю условно два направления. Это, во-первых, вытянутый в струну Невский, «Невы державное течение, береговой ее гранит. Твоих оград узор чугунный...» И рядом, во-вторых, «чугунная задница» городского, «размах заплочных мастеров» и вытянутый в струнку ряд солдат, сквозь который прогоняют человека. Павловский амбир – и павловское самодурство. Эти грани Толстой показал в «После бала»: лицевая и обратная сторона медали.

Двуликим Янусом был и социализм. Социализм включал и Дюринга, и «Анти-Дюринга»; голубые мечты о народном самоуправлении, хрустальных дворцах, где «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех», и «свобода ведь не что иное, как осознанная необходимость» – жесткую регламентацию всей социальной жизни.

Шпенглер писал:

Старопрусский дух и социалистическое мировоззрение, ненавидящие друг друга братской ненавистью, являются в действительности единым целым.

Так в какой же точке происходит слияние двух половин, если угодно – двух проекций – единого целого? Вспомним К.Леонтьева:

Социализм есть феодализм будущего... то, что теперь крайняя революция, станет охранением, орудием строгого принуждения, дисциплиной, отчасти даже и рабством»...

Общественные организмы (особенно западные), вероятно, не в силах будут вынести ни расчленения, ни глубокой мистики духовного единства, ни тех хронических жестокостей, без которых нельзя ничего из человеческого материала надолго построить. Вот разве союз социализма... с русским самодержавием и пламенной мистикой (которой философия будет служить как собака) – это еще возможно, но уж жутко будет многим...

Социализм, если рассматривать его с технической точки зрения, – это принцип чиновничества. В конечном итоге каждый рабочий приобретает статус чиновника вместо статуса продавца (своей рабочей силы. – ЛР). То же самое происходит и с предпринимателем. Подобно тому, как существуют военные и транспортные чиновники, появляются промышленные и торговые чиновники.

Воистину, «все мы винтики одной большой машины».

Здесь четче, чем у Дюринга (хотя во многом и похоже на него), и реалистичнее, чем у Энгельса, схвачены главные социальные последствия ликвидации частной собственности и свободного рынка: всеобщий рай не наступает, продавец просто превращается в чиновника. Метаморфоза, вызванная социализмом, оказывается, прекрасно соответствует старопрусскому духу. А если учесть близость русского самодержавного и прусского духа, то многое станет ясным.

Но хотя и социализм, и старопрусский дух находятся по одну сторону баррикады – против рынка и либерального начала, – между ними самими есть огромное различие. Это различие – уже в исходном определении социализма. Ведь не засилием чиновничества привлек к себе социализм миллионы обездоленных!

Напротив, речь шла об отрицании чиновничества: и в буквальном, и в расширительном (уничтожение любой иерархии, любой табели о рангах) смысле слова. Может быть, самое привлекательное в социализме – как раз идея равенства. Да, на практике социализм «вывернулся» в чиновничество, в новую иерархию. Однако его изначальные порывы к равенству при этом не исчезли, они лишь своеобразно трансформировались. Возникло особое сочетание равенства и неравенства, особый «чиновный дух», глубоко отличный от духа пруссачества, хотя в чем-то с ним и перекликающийся.

7. Прусский дух и национал-социализм

Чиновно-прусский дух, уходящий корнями еще в феодальное средневековье, включает две взаимосвязанные заповеди.

Первая: порядок, субординация, предсказуемость, свобода как внутренний категорический императив, готовность к самопожертвованию и повинению.

Вторая: честь, традиция, наличие наиндивидуальных, «готических» форм поведения, культуры, государственности, которым должно соответствовать внешнее и внутреннее поведение индивида, будь то король или крестьянин.

Именно соотношение этих двух моментов и определяло «прусский дух», отдавая его и от демократии, и от феодальных форм тирании. Размывание феодальных структур началось в Германии в XIX веке, завершилось в XX. Вопрос заключался в том, к чему это приведет: к парламентской демократии или?..

История высказалась за это «или». Пруссачество соединилось с социализмом, возник «национал-социализм». Что это было? Пародия на прусский дух,

как «богемский ефрейтор» был пародией на фельдмаршала Гинденбурга, лжеренессанс прусского духа, глубоко чуждый его существу?

Вот как воспринял это живой свидетель эпохи Фейхтвангер:

Мы видели бунтующего пролетария... Это было малопривлекательное зрелище. Мы видели разнузданного крупного буржуа, крупного агрария, милитариста. Это было отвратительное зрелище. Но все это покажется нам раем, когда мы увидим разнузданного мелкого буржуа, нацистов и их «фюрера».

В чем же разница между кайзеровским рейхом и Третьим рейхом? Прежде всего в реальном носителе «прусской идеи». Перейдя в руки мелких буржуа (по сути – люмпенов), идея резко деформировалась. Исчез важный компонент – дворянские традиции. «Честь и кровь», о которых без конца распинались нацисты, стали и «честью» других людей, и «кровью» других людей. Теперь это была пародия на традиции со стороны тех, кто не имел никаких традиций; Бисмарк в исполнении Чарли Чаплина. Когда пруссачество соединилось со своеобразно понятыми социалистическими идеями – идеей массовости, ненависти к дворянско-феодалным традициям и их разрушения во имя равенства людей одной крови, одной расы, – произошла, если угодно, «хамская демократизация» пруссачества, «революция потных ног», как выразился Томас Манн. Смешение прусского военно-феодалного бюрократизма и американской «беспородности» дало адскую смесь.

«Американский», люмпен-демократический дух нацизма легко различим и в его массовой, голливудской пропаганде, и в «чаплинских» усиках нового мессии. Эту особенность заметили многие. Не случайно свою историю нацизма, свою «Карьеру Артуро Уи» Брехт перенес в США, в «кварталы Бронкса», точно уловив дух людей «перекати-поле», дух вечных «иммигрантов».

Отсюда же – бесконечная, ни с чем не сообразная ложь нацистов, ложь тех, кому нечего терять, ложь, напоминающая нагло-застывшую рекламу плохих товаров. «Сила этой клики как раз в том, что она пренебрегает разумом и обращается к инстинкту».

Х.Ортега-и-Гассет в своем «Восстании масс» писал по этому поводу:

Под маской синдикализма и фашизма в Европе впервые появляется тип человека, который не считает нужным оправдывать свои претензии и поступки ни перед другими, ни даже перед самим собой; он просто показывает, что решил любой ценой добиться цели... Вот это и есть то новое, небывалое: право действовать без всяких на то прав.

Но в обстоятельствах, когда отброшена любая традиция, кроме примитивного права сильного, до корня разрушается и первая заповедь «прусского духа», заповедь чиновника, заповедь порядка, иерархии, повиновения. То есть повиновение и иерархия остаются, но ни о каком «порядке» не может быть и речи. Торжествует возведенный в закон хаос – под видом порядка. Торжествующие люмпены в качестве чиновников и носителей порядка выворачивают порядок наизнанку, переворачивают его с ног на голову. «Лучше несправедливость, чем беспорядок», – сказал Гёте. То был немецкий вариант слов Пушкина про «русский бунт бессмысленный и беспощадный». Однако нацистский тоталитарный порядок и есть хаос, беспорядок, возведенный в норму.

Так симбиоз «прусского духа» и «социализма» изменили социализм, выпятив в нем чиновно-военную сторону и «снизив» прусский дух, убив в нем культуру, традицию, порядок. Таков и «национальный социализм», нацизм.

8. Шариков — городской

Вернемся теперь от немецких дел к нашим. Увы, аналогии здесь напрашиваются. Националисты, монархисты надеялись на то, что когда революционный вихрь осядет, все вернется на круги своя, вернется порядок. Мечта сбы-

лась. Революционный вихрь несомненно осел – на Колыме и в Соловках. Установился такой порядок, о котором не мечтал и Аракчеев.

Однако ничего похожего на реставрацию не произошло. И вовсе не по формальным причинам. Пришел Сталин еще несколько галунов на мундиры, объяви себя императором, введи дворянство – суть дела от этого не изменилась бы. Как гитлеровский рейх был люмпен-хамской пародией на германскую империю, так сталинский лагерь был пародией на российскую империю. Болезни здесь те же: уничтожение традиций и культуры. Старый мундир на новом хозяине болтался, из рукавов вылезли «грабли» с татуировкой.

Сталинский режим доказал, и доказал блестяще, что у русской монархии была душа и культура, ибо он добросовестно воспроизвел в своем режиме все, что можно скопировать. Кроме, естественно, этой души и этой культуры. Отличие разительное: получился манекен соцреализма вместо русского классицизма в годы империи; обострение классовой борьбы – вместо свода законов; государственное крепостное право – вместо общины с ее культурой. Не монархия, не социализм (как его воображали не только Энгельс, но и Ленин), – шариковщина.

Тут подтвердились слова Достоевского, что «красота спасет мир». Подтвердились «от противного»: разрушение красоты, традиций, чувства чести мир погубило. Или еще одно место из Достоевского:

Да знаете ли вы, что... прожить человечеству... без науки можно, без хлеба можно, без одной только красоты невозможно, ибо совсем нечего будет делать на свете! Вся тайна тут, вся история тут! Сама наука не простоят минуты без красоты, – знаете ли вы это, смеющенся, – обратится в хамство, гвоздя не выдумаете!..

Шариковы, как им и положено, смеялись. И выяснилось, зря. Теперь, когда в магазинах действительно нет даже гвоздей, стало ясно, что без красоты, без традиций нет не только красоты, но вообще ничего нет.

В этом и состояла ошибка сменовеховцев. Все имперские атрибуты, которые их так волновали, Сталин и его наследники спасли и приумножили; взяли Россию с сохой, а превратили в империю с водородной бомбой. Но едва ли самого оголтелого милитариста это порадовало бы. С «сохой» можно жить и дышать, с «бомбой» – нет.

Конечно, слишком во многом наш сценарий был похож на германский. И у нас в роли «городового» внезапно оказался Шариков. Как мы помним, Шулгин мечтал о таком вожде: «Он будет большевик по энергии и националист по убеждениям. У него нижняя челюсть одинокого вепря... И «человеческие глаза». И лоб мыслителя... Комбинация трудная – я знаю...» Вылитый Сталин! А может, Брежнев или Черненко?..

Впрочем, нельзя сказать, что этот тип вечного маргинала, оторванного от культуры, никак не был связан с самодержавием. Он вырос из наиболее темных черносотенных слоев, которых, от великого ума, поддерживало накануне своей гибели царское правительство, видя в них, этих «революционерах справа», шанс на свое спасение.

Между тем маргиналы глубоко аполитичны. Им равно чужды все идеологии, им близок и понятен лишь произвол: разрушение любых традиций и культурных структур, которые они ненавидят по определению. Поэтому любая программа, дающая такую возможность, принимается ими с легкостью. Этот момент внутреннего слияния наиболее «черной» части «белых» и той же части «красных» четко зафиксировал С.Л.Франк:

«Черносотенство»... будучи доселе в каком-то отношении политическим антиподом «красного», практически весьма часто обнаруживает свое духовное родство с последними... (как и обратно)... Лица «черного» образа мыслей, при всей непривычности для них некоторых «красных» идей, чувствуют часто некоторое эстетическое и духовное сродство с «красным» стилем и относительно легко с ним сживаются и его усваивают (связующим звеном здесь является гос-

подство грубого насилия в управлении и момент демагогии)... В подлинной черни различие между «черным» и «красным» вообще становится почти неуловимым.¹

Понятно, что «скачок», переход количества в качество, произошел тогда, когда стараниями «швондеров» (чья культура была немногим выше) «шариковых» призвали к власти. Ошеломляет именно мгновенность и полнота этого социального кульбита.

Ортега-и-Гассет формулирует последствия этого «головокружения от успехов» с академическим изяществом:

Новый человек ощущал, что жизнь его... освобождена от бремени, от всех помех и ограничений... Нет больше ни каст, ни сословий. Заурядный человек узнает, что все люди равны в своих правах.

Да, в дело вступила категория, недооцененная классиками: не отношения собственности, не уровень развития производительных сил и производственных отношений, не идеи, не все эти солидные и положительные вещи. Нет, речь идет о социальной психологии люмпенов, дорвавшихся до власти, – нечто из области чистой «надстройки». И вот надстройка-то и подмяла под себя «базис». Возникла политическая и социальная ситуация, связанная, конечно, и с марксистской идеологией, и с самодержавными традициями, но настолько новая, так переплавившая их, что ни о каком историко-культурном «наследовании», «источниках и составных частях» говорить уже не приходится. Она сама себе источник – как сам себе предок весь класс люмпенов.

9. Шариковизация

И все-таки: в чем специфика нашей формы тоталитаризма по сравнению с тоталитаризмом немецким?

В ходе «национальной революции» в Германии, бормоча нечто «из Ницше», вперед вырвались – шерсть дыбком – натуральные шариковы, ведомые Шариком № 1. В ходе нашей революции тоже была поднята из глубин огромная волна всякой застарелой муты – красной, черной, зеленой. Однако во главе движения стояли люди иной генерации. Люди достаточно образованные (хотя определение большевистского правительства как «самого образованного в мире» остается на совести полковника Роббинса), – люди с вполне определенными идеалами. Конечно, об этих идеалах можно спорить, но тут есть о чем спорить. Это не шариковский рык и скулеж, это – набор идей.

Однако к числу этих идей относилось и загадочное обожествление «пролетариата», про который они и сами далеко не всегда могли бы сказать: кто же это? «Филипп Филиппович выкатил глаза: – Почему же вы – труженик? – Да уж известно – не нэпман».

Руководствуясь этим смутным зарядом, они считали необходимым вывести на передний план новых «хозяев жизни» – люмпенов. Ленин, кстати, смутно чувствовал опасность, когда писал о тончайшем слое партийной интеллигенции, на котором слишком многое держится. В ходе партийной борьбы слой этот разорвался, и на поверхность вышли и растеклись огромным масляным пятном новые люмпены.

Глубина «шариковизации» общества ощутима во всем. Крестьяне не хотят брать землю – значит, они уже не крестьяне, а перекаати-поле. Рабочие производят не продукцию, а брак. Интеллигенция, как сказал Солженицын, превратилась в «образованцев».

Если первые удары по русской культуре и впрямь были нанесены швондерами, исходившими из неких идейно-теоретических соображений, то ее после-

¹ Чистый пример «черно-красного альянса» – в союзе «марксистки» Нины Андреевой с черносотенной «Памятью». Они не зря сошлись на симпатии к Сталину, справедливо усмотрев в нем высший, классический «черно-красный» тип.

дующее разрушение и безнадежное опошление – уже работа шариковых. И делалось это не во имя марксизма, не с какой-то определенной целью, не во имя «измов». Просто бедный Шариков пытается переварить русскую культуру, отбрасывая все, что для него несъедобно.

Этот процесс «пищеварения» с замечательной прямоотой демонстрировали наши идеологи: Жданов, Суслов, Ильичев. С оглушающей силой он ощущался в докладах Хрущева. «Идейные ошибки» – это просто когда ваши идеи не совпадают с нашими – привычками, желаниями, настроениями. Так шла обработка культуры сверху, а по мере того, как саму культуру пополняли новые кадры «образованцев», культура менялась и изнутри, приходя в состояние «предустановленной гармонии» с начальственными предписаниями.

Всю меру отрыва шариковизированного общества от любой культурной традиции (будь то марксизм или монархия) мы начали ощущать только теперь, когда ампутированные конечности стали ныть. Пошли разговоры об утрате культуры. Но именно в содержании и характере этих разговоров мера одичания общества проявляется особенно ярко.

Для восстановления дней разорванной нити создано даже общество с характерным названием «Память». Кажется, общество стремится восстановить традиции, снять амнезию. Но какие же традиции может восстановить общество, основанное на отрицании традиций? Только традиции шариковщины. Да, за десятки лет и у шариковых накопилась своя память. Они и восстанавливают ее – память о погромах, память о борьбе с врагами. Попытки же вновь прочесть старую культуру оборачиваются карикатурой: шовинистической карикатурой на русофильство или потребительской карикатурой на либерализм и западничество.

Разумеется, не стоит идеализировать, – в любом обществе, начиная с первобытного, были и будут шариковы. Наша беда не в том, что процент шариковых у нас выше «нормы». Хуже то, что именно шариковы заняли в стране место мозга нации, именно они превратились в «системообразующий фактор» общества. Это значит, что место марксистов, монархистов, либералов заняли шариковы (или полушариковы), лишь имитирующую соответствующую идеологию.

В XX веке, в связи с небывалым расширением демократии и образования, эта проблема встала перед всеми странами. Она беспокоила многих на Западе – вспомним того же Ортегу-и-Гассета или Чапека. Однако Западу удалось, хотя и ценой больших потрясений, свою культурно-историческую память сохранить. Нам, увы, не удалось. И даже если самые добрые, честные и умные «памятники» будут бережно реставрировать храмы и заучивать старые тексты, они все равно им чужды – как испанцу чужда культура инков или майя, сколько он ее не изучай. Культурная Атлантида оторвалась и опустилась на дно океана. Мы можем рассматривать ее через стекло скафандра, но не можем в ней жить, восстановить с ней живую связь. Вот почему потеряли смысл разговоры о том, какую культурную традицию мы наследуем. Наша советская культура – как лист Мёбиуса. Сколько по ней не иди, вернешься к ней же.

Что же сказать об источниках и составных частях «реального социализма»? Тут не слишком важны идейные истоки. Тут не слишком важны исторические аналогии. Тут не слишком важны экономические структуры. Не слишком важны потому, что это не идейный и не экономический, а тоталитарный строй. Он, конечно, имеет предшественников, имеет исторические причины и следствия. Но главная его особенность, что он – сам себе причина. Иначе говоря: разившись до определенного уровня, он «отрубает себе хвост» – теряет реальную, значимую для него преемственность с любыми похожими на него и важными для него предшественниками, будь то самодержавие или русское революционное движение, марксизм или феодализм. Он – безроден, он не несет и не хранит традиций, он порождает сам себя. Это и зафиксировано в его названии – тоталитарный, такой, что кроме него в социально-историческом пространстве ничего нет, ничто не удерживается. Он – пока существует – заполняет пространство полностью. ●

ЧТО ЗНАЛИ АНТИКОММУНИСТЫ

То, что вы сейчас рассматриваете как изменение к худшему («сталинизм»), на самом деле есть изменение к лучшему в ваших знаниях.

Владимир Набоков –
Эдмунду Уилсону, 1948 г.

События минувшего года в Центральной и Восточной Европе разворачивались столь стремительно и с таким кинематографическим сюрреализмом, что привнесли во всеобщее ликование изрядную долю замешательства. Как могли быть стерты за одну ночь прошедшие сорок лет, словно рефлекторно отвергнутые? Многие на Западе, кажется, и не подозревали, что народы Восточной Европы, которых пытались завлечь ложными обещаниями горбачевских «демократических реформ», станут вместо этого добиваться настоящей демократии и при первой же возможности сметут коммунистическую бутафорию.

Некоторые приписали заслугу происшедшего взрыва свободы одному Горбачеву или некоей ранее неизвестной силе обновления, существующей внутри самой коммунистической системы. При этом они забыли или никогда не знали, что семена протеста были посеяны, как только Советская империя появилась на свет.

Похоже, что все мы можем пройти повторный курс истории XX века. И самые ценные для нас учебники – это несколько книг, поистине завещаний, написанных теми, кто был свидетелем образования коммунистической империи, предчувствовал, во что она превратится, и старался предостеречь нас от этой опасности. Эта классика антикоммунизма в свое время была довольноно известна, но в последние лет двадцать почти забыта. Четыре таких книги особенно заслуживают нашей признательности: «Дорога к рабству» Фридриха А.Хайека, «Новый класс» Милована Джиласа, сборник «Несостоятельный Бог», изданный под редакцией Ричарда Х.С.Гроссмана, и «Пленный ум» Чеслава Милоша.

Авторы всех этих книг видели коммунизм в период его огромной популярности и возраставшего могущества. Некоторые жили вблизи от центров коммунистического мира, другие сталкивались лицом к лицу с его властителями. Эти авторы стремились предостеречь западных читателей, питавших глубокие иллюзии относительно коммунизма. Каждая из этих книг может многое сказать нам о том мире, который близится к своему концу, и о новом мире, который еще только нарождается.

Из всех четырех книг «Дорога к рабству», пожалуй, наименее известна сегодня, хотя она и произвела сенсацию в Англии и Соединенных Штатах, когда была опубликована в 1944 году, а в 1970-х и 80-х, благодаря самиздату, обрела вторую жизнь в Восточной Европе.¹

Исторический момент, в который «Дорога к рабству» была задумана и написана, частично объясняет ее особое значение сегодня. Ибо, подобно нам, читатели Хайека оказались на пороге новой, противоречивой эпохи. Вторая мировая война близилась к концу, хотя еще и не завершилась. Соединенные Штаты и Россия превращались в сверхдержавы. В Англии, где Хайек, австрийский эмигрант, жил и преподавал экономику более десяти лет, на горизонте уже виднелись тяжелые времена. Ожидались нехватка продуктов и введение карточной системы. Возрождение лейбористской партии стало неизбежным.

¹

Недавно книга Ф.Хайека в русском переводе вышла вторым изданием. – *Ред.*

Последнее обстоятельство тревожило Хайека, потому что он заметил, что британское общественное мнение – «особенно среди моих друзей, придерживавшихся «прогрессивных» взглядов на социальные вопросы» – выказывало удивительное благодушие по отношению к опасностям коллективизма, несмотря на горькие примеры нацистской Германии, фашистской Италии и Советской России. Многие «прогрессисты» слегка протрезвели, когда в 1939 г. был заключен пакт между Гитлером и Сталиным. Но как только Советский Союз вступил в войну с Германией и присоединился к союзникам, они вернулись к распространенному убеждению, что коммунизм и фашизм мировоззренчески диаметрально противоположны: первый является предвестником светлого будущего, а второй – предсмертным стоном мрачного прошлого. Во время войны было крайне немодно обращать внимание на настораживающее сходство между сталинской Россией и гитлеровской Германией.

Однако именно это и сделал Хайек. Он указал на то, что обе системы были авторитарными. Обе с презрением относились к «буржуазному» либерализму. Кроме того, обе они были соперничающими формами социализма (само слово «нацизм» – это сокращение от «национал-социализм»), объединенными «общей для них враждебностью к конкуренции и общим стремлением заменить ее директивно-управляемой экономикой».

Зная о невероятном количестве преступлений, совершенных режимами в Германии и России, критику только их экономической политики можно воспринять как комическое снижение. Однако Хайек сделал это сознательно. Он хотел обозначить идеологическую точку пересечений западного идеализма с восточным тоталитаризмом. Такой точкой пересечения, писал он, несомненно было их общее стремление к социальному планированию, особенно к экономическому. Ибо из всего набора социалистических идеалов именно идея плановой экономики пользовалась наибольшей поддержкой и наиболее вероятно могла воплотиться в действительность в странах свободной демократии. В Соединенных Штатах подобное планирование уже было частично введено с помощью «Нового курса» Рузвельта, и Англия была на том же пути.

Действительно, ко времени, когда Хайек начал собирать заметки для «Дороги к рабству», «уже стало совершенно очевидно, что и сама Англия после войны будет экспериментировать с теми политическими идеями, которые, я убежден, в огромной степени способствовали уничтожению свободы в других странах». (И правда, Британия скоро национализировала железные дороги, приняла программу государственного здравоохранения и заковыляла по пути коллективизма.)

В ключевой главе своей книги – «Планирование и господство права» – Хайек отмечал, что проповедникам плановой экономики объективная правовая система с ее проволочками, болтовней и мелочным педантизмом представлялась не более чем досадной помехой. Отцы социализма, жившие в конце XVIII – начале XIX вв., пришли в ужас от разбушевавшейся стихии Великой французской революции и надеялись, что им удастся обуздать страсти посредством построения общества прочного, организованного, разумного – и «откровенно авторитарного». Свобода мысли для них была «исходным злом общества XIX века». У них «не было никаких сомнений в том, что их идеи могут быть претворены в жизнь только с помощью сильной диктаторской власти».

Лишь позднее, с приближением революции 1848 г., социалисты навели на свое мышление глянец демократической риторики. Объявляя себя поборниками «новой свободы», они возвестили «науку» о централизованно-управляемой экономике, которая уничтожит социальное неравенство. Но, как считал Хайек, «это обещание на самом деле означало, что должны исчезнуть многочисленные различия в диапазоне выбора у разных людей. Требование новой свободы оказывалось, таким образом, другим обозначением старого требования равного распределения благ. Но новое название было словом из лексикона либералов, и социалисты использовали это в полной мере».

Итак, идея плановой экономики, несмотря на перенасыщенность демократической риторикой, — генетически идея тираническая и безнадежно несовместима с плюрализмом, независимостью и «фундаментальным индивидуализмом, унаследованными от Эразма и Монтеня, Цицерона и Тацита, Перикла и Фукидида».

Сам Хайек был убежден, что по-настоящему прекрасный идеал, провозглашенный социалистами — идеал равенства, — действительно может достигнут. Однако не с помощью трескучего наукообразия, всемирного духовного совершенствования или принуждений этатизма, а с помощью предпринимательства — то есть соревновательного капитализма. И уже в наше время восточно-европейские читатели «Дороги к рабству» были, без сомнения, потрясены именно ликующе-оптимистическим хайековским описанием свободной рыночной экономики.

Хайек писал не просто как специалист, считавший такую экономику разумной и справедливой, но и как увлеченный исследователь культурной сумятицы. Подобно Уиттекеру Чемберсу, также верившему в каталитические свойства капитализма, Хайек был восхищен суматохой свободного рынка, создаваемым ею социальным динамизмом. Он отмечал, что предпринимательство смягчило жесткие классовые различия доиндустриальной Европы; вселило в бедных надежду, часто осуществлявшуюся, на возможность скачка по социальной лестнице; откровенно и неумолимо придало всем вещам определенную цену и тем самым сделало их принципиально достижимыми почти для каждого. «Деньги, — писал Хайек (и это его замечание доставило бы удовольствие Бальзаку), — один из величайших инструментов свободы, когда-либо изобретенных человеком».

Этот бьющий через край материализм теперь вырвался на волю и в Восточной Европе. Мы видим его в предпринимательской активности, расцветающей в Варшаве и Лейпциге, Будапеште и Праге. Плакаты в Москве гласят: «Социализм? Нет, спасибо.» Это больше чем лозунг. Это выражение предельного отвращения к четырнадцати пятилетним планам, включая и последний, горбачевский. Косвенно отдавая должное мудрости, высказанной Хайеком, эти плакаты служат упреком тем все еще влиятельным представителям нашей интеллектуальной элиты, которые и поныне заворожены мифом «новой свободы» социализма.

Несколько месяцев спустя после публикации «Дороги к рабству» Сталин приготовился поглотить народы Центральной Европы, которая с этого момента стала именоваться Восточной. К 1949 г., с приходом к власти Мао Цзедунa, дорога к рабству протянулась от Берлина до Пекина.

Что будет представлять собой эти новоиспеченные социалистические государства? На этот вопрос Хайек, живший в Англии, не мог ответить. Другие смогли, но никому не удалось сделать это столь убедительно, как Миловану Джиласу.

Джилас родился в Черногории в 1911 г. и сложился как личность к началу 30-х годов, в эпоху, когда многие европейские писатели пытались примирить свои литературные и революционные устремления. Джиласу это удалось на редкость успешно. Еще будучи студентом в Белграде, он стал известен своими поэтическими и прозаическими произведениями. Тогда же он вступил в коммунистическую партию (в то время нелегальную). Джилас ушел в подполье, поднялся до поста в Центральном Комитете партии и, когда разразилась война, командовал партизанскими отрядами, сражавшимися с немцами. Когда горизонт расчистился и титовская коммунистическая партия обрела контроль над Югославией, Джилас занял подобающий ему пост в руководстве.

Находясь в центре событий, Джилас видел слишком много, и к началу 1950-х годов он начал сомневаться. Открытая критика партийной бюрократии стоила ему потери положения и свободы (сроки его тюремного заключения в сумме составили девять лет). Джилас — автор мемуаров, ряда художественных произведений и исследований о коммунизме, но прежде всего — книги «Новый класс» (1957).

В этой книге Джилас ясно показал, кто именно осуществлял «диктатуру пролетариата». Величайшей иллюзией коммунистической революции, писал он, была вера в то, что «индустриализация и коллективизация в СССР и уничтожение капиталистической собственности приведут к образованию бесклассового общества». Вместо этого возникла (во многом как и предвидел Хайек) совершенно новая каста – каста аппаратчиков, политических бюрократов. Она восходит к чиновникам времен ленинского правления, воспитанным в глухих стенах большевистского монастыря, «известного особой дисциплиной, основанной на полном сходстве философских и идеологических воззрений» и связанным «единством веры». Более того, «в то время как бюрократы в некоммунистических странах подчиняются избираемым политикам или служат своим хозяевам... у коммунистов ничего подобного нет».

Главным представителем нового класса был Сталин, обладавший бюрократическим даром, даже гением. Джилас встречал его достаточно часто, чтобы написать мемуары об их разговорах с глазу на глаз («Разговоры со Сталиным», 1968). Он убедился, что Сталин был не только «непреклонным догматиком и великим администратором», а и «законным, хоть и уродливым отпрыском революции, закономерным преемником Ленина, предназначенным для того, чтобы стоять на страже партийной гегемонии». Подобно Хайеку и в отличие от многих на Западе даже сегодня, Джилас утверждал, что пресловутые сталинские искажения «истинного» коммунизма были на самом деле его наиболее естественным порождением.

Со смертью Сталина в 1953 г. новый класс приобрел новый образ. Уставший от чисток и паранойи, он нашел желанные мир и покой в «коллективном руководстве». Это вывело на сцену поколение властителей, свержение которых мы наблюдали в прошлом году. Немногие (за очевидным исключением Чаушеску в Румынии) были диктаторами сталинского масштаба. Но они были тем не менее могущественными людьми, правившими, как писал Джилас, с помощью «особой формы собственности – коллективной, которую этот класс контролирует и распределяет именем нации и общества».

Отвратительный фарс послевоенного коммунизма потряс Джиласа, хотя не на столько, чтобы разрушить его веру в демократический социализм. Все же он был слишком честен и слишком возмущен, чтобы прибегать к спасительному мифу о том, что коммунистический рай предали и испортили недостойные. Диктатура пролетариата превратилась в простую, неприкрытую диктатуру не по прихоти истории. Так же, как Сталин был преемником Ленина, Ленин был наследником Маркса, создавшего не только коммунистическую теорию, но и пропитавший ее догматизм, не терпящий разногласий.

Эта монономия содержала зародыши деспотизма, но ее посягательства вызвали сопротивление, которое никогда не могло быть вырвано с корнем. Профессиональный политик Джилас видел, что «коллективное руководство» может приобрести могущество, но не авторитет. Новый класс был изолирован от своих подданных и вследствие этого отдален от них. Джилас, писавший в период, когда коммунистическая империя достигла своего апогея, предсказал ее неизбежное крушение в строках, звучащих ныне пророчески: «Коммунистические режимы – это форма скрытой гражданской войны между правительством и народом». «Стихийный протест – неудовлетворенность миллионов условиями жизни – это форма сопротивления, которую коммунисты не смогли задушить».

И наиболее знаменательные строки: «Так же, как все еще живы человеческая личность, различные социальные классы и идеи, все еще живы и порабощенные народы; они действуют, они борются против деспотизма и сохраняют свои коренные черты. Если их совесть и душа подавлены, они все же не сломлены. Их поработили, но они не сдались. Сила, питающая их сегодня, более значительна, чем прежний или буржуазный национализм: это неистребимое желание быть хозяевами своей судьбы и путем собственного свободно развития влиться в общечеловеческое братство».

«Нетрудно, – писал Фридрих Хайек, – лишить подавляющее большинство права на независимую мысль. Но нужно также заставить молчать меньшинство, которое сохранит склонность к критике». Увы, Хайек рассуждал, исходя из принципов, а не из печальных фактов, ибо на Западе как раз меньшинство, воспитанное в духе критики, возглавило торжественное шествие к алтарю коммунизма и, восторженно млея, отказалось от независимости мысли. Скептический ученик современных либералов так сформулировал суть описываемого: «В глубине души мы столь анархичны, что можем вообразить себя живущими лишь в утопическом государстве; и столь циничны, что можем верить лишь в авторитарную утопию». Так сетовал американский интеллектуал Лайонел Триллинг в 1948 г. – в то время, как советские власти блокировали Берлин и послали танки в Чехословакию. Но Триллинг имел в виду не чехов и не немцев, а своих коллег, многие из которых так до конца и не смирились с мыслью о том, что в форме трудовых лагерей и массовых убийств как раз и осуществились утопические идеалы в СССР.

Сам Триллинг какое-то время был увлечен новой верой, но уже в 1940-е годы его стали раздражать интеллектуалы, продолжавшие изображать невинность даже после того, как стали всеобщим достоянием потрясения 30-х – от показательных процессов до сговора Гитлера со Сталиным. Это извращенное влечение не заразило «обычных» людей – пролетариев, идеализированных социализмом, но редко ему приверженных. Даже в профсоюзах, единственной области американской экономической жизни, куда проникли коммунисты, партия одержала немного успехов в среде рядовых членов и вынуждена была назначить своих аппаратчиков на исполнительные посты. В основном именно люди литературных занятий бросились в скрывающие объятия партии.

«Почему я мечтаю о коммунизме? Потому что верю в его справедливость и страдаю из-за окружающей несправедливости, которую чувствую сильнее оттого, что сам принадлежу к числу привилегированных». Так писал Андре Жид в заметках, опубликованных в «Несостоятельном Боге», сборнике эссе шести писателей (кроме Жиды, в нем участвовали Артур Кестлер, Игнацио Силоне, Ричард Райт, Луис Фишер и Стивен Спендер), устремившихся в пылающую топку, но затем выбравшихся оттуда. Ирония Жиды была характерной для умонастроения бывших коммунистов, ирония стала лейтмотивом их признаний.

Это в сочетании (как указал Норман Подгорец) с еще не угасшей враждебностью авторов исповеди по отношению к капитализму и предопределило во многом репутацию книги, когда она была опубликована в 1950 г. Однако, как свидетельствовало само ее заглавие, не ирония привела коммунистов от литературы в партию, а тоска по вере. «Партия стала семьей, школой, церковью, казармой, – писал Силоне, – мир, находившийся вне ее, должен был быть разрушен и построен заново».

Эти интеллектуалы, отрекшиеся от независимости мысли, однажды очнулись и увидели себя в заточении, лишенным не только новых добродетелей, но и прежнего гуманизма, который не смог защитить их от партийных манипуляций. Наиболее красноречиво об этом сказал Уиттекер Чемберс в своем обращении к Комитету палаты представителей по антиамериканской деятельности в августе 1948 г. и позднее в автобиографической книге «Свидетель» (1952). Но Чемберс, назвавший себя «человеком правых убеждений», не будучи ироничным, принял тон христианского покаяния. Артур Кестлер, мнение которого о коммунизме едва ли отличалось от чемберсовского, звучит более изысканно, самоиронично, почти апологетически. В «Несостоятельном Боге» Кестлер писал об «уроке», преподанном гражданской войной в Испании и другими безумными событиями. Этот урок «всегда является под потертой маской прописных истин о том, что человек – реальность, а человечество – абстракция; что люди не могут рассматриваться как единицы в операциях политической арифметики, потому что они ведут себя как нули и бесконечности, что нарушает все арифметические операции; что цель оправдывает средства только

в очень узких пределах; что этические нормы не являются функцией общественной пользы и милосердие – не мелкобуржуазная сентиментальность, а сила притяжения, удерживающая цивилизацию на ее орбите. Ничто не может звучать более неуклюже, чем эти попытки облечь в слова знание, не словесное по своей природе, и все же любая их этих банальных истин была несовместима с коммунистической верой, которой я жил».

Пожалуй, наиболее знаменитый из нынешних восточноевропейских эмигрантов – что Чеслав Милош, польский поэт, родившийся в Литве, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1980 год, почти тридцать лет занимающий пост профессора в Беркли. Он обрел известность на Западе как автор «Пленного ума» – описания интеллектуальной жизни в странах советского блока. Эта книга – один из великих документов послевоенной эпохи, и с течением времени она становится все более поучительной. Но когда она была опубликована в 1953 г., книга сбила с толку многих американских критиков. Некоторые были убеждены, что либо Милош – плохой писатель, либо его подвел переводчик.

Их смутила точность Милоша, облекшего поэтическую интуицию в логически безупречные аргументы. Эта традиция словесной экономии, наивысшее выражение которой мы находим у Франца Кафки и Роберта Музиля, возможно, характерна для Центральной Европы. Сегодняшний читатель «Пленного ума» сам оказывается в плену язвительных афоризмов Милоша и элегантно игры ума. Там, где можно ожидать возмущенного крика души, мы сталкиваемся с подобием парадоксов Зенона.

Примером может служить рассуждение Милоша о феномене «социалистического реализма», официального литературного стиля сталинизма: «Поэзию, как мы ее представляем, можно определить как индивидуальный темперамент, преломленный через общественный договор. Поэзию Новой Веры можно, напротив, определить как общественный договор, преломленный через индивидуальный темперамент».

Были ли эти слова намеренной остротой? Ни в коей мере. На самом деле Милош делал все возможное, чтобы продемонстрировать ту особенность марксистской доктрины, которая особенно подавляла художника, жившего в коммунистическом обществе, а именно – ее требование неукоснительно соблюдать установленные нормы и правила. Именно это, в большей степени, чем страх, превращало художников, единственным оружием которых была интуиция, в аппаратчиков. Они были не столько запуганы, сколько загипнотизированы.

Милош не оправдывал писателей, уступивших нажиму партии, но он старался – в отличие от большинства, – чтобы мы представили себя на их месте. Мы склонны забывать, что на каждого Иосифа Бродского и Вацлава Гавела (оба они были арестованы) приходится сотни меньших талантов, которые столь же захвачены видением красоты и стремятся к европейской традиции, но оказываются не в состоянии противостоять требованиям своих политических надсмотрщиков.

Искушений было много, особенно у застрявших у подножия Парнаса, ибо в «странах народной демократии» любой, «проявляющий проблеск таланта, используется». Действительно, «способность подчиниться политической линии – критерий отбора, согласно которому наиболее посредственные художники достигают наивысшей славы».

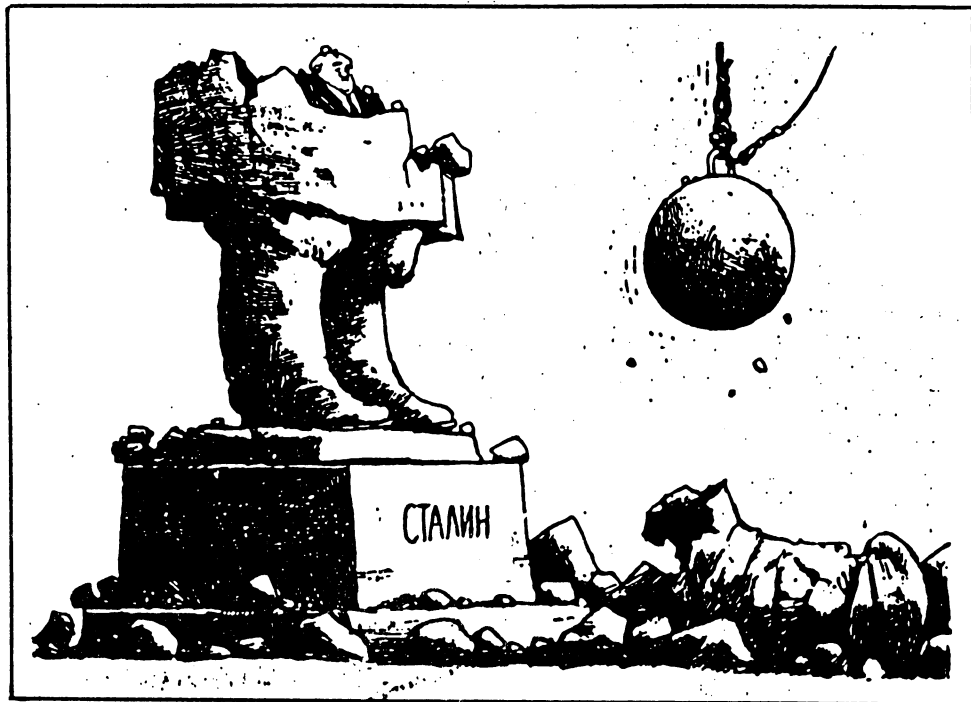
Но одних материальных наград редко бывает достаточно. Если не брать чистых циников, большинство художников в условиях коммунизма выработало, согласно Милошу, усовершенствованную форму обмана, изощренное двоемыслие. Открыто они превозносили официальную догму, а в тайне лелеяли свой внутренний свет. Это был рискованный маскарад, но его участники испытывали удовлетворение, даже гордость от своей способности «назвать белым то, что на самом деле считаешь черным; внутренне улыбаться, сохраняя наружную серьезность; ненавидеть, когда выказываешь любовь; знать,

изображая неведение, и таким образом оставлять противника в дураках (точно так же, как он оставляет в дураках тебя)».

Милов сравнил это изощренное кривляние с исламской традицией «кетмана», выработанной еретиками, которые, желая спасти шкуру, скрывали свои истинные убеждения от религиозных властей. В Восточной Европе, писал он, бурлеск превратился в национальную традицию. Миллионы участвовали в нем — не только писатели, но все, кто в душе противостоял унижениям тоталитарного правления.

Ныне мир знает, сколь старательным был обман. «Кетман» практиковался столь искусно в странах советского блока, что население на протяжении двух поколений было одурачено. Но не только оно. На Западе многие интеллектуалы и политики успешно убедили себя, что режимы Восточной Европы, как бы ни было неприятно там жить, обладают определенной легитимностью (или заслужили ее) — и кроме того, кто мы такие со всеми нашими грехами, чтобы обвинять их?

Поэтому когда Горбачев решил провести свои косметические реформы в Чехословакии, Венгрии и Польше, не он один с изумлением обнаружил, что имеет дело с настоящим восстанием. Однако он и его западные доброжелатели должны были знать положение дел лучше. Это восстание долго готовилось, как много лет назад предсказывали писатели-антикоммунисты, — часто под презрительные насмешки своих коллег.

Пол МВЙДМЕНТ (Англия)

СВЕЖИЕ ВЕТРЫ В КОНТОРЕ ГОБСЕКА

Очерки о современном банковском деле

Все в одном котле

Чем глубже компьютеризация проникает в систему финансовых услуг, чем более широкое распространение получают здесь различного рода автоматы, тем меньше шансов у традиционных банков остаться хозяевами положения в банковском деле. Причем чем дольше сохранится эта тенденция, тем более привычным делом станет предоставление финансовых услуг, особенно услуг частным лицам и мелким предприятиям, со стороны небанковских компаний. Если еще недавно многие поражались при виде компании по производству компьютеров, по продаже автомобилей или сети универмагов, предлагающих своим клиентам финансовые услуги, то теперь мало кого смущает, что такие компании, как Reuters или Telerate, занимаются делом, которое когда-то было исключительно прерогативой банков.

Но попробуем взглянуть на некоторые из небанковских компаний, чья доля на рынке финансовых услуг становится все более весомой. Собственностью General Electric недавно стали Kidder Peabody, инвестиционный банк на Уолл-стрит, и GEFSCO, компания, занимающаяся обработкой платежей. General Motors и Ford предоставляют своим клиентам ссуды на покупку автомобилей. Ford владеет также второй по величине сберегательной кассой Америки. Торговая фирма Sears and Roebuck имеет не только филиал, производящий операции с фондовыми ценностями, но и отделение, занимающееся страхованием и выпуском чардж-карточек.

За пределами Америки, в Великобритании, старое кооперативное движение уже давно предоставляет своим членам ограниченный набор финансовых услуг. Тем же, но только в духе времени, занимается Migros – огромная сеть кооперативных супермаркетов в Швейцарии. Знаменитый британский торговый дом Marks & Spence теперь может с полным основанием называться: «Нижнее белье – кредиты». Однако итальянская Benetton, компания, совмещающая сбыт трикотажа со страховыми операциями, решила отказаться от последних и продала свою долю в итальянской страховой компании, потому что поняла – у нее не хватает сил, чтобы действовать на двух фронтах.

В стиле Сейбу

Совсем по-другому подходит к делу японская группа универмагов Seibu Saison. Ее руководитель, Сейджи Цуцуми, видит свою задачу в создании первого в Японии «потребительского небанковского учреждения». Опираясь на двенадцать миллионов самых молодых и богатых клиентов в Японии, он укрепляет свой финансовый филиал – Credit Saison. Шесть миллионов его клиентов уже получили чардж-карточки Credit Saison, которая входит теперь как в систему VISA, так и в систему Mastercard. Наряду с фирмой супермаркетов Daiei стала первым небанковским учреждением в Японии, подключившимся к этим международным системам кредитных карточек.

Две пятых дохода от основных операций Credit Saison (41 млрд. иен за 1988 г.) пришлось на долю кредитных карточек, а треть – на ссуды. Универмаг Seibu может продать вам заграничную путевку на время отпуска вместе

Окончание. Начало в предыдущем номере «Страны и мира».

с одеждой, которую вы там будете носить, а также примет оплату за уроки подводного плавания, которые вы будете брать на месте отдыха. Credit Saison предоставит вам и кредит для покрытия всех расходов: вы можете взять ссуду для вашего путешествия и по кредитной карточке уплатить за одежду и уроки. Прибыв на место, вы сможете по ней же рассчитаться за гостиницу и получить карманные деньги в банковском автомате.

Фирме Seibu заниматься всем этим удобнее и выгоднее, чем банку. Почему? Дело в том, что работу компании Seibu контролирует MITI – министерство международной торговли и промышленности, банки же попадают под контроль министерства финансов. Склонное к сверхосторожности министерство финансов настаивает на том, чтобы владельцы банковских кредитных карточек оплачивали свои счета в конце каждого месяца. MITI же разрешает отсрочку платежей по кредиту на покупку товаров. Поэтому-то кредитные операции дают Credit Saison больший доход в расчете на каждую ссуженную йену, чем это происходит у банков. Сильная сторона Credit Saison – в широкомасштабном кредитовании. Объем операций фирмы с кредитными карточками в течение последних трех лет рос в среднем на 16% в год, размер ссудного капитала на 28%. Эта изначально торговая компания создает отделения по кредитному поручительству, в рамках которого предлагает услуги и предоставляет доступ к своим патентным программам SCREEN, субсидирует долгосрочную аренду и осуществляет продажу золота и ценных бумаг мелкого достоинства.

Credit Saison занялась также автоматизированными платежами. У нее уже есть небольшое количество собственных денежных автоматов, но она имеет доступ к более чем одной тысяче автоматов, принадлежащих другим небанковским учреждениям. Вместо того чтобы обращаться к банкам для оплаты своих счетов (что стоит денег), обладатели кредитных карточек фирмы могут воспользоваться этими автоматами. Однако самая маленькая японская банкнота равна одной тысяче йен, счета же, как правило, выражаются некруглыми суммами. Поэтому, чтобы не навлечь на себя запрет на прием депозитов, автоматы Credit Saison возвращают сдачу с банкнот. Банкам ничего не остается, как пассивно наблюдать за все увеличивающейся утечкой комиссионных доходов и надеяться, что министерство финансов окажет давление на Credit Saison с тем, чтобы та несколько уредила темпы экспансии.

Обхаживание потребителя

Коммерческим банкирам Японии приходится смотреть в оба. Потребительский рынок в этой стране развит сравнительно слабо (хотя Япония и в этом отношении быстро догоняет другие страны). В прошлом крупные банки уделяли основное внимание корпорациям, а кредитование частных лиц предоставляли кредитным компаниям (шимпан) и мелким ростовщикам. Так что на потребительском рынке еще предостоят бои. Размер ссуд, выданных банками частным потребителям, за исключением ссуд на покупку дома, увеличился с 1986 г. почти в 9 раз и к концу 1990 г. достиг 13 триллионов йен. Это, однако, мелочи по стандартам кредитных японских банков, так что их не оставляет соблазн расширить долю своего участия на рынке кредитования частных потребителей.

Но и небанковские учреждения ведут жесткую борьбу за рынок, и это касается не одних только дальновидных розничных торговцев услугами. В числе давних конкурентов – фирмы по торговле ценными бумагами и почтово-сберегательные кассы. Последние – особо опасные конкуренты, ибо они могут опереться на собственную сеть почтовых отделений, которых насчитывается в стране более 20 тысяч. К названным конкурентам нужно добавить еще страховые компании. Команды обслуживающих население на дому стра-

ховых агентов крупнейшего в мире страхового общества Nippon Life уже давно опередили банки в борьбе за сбережения японских домохозяек, а уж те-то йенам знают счет!

Страховое общество Nippon Life не делает секрета из своих намерений выйти за пределы страхового бизнеса. Но внутри страны фирма скована дифференцированной финансовой системой, хотя власти в Токио не мешают ей «бить крыльями» за границей, где ушибы от падений, как полагают государственные служащие, будут не столь серьезны. В 1986 г., заплатив кругленькую сумму в 580 миллионов долларов, Nippon Life приобрела 13% капитала инвестиционного банка Shearson Lehman Hutton. Примеру общества Nippon Life последовало другое страховое общество Yasuda Life, не пожалевшее 300 млн. долл., чтобы купить 18% капитала банка Paine Webber (нью-йоркского соседа банка Shearson), а вскоре и Sumitomo Life купило за 14 миллионов долларов 15% капитала эдинбургского банка Ivory & Sime.

Новые термины

Японцам, видимо, придется последовать примеру немцев и французов и придумать собственное обозначение для союзов между банками и страховыми компаниями. В Европе такие союзы стали столь обычным явлением, что французы уже говорят о *bancassurance* (банкостраховании), а западные немцы – об *Allfinanz*. В Японии такие союзы возможно станут называть – *ginsei*. В настоящее время, впрочем, японцы больше озабочены тем, чтобы усвоить различные троики подобных альянсов (Nippon Life ежегодно посылает в Нью-Йорк 20 человек персонала для обучения в Shearson). Тем временем новым стимулом для европейских компаний, действующих в сфере финансовых услуг, стала запланированная с 1992 г. интеграция рынков стран-членов Европейского Сообщества. Директивы политических органов ЕС, направленные на наведение порядка на страховых рынках, должны быть окончательно определены в этом году.

Страховая индустрия в Европе чрезвычайно развита, но, в отличие от США, здесь она весьма раздроблена. По размеру чистого дохода от сбора взносов только одна компания – западногерманская Allianz – входит в группу 15 ведущих компаний мира. Примерно двум тысячам других страховых компаний Европы придется, видимо, объединиться в несколько больших групп, если, конечно, они хотят выжить в новых условиях. Можно утверждать, что 1992 г. только ускорил приход того, что рано или поздно должно было случиться в страховой индустрии.

Уже сейчас союз с банками дает страховым компаниям (равно как и банкам) новые возможности для маркетинга. Возьмем к примеру крупную немецкую Allianz. Она объединилась с Dresdner Bank и через его отделения продает свои страховые полисы. В то же время 20 тысяч страховых агентов Allianz стали толкачами банковских услуг. Кроме того Allianz учредила совместное предприятие с испанским Banco Popular и через 1.600 его отделений распространяет свои полисы по страхованию жизни. Подобный же контракт заключила британская Commercial Union с итальянским Credito Italiano, но он предусматривает и другие виды страхования, а не только страхование жизни. Во всяком случае, первые сведения о результатах совместной деятельности свидетельствуют о том, что партнерство расширяет масштаб деятельности как банков, так и страховых обществ.

Правила игры нужно менять

В отличие от американских и японских коммерческих банков, универсальные банки Европы могут, не боясь ограничений, вклиниваться в сферу деятельности инвестиционных банков, в обычную коммерцию и в область финан-

совых услуг. Однако законы, запрещающие американским и японским банкам заниматься инвестиционным банковским делом, коммерцией и операциями небанковских учреждений, в обеих странах теряют свое значение под воздействием дерегулирования, межотраслевой конкуренции и готовности правительственных финансовых служб смотреть сквозь пальцы на нарушение буквы закона. В обеих странах обсуждаются проекты грандиозных реформ, причем дискуссии о том, быть или не быть новой единой системе финансовых услуг, при которой финансовые учреждения будут иметь широкий выбор рода занятий, уступили место обсуждению деталей этой системы.

Позиция финансовых служб в этом вопросе вырабатывалась в то время, когда страхование, банковское дело и торговля фондовыми ценностями совершенно не были между собой связаны. Поэтому для страховых компаний существовали свои службы, для банков – свои и т.д. По мере того как финансовые предприятия все больше и больше объединяют свои усилия, тот же процесс должен происходить и с финансовыми службами, если, конечно, они не хотят походить на ушедших в отставку генералов, вечно готовящихся к повторению последней войны.

В книге «Богатство народов», появившейся в том же году, что и Декларация независимости, Адам Смит, говоря о правительственном контроле над деятельностью банков, сравнил такой контроль с пожарной командой: она нужна для того, чтобы огонь от одного дома не перекинулся на дом соседа и не сжег его дотла. Джеральд Корриган, президент New York Federal Reserve Bank, разделяет эту мысль, хотя он, как и подобает руководителю Центрального банка, более осторожный сторонник свободного рынка на поприще финансов, чем Адам Смит.

Дж. Корриган выделяет две основные функции банковской и финансовой системы. Во-первых, она должна объединять усилия вкладчиков и инвесторов и тем самым способствовать эффективному размещению капитала. Другая ее задача – поддержать платежный оборот. Каждая из этих функций связана с предоставлением кредитов. Это означает, что в обоих случаях остро стоит вопрос о «качестве» кредитных решений, то есть о способности оценить уровень ликвидности частных учреждений, чтобы не нужно было без особой надобности прибегать к кредитору высшей инстанции, каким является Центральный банк.

Существует превосходный способ сосватать тех, у кого есть деньги, с теми, кому они нужны. Называется он рынком ценных бумаг. Акции и ценные бумаги продаются здесь непосредственно инвеститорам, при этом решение о кредитах зависит от самого инвестора и в меньшей степени – от финансового учреждения, гарантирующего размещение ценных бумаг, или же от ведомства, определяющего рейтинг кредитоспособности. Для надежных клиентов, какими являются правительства и некоторые компании, рынки ценных бумаг часто представляют собой наиболее эффективное средство перераспределения капитала.

Можно было бы создать такую финансовую систему, при которой рынки ценных бумаг стали бы единственным «местом встречи» накопителей капиталов с теми, кто ищет деньги, но для большинства эта система обернулась бы кошмаром. Представьте себе, что для покупки автомобиля пришлось бы выпустить облигацию, чтобы получить какое-то количество наличных денег. Серьезные экономические операции вскоре застопорились бы из-за отсутствия высоколиквидных и легко перемещаемых финансовых средств.

Создание обширного и разветвленного рынка таких средств – задача посредников, кредитных банков и компаний. Посредники принимают наличные деньги у частных лиц и компаний и создают депозиты, которые могут быть возвращены их владельцам или же переведены к третьим лицам по номиналу. Но главным образом накопленные средства расходятся на ссуды тем, кто нуждается в капитале.

Важнейший момент в деятельности коммерческих банков сводится к убеждению вкладчиков в том, что их средства могут быть возвращены им по первому требованию, а те деньги, в которых владельцы временно не нуждаются, вкладываются в экономику и приносят доход. Если вкладчики подозревают, что их капиталу грозит какая-то опасность, скажем, из-за значительных рискованных ссуд, на которые пошел банк, то они изымают свои деньги из банка. Понятно, что если доверие к банку падает, это ведет к массовым изъятиям вкладов и ликвидной панике.

Для предупреждения всего этого правительства требуют от банков точности в оценках кредитоспособности заемщиков и такого ведения дел, которое исключило бы подрыв доверия населения. Правительство требует также, чтобы банки держали под рукой часть депозитов – больше чем нужно на повседневные нужды вкладчиков.

Создание слабо контролируемыми или вовсе неконтролируемыми небанковскими учреждениями аналогичных институтов для приема вкладов и выдачи ссуд, таких как взаимные фонды денежного рынка, угрожает подорвать коммерческие банки. Чтобы этого не произошло, необходимо как-то менять финансовую систему, но любые перемены при этом должны надежно обеспечить функцию депозитных посредников, невзирая на то, какого рода учреждения будут ее осуществлять в будущем.

Кредит и риск

С точки зрения финансовой системы в целом, предоставление кредита не является разовым мероприятием по ссуживанию деньгами или же по выпуску ценных бумаг. Так как кредитование по самой природе предполагает определенный риск, то кредиторы должны быть всегда готовы к потерям. Они должны как можно быстрее выявить, когда заемщики становятся неплатежеспособными и изолировать сомнительные сделки, чтобы они не привели к сбоям или краху всей системы кредитования. В собственных интересах кредиторов и ради общего блага иногда возможна отсрочка платежей тем заемщикам, которые временно оказались в трудном положении.

В прошлом банки субсидировали клиентов из собственных накоплений и служили им в качестве прикрытия, то есть в качестве резервного источника ликвидности. Поэтому именно они, а не держатели ценных бумаг, решали вопрос о выдаче кредитов, контролировали кредитоспособность заемщика в течение всего срока предоставления кредита и принимали меры в случае возникновения проблем. Банки действительно могут проявить большую гибкость, когда дело касается проблематичных кредитов, чем держатели ценных бумаг. Последним, как правило, приходится считаться с условием договора о займе, которое предусматривает немедленное погашение ссуды. Таким образом, функция прикрытия, подстраховки кредитора по-прежнему необходима для сохранения стабильности кредитной системы в целом. Так что любая новая система регулирования должна предусмотреть, чтобы какое-то учреждение – не один только Центральный банк – взяло на себя функции прикрытия.

На первый взгляд, это противоречит тем самым тенденциям свободного рынка, под давлением которых старая банковская система дала трещину. Действительно, все большее и большее количество учреждений, далеких в прошлом от финансовой деятельности, вовлекаются в процесс кредитования, но сам по себе этот процесс не перерождается. Это означает, что хотя роль кредитных банков сужается, тем не менее необходимость в них не исчезает. Взять хотя бы выпуск ценных бумаг. Количество таких бумаг на рынке все увеличивается, но выпуск любой ценной бумаги прямо или косвенно связан с одобрением коммерческих банков. В частности, доверие к ценным бумагам увеличивается, если одновременно производится так называемое кредитное

дублирование, то есть известно, что тот, кто выпустил ценные бумаги, получил кредит у коммерческого банка. Итак, кредитные компании и коммерческие банки по-прежнему остаются двумя столпами всей кредитной системы. Третий столп – система платежей.

С полным доверием

Система платежей – это тоже кредит, только в более широком масштабе. Устойчивость системы зависит от партнера по коммерческой или финансовой сделке, от его уверенности, что финансовые средства перейдут, не меняя номинала, из одних рук в другие, причем в приемлемой для него форме. Другими словами, получатель должен быть уверен в надежности платежа. В большинстве случаев стороны в сделке не располагают подробными сведениями о кредитоспособности друг друга и вынуждены полагаться на посредника, которым выступает финансово-кредитное учреждение. Именно поэтому банковская тратта (переводной вексель) приобретает силу наличных денег, и система чеков оказывается весьма эффективной.

Проблема государственных финансовых служб сводится к тому, что большинство платежей по-прежнему осуществляется финансово-кредитными учреждениями, и поэтому система платежного оборота чувствительна к неудачам этих учреждений. Банкротство даже небольших учреждений, связанных с розничными платежами, может обернуться шоком для всей финансово-кредитной системы. Если же обанкротится крупное оптовое учреждение, связанное с электронной системой платежей, то может наступить полный паралич. Дело не только в огромных размерах сделок, проходящих через электронные платежные системы, – объем таких платежей в долларах составляет ежедневно свыше одного триллиона долларов, – но и в том, что это в основном сделки финансовые, такие, например, как покупка и продажа банковских фондов или продажа иностранной валюты. Так как доллар является мировой резервной валютой, то такие сделки затрагивают не только тысячи финансовых учреждений США, но и учреждения всего мира, отстоящие от них в компьютерных цепях всего на одно звено. Взаимозависимость в мировой платежной системе может привести в ужас. Ужасает и незащищенность кредитов, пусть даже на непродолжительное время. Ведь доступ к платежам осуществляется через компьютер и зависит от окончательных расчетов в конце каждого рабочего дня!

В США электронные системы оптовых платежей находятся в ведении коммерческих банков Федерального резервного управления. Электронных систем несколько, и две крупнейшие – это CHIPS (принадлежит объединению New York Clearing House Associations) и Fedwire. Как правило, CHIPS и Fedwire ежедневно обрабатывают платежи на сумму 450 млрд. долларов, а система Fedwire дополнительно обрабатывает переводы ценных бумаг на сумму 250 млрд. долларов. Эти цифры сами по себе свидетельствуют об эффективности платежных систем. Однако «электронные» платежи ведут к сокращению запасов наличных денег, которые должны играть роль ликвидных амортизаторов на случай сбоя. Амортизаторы (резервные запасы) включают в себя межбанковские депозиты до востребования, резервные запасы банков, которые держит Fedwire, и остатки денежных средств клиентов, пользующихся услугами CHIPS или Fedwire. Сокращение запасов наличных денег беспокоит многих финансистов. Если оптовые электронные платежные системы будут работать ненадежно, то в опасности окажется вся банковская система, а вместе с нею и мировая экономика. Это та область, где во имя общего блага следует установить самые строгие нормы контроля.

Внезапная неполадка в компьютерах даже одного учреждения системы платежей может вызвать хаос. Так как электронная система платежей объединяет компьютерные цепи разнородных учреждений, то выход из строя

одного звена приводит к разрыву всей цепи. К сожалению, то одна, то другая подсистема выходит из строя чаще, чем хотелось бы. По данным журнала *American Banker*, каждый десятый банк пережил за последние десять лет неприятности, к которым приводит отказ головного компьютерного центра. Сегодня остро стоит вопрос о необходимости дублировать основные узлы компьютерных цепей, то есть создавать «обходные пути» на случай неполадок.

Но даже серьезные технические неполадки не приведут к той неразберихе, которую способен вызвать кредитный шок. Здесь несколько уязвимых мест. Во-первых, операция выдачи платежа занимает несколько часов, и если по ходу выясняется, что на чьем-то счету нет денег, наступает сбой, и риску подвергаются многие учреждения, включенные в платежную сеть, но не связанные непосредственно с обанкротившейся компанией. Во-вторых, уязвимость усугубляется огромным размером и жесткой взаимозависимостью системы платежей. В-третьих, ликвидный амортизатор банковского риска здесь слишком хрупок. В-четвертых, многоотраслевой международный характер системы Fedwire позволяет многим участникам выходить из-под ее контроля.

Возможны два подхода к решению этой проблемы. Можно сохранить прежнюю систему, модернизируя ее таким образом, чтобы сократить до минимума время, отведенное на выполнение платежных операций. Можно к тому же ввести стандартизацию компьютерных систем отдельных компаний в качестве условия получения доступа к общим системам Fedwire, CHIPS и т.д. Другой подход заключается в том, чтобы рассматривать оптовые системы платежей как общенациональное достояние и передать их под полную ответственность, скажем, Fedwire. В этом случае система Fedwire превратилась бы в национальное агентство, которое частные финансово-кредитные учреждения могли бы контролировать совместно с Центральным банком. Надежность платежной системы можно существенно увеличить, сделав ее международной, контролируемой консорциумом центральных банков.

Совместить несовместимое

Ключевая проблема, перед которой стоят реформаторы, заключается в следующем: как перестроить механизм функционирования кредитно-финансовой индустрии, чтобы он не препятствовал игре свободных рыночных сил на «финансовом» поле, но вместе с тем гарантировал прочность этого станового хребта экономики? Сделать это настолько сложно, что многие эксперты считают, что всеобщее регулирование в области кредитов и финансов – недосягаемая мечта. Действительно, пока что мы являемся свидетелями операций косметического характера – слияния контрольно-финансовых служб, стандартизации отчетности и правил оценки риска, отказа от контроля за деятельностью тех или иных компаний и т.д. И все же перспективы здесь есть. Верное направление – отказ от контроля финансовых учреждений в зависимости от их характера (а часто названия) и переход к «регулируванию по функции», то есть вместо контроля за субъектом деятельности, регулирование необходимо превратить в контроль за объектом деятельности.

Перестройка системы

Но пока идут разговоры о всеобъемлющем регулировании, бессистемные меры по улучшению кредитно-финансовой системы просто-напросто подрывают саму эту систему. Постоянно увеличивается число нездоровых явлений и перекосов в конкурентной борьбе. За дальнейшие перемены чаще всего ратуют учреждения, желающие либо смягчить свое неблагоприятное положение на рынке, либо укрепиться на уже завоеванных позициях. Как в США, так и в Японии, ожесточенные политические торги вокруг всеобщего регули-

рования замедлили дебаты о реформе механизма функционирования финансово-кредитных систем. Положение осложняется тем, что острая конкуренция удерживает цены на ряд финансово-кредитных услуг на искусственно низком уровне при неоправданно завышенном наборе этих услуг. Долго так продолжаться не может, ибо чем дольше сохраняется перекося в финансово-кредитной системе, тем больше вероятность системного риска, то есть срыва всей системы в целом.

Давно прошли времена, когда правительственные финансовые службы пытались удерживать рынок в узде старой системы регулирования. Сегодня они не могут противостоять натиску сил свободного рынка и широкому внедрению современной технологии. Но, с другой стороны, мало кто из капитанов финансовой индустрии готов к той политической борьбе, которую необходимо вести за фундаментальные перемены. Даже в Японии, где регуляторы пользуются огромным влиянием и где финансово-кредитная система перестраивается с учетом потребностей обновляющейся экономики, даже там этот процесс развивается в направлении, задаваемом рыночными силами, а не целенаправленной политикой регулирующих учреждений.

Что касается рынка, то он явно стимулирует совместное владение банками, страховыми компаниями и коммерческими фирмами. К идее объединения банковского и кредитного дела склоняются и многие реформаторы в США, хотя это противоречит закону, запрещающему такое объединение во избежание чрезмерной концентрации финансового могущества. И все же перед реформаторами от регулирующих органов встает вопрос – должны ли они плыть по течению и полностью подчиниться диктату рыночных сил или придерживаться правила, что банковское дело – это особая сфера экономики, требующая регламентации и контроля. Все согласны, что настало время устранить аномалии, связанные с тем, что одни и те же финансовые услуги предлагают учреждения совершенно разного характера. Вызваны эти аномалии «совместным правлением» в финансовой индустрии регулирования и рыночных сил. Ясно, что регулирование здесь должно отступить: оно должно быть изменено или отменено вовсе.

В то же время мало кто из реформаторов склонен пустить в «общий дом» и чисто коммерческие фирмы. Во-первых, многие опасаются, что в этом случае регулирующие законы станут столь сложными и громоздкими, что утратят всякую эффективность. Во-вторых, если кредитно-финансовые учреждения получат «страховой полис», то те же гарантии придется предоставить и коммерческой компании в том случае, когда она является владелицей финансовых или кредитных учреждений. Если, к примеру, американская автомобильная компания окажется на грани банкротства, то станет ли Fedwire выручать ее из беды, чтобы защитить интересы вкладчиков, пользующихся услугами сберкассы, которой компания владеет? А что если Toyota, являющаяся совладелицей семи японских банков, в один прекрасный день станет хозяйкой американского банка?

Те, кто полагают, что в разграничении коммерции и банковских услуг нет надобности или что оно неосуществимо, заявляют, что Fedwire не имеет права ставить подпорки под здание разваливающегося банка, не обращая внимания на то, кто им владеет. Противники разграничения пришли в ужас, когда Mega Bank, сберегательное и кредитное учреждение, которым владела компания атомной электростанции штата Аризона, попало в беду. Компания попыталась отречься от своего филиала, но регуляторы настояли на том, чтобы она поддержала его с помощью дополнительных капиталовложений. Противники разграничения утверждают, кроме того, что отделение финансово-кредитных филиалов компании от ее прочих филиалов – в том случае, если необходимость отделения будет признана, – вовсе не означает, что совмещение в одних руках коммерческой и финансово-кредитной деятельности должно быть запрещено. «Пожарные перегородки», утверждают они, могут быть поставлены не только между коммерческими и финансовыми компания-

ми, но и между коммерческими и финансовыми филиалами одной и той же компании. Сторонники разграничения возражают, что сделать это чрезвычайно сложно, ведь пришлось бы вмешиваться во внутреннюю жизнь компаний.

Дискуссии вокруг вопроса о необходимости регулирования и разграничения сфер в кредитно-финансовой и банковской индустрии могут продолжаться до бесконечности, но ясно одно – быть наполовину беременной нельзя. Финансовое дело либо нужно «отпустить на волю», отдав его в полное распоряжение рыночных сил, либо признать, что финансы – особо важная сфера экономики и регулирование и контроль здесь абсолютно необходимы. В последнем случае небанковским учреждениям следует запретить владеть банками или заниматься банковским делом. В то же время за ними следует сохранить право предоставлять небанковские услуги при условии, что они согласятся на разумный контроль со стороны регулирующих органов и, в частности, с требованием о необходимости резервного капитала.

На мировых рынках

Во что выльется перестройка банковской и кредитно-финансовой индустрии, какие тенденции возьмут здесь верх, еще не ясно, но одно очевидно – финансово-кредитная система в главных финансовых центрах мира унифицируется, приобретает общие черты. И чем шире проявляется эта тенденция, тем громче раздаются голоса о необходимости согласовать структуру, систему регулирования, бухгалтерскую и налоговую политику разных стран. Конечно финансы – не та сфера, где легко и просто установить международные нормы, но международная кредитная и ликвидная зависимость сегодня настолько велики, что вопросы унификации перестают быть сугубо национальным делом.

Интернационализация и унификация финансово-кредитной индустрии, в свою очередь, очень остро ставит вопрос о равных шансах на мировых финансовых рынках для тех или иных видов финансово-кредитных услуг и о зарубежных владельцах соответствующих финансовых учреждений. У американцев здесь две претензии. Суть одной в следующем. Крупные американские банки, скованные регулированием, постоянно теряли свои кредитные позиции и в конце концов вынуждены были уступить ведущую роль на мировых финансовых рынках. Продолжающееся регулирование лишает их шансов в конкурентной борьбе с японцами и европейцами. Смысл второй претензии в том, что американские учреждения не пользуются тем же широким доступом на иностранные рынки, какой открыт для зарубежных фирм в США. В данном случае под «зарубежными» многие американцы подразумевают японские.

Посмотрим, что конкретно произошло в финансовом мире за последнюю четверть века. В 1965 г. в числе крупнейших банков мира, классифицированных по депозитам в долларовом выражении, не было ни одного японского банка. Сегодня в эту категорию попадают только японские банки. Даже если за основу классификации взять активы банковских компаний, – все равно в первом десятке банков мира окажутся только японские банки. А ведь четверть века назад первые четыре ведущих банка мира были американскими, и еще два американских банка входили в десятку крупнейших банков мира наряду с двумя английскими и двумя канадскими.

Однако сегодня размер банка не является единственным показателем его могущества. Американские банки выглядят намного внушительнее, если судить о них по прибыльности. По доходам с активов только один из ведущих банков Японии, Norinchukin, банк фермерских кооперативов, мог бы попасть в первую десятку банков США. Американские банки успешно удерживали свои позиции в борьбе с японскими соперниками. То же можно сказать и об американских небанковских финансово-кредитных фирмах. Одна треть из десяти ведущих фирм-гарантов на международном рынке облигаций – американские

фирмы (Merill Lynch, Bankers Trust и J.P.Morgan). Страховые компании Aetna Life и American International, а также American Express входят в первую десятку небанковских фирм мира.

Труднее спорить с тем, что кредитоспособность американских фирм резко снизилась, причем спад пришелся на восьмидесятые годы. В 1982 г. четыре из десяти американских банков по оценке авторитетной фирмы Standard & Poog's получили высший рейтинг—AAA. К концу же десятилетия такую высокую оценку получили 12 иностранных банков и только один американский. То же произошло и с американскими инвестиционными банками.

Сколь справедливы претензии американцев, в какой мере отставание американских банков и финансово-кредитных учреждений явилось результатом неравных условий конкуренции или объективных, безликих процессов, происходящих в мировой экономике, — вопрос сложный. Ясно одно — дальнейший прогресс в финансово-кредитной индустрии связан с унификацией кредитно-финансовых операций и предоставлением равных шансов всем.

О справедливости, иностранцах и границах

Конечно, те или иные стороны банковского дела связаны с национальными интересами, но можно ли оправдать введение дополнительных ограничений для иностранцев, когда дело касается предпринимательства в сфере финансов? В большинстве стран считают, что основания для этого есть. Прежде всего, индустрия финансов является стратегической отраслью экономики. Во-вторых, присутствие иностранных учреждений может мешать проведению Центральным банком валютной политики. В-третьих, иностранные фирмы трудно контролировать и заставить подчиняться национальному регулированию.

Последние два аргумента можно опровергнуть, так как ничто не мешает установить более тесное сотрудничество между центральными банками и службами финансового регулирования разных стран, хотя на практике такие попытки чаще всего приводили к половинчатым мерам. С первым аргументом, указывающим на стратегический характер банковского дела, спорить трудно; можно разве что привести контраргументы самого широкого философского плана. Участие иностранных банков может, например, оживить конкуренцию. В частности, американские компании могли в свое время получать более дешевые ссуды за счет наплыва в страну в семидесятых годах иностранных банков. Но даже если во всех странах придут к убеждению, что все три аргумента в пользу национального протекционизма несостоятельны, факт остается фактом — институционные и правовые различия затрудняют «выравнивание шансов» для национальных банковских и кредитно-финансовых учреждений на международной финансовой арене. Для того, чтобы изменить положение дел, то есть уравнивать шансы национальных учреждений на мировом финансовом рынке, необходимо действовать в трех направлениях.

Прежде всего, при регулировании деятельности иностранных финансовых учреждений необходимо отказаться от принципа взаимности, то есть от такого порядка вещей, когда к иностранным финансовым учреждениям относятся так же, как к отечественным. Следует распространить правила национального режима на иностранные фирмы в той же мере, в какой они являются нормой для фирм отечественных. То есть иностранные финансовые учреждения должны получить право заниматься в США всем тем, чем дозволено заниматься американским фирмам, и на них должны быть наложены те же ограничения, что и на отечественные фирмы.

Выгодно ли это американцам?

Строгое применение национального режима по отношению к Японии поставило бы американские коммерческие банки в невыгодное положение, потому что им, в отличие от коммерческих банков Японии, не дозволено открывать

филиалы для операций с ценными бумагами. С другой стороны, распространение национального режима было бы выгодно американским фирмам, желающим попасть в Европу после интеграции внутреннего рынка Европейского Сообщества. После 1992 г. любое предприятие, имеющее право заниматься банковским делом и размещением ценных бумаг в одной из стран – членов ЕС, получит возможность вести свое дело во всех других странах, входящих в этот союз, при условии соблюдения разумных регуляционных норм данной страны, в частности по коэффициентам ликвидности.

При всем том финансовым фирмам не следует забывать, что сам по себе доступ на рынок не гарантирует успеха. Творцы нового порядка не имеют права манипулировать международными рынками ради того, чтобы создать преимущества в конкурентной борьбе для американских фирм ввиду недостатка у них капитала. В равной мере не следует сдерживать американские фирмы из-за того, что они располагают преимуществом в передовой технологии.

Другое направление, в котором обязаны действовать те, кто хотел бы навести порядок на международном финансовом рынке и уравнивать шансы всех, – это установление норм капитала для банков, желающих действовать на международной арене. Шаги в этом направлении уже предприняты, и следует сказать, что учреждение эквивалентных *норм капитала* для всех международных банков в соответствии с правилами Банка международных расчетов стало одним из самых значительных достижений в системе международного регулирования в восьмидесятые годы.

Наконец, в качестве третьего шага необходимо выработать международные нормы страхования депозитов. Но что следует взять за основу международной системы страхования? Если она будет основана на взносах, устанавливаемых по степени риска, то это ударит по американским банкам. Их платежи по страхованию уже теперь сравнительно высоки (8,33 цента за каждые 100 долларов застрахованных депозитов, что в пять раз превышает нормы платежей в банках Западной Германии и в десять раз – в Японии). Положение американских банков усугубляется еще и тем, что взносы в фонд страхования оцениваются исключительно по их внутренним депозитам. Поэтому, если при определении размеров взносов будут учитываться все депозиты, – что, наверное, будет предусмотрено международным соглашением, – то крупные международные банки понесут дополнительные потери в чистом доходе. Еще больше пострадают французские и голландские банки.

Чем же станет банк?

Если послушать г-на Томаса Тиоболда, президента Continental Bank, то банки будут такими, как их представляют себе поставщики и потребители финансово-кредитных услуг. Г-н Тиоболд верит только в то, что рынок приведет к «колоссальной перестройке» банковского дела. Он отмахивается от регуляторов и законодателей как от «приверженцев центрального планирования». Во всяком случае, им не удастся, как он считает, «правильно отреагировать на происходящие перемены». Может быть, им вообще не вмешиваться? Это было бы идеально, тем более, что рыночные силы действуют очень быстро и регуляторам так или иначе за ними не поспеть. Конкуренция и передовая технология бешеными темпами преобразуют банковское дело. Немногим более десяти лет назад коммерческий банк занимался тем же, чем и в течение многих предшествовавших десятилетий: надежно хранил вклады, ссужал деньги частным лицам и компаниям и регулировал их платежи по счетам. Все это сегодня составляет лишь малую часть работы банка, которой к тому же занимаются и другие финансово-кредитные учреждения.

Регуляционной структуре недостает гибкости, чтобы приспособиться к новым условиям. Созданная ею система безопасности – страхование депозитов

для защиты банковских сделок – стала малопригодной. Вместо того чтобы должным образом стимулировать контроль над рискованными операциями, она стала поощрять чрезмерный риск. Вызванные нездоровой конкуренцией затруднения, которые не удалось преодолеть ликвидацией избыточных «производственных мощностей», привели к тому, что стали искусственно занижаться цены на финансовые услуги – они дошли до уровня, не покрывающего себестоимости, и кредитоспособность всей системы оказалась в опасности.

Регуляторы и банкиры соглашаются с тем, что контроль над рискованными операциями должен в большей мере осуществляться рынком, в меньшей – регуляционными службами. С другой стороны, надзор над финансово-кредитными учреждениями необходим: власти должны зорко следить за устойчивостью финансово-кредитной системы. Как показал г-н Рэндалл из Fedwige, способность рынка оценивать риск будет оставаться неполной до тех пор, пока он не будет располагать всей необходимой информацией. Но ее-то как раз и недостает из-за присущих банковскому делу коммерческих тайн. Можно, однако, реализовать меры общего характера, способные заставить рынок работать как следует.

Во-первых, следует ликвидировать существующую несправедливость с тем, чтобы все желающие заниматься финансово-кредитной деятельностью могли получить доступ ко всем операциям в обмен на обязательство придерживаться существующих правил контроля. Фирмы, требующие доступа к ликвидным средствам Центрального банка или системам оптовых платежей, должны жестко контролироваться Центральным банком, призванным не допустить краха финансово-кредитной системы в целом.

Во-вторых, при принятии решений о кредитах и инвестициях следует лучше оценивать риск. Требования в этом отношении должны исходить скорее из функционального, чем из институционального характера финансового учреждения. Если допустить, что без страхования депозитов не обойтись по политическим соображениям, дополнительной защитной мерой могла бы стать увязка размеров взносов в фонд страхования с характером риска. Столь же полезно было бы покончить с национальным страхованием всех депозитов в крупных банках – страхованием, основанным на вере, что эти банки слишком велики, чтобы обанкротиться.

В-третьих, надзор за финансовым положением клиентов должен быть усилен, чтобы можно было вовремя распознать симптомы банкротства. В числе мер надзора может быть право на ограничение активов и другие полномочия на вмешательство, способные заставить финансовые учреждения изменить структуру своего капитала.

В качестве последнего гаранта должно выступить само государство, которое обязано стоять за всей системой платежей и стараться предотвратить развал экономики, к которому могут привести сбои в этой системе. Но эффективность последней инстанции не в том, что к ее услугам можно прибегать, а в том, что она существует. Г-н Лоренс Уайт, профессор экономики Нью-Йоркского университета и бывший член правления Федерального банка, как-то сказал про систему безопасности регуляционной структуры, что «она появилась на свет в качестве спасательного жилета, но потом превратилась в роскошную яхту». Заставить владельцев финансово-кредитных учреждений подкреплять риск, на который они идут, их собственным капиталом – вот самый надежный путь, который лишит их возможности совершать на этой яхте увеселительные прогулки.

Майкл СУЭЙН
(Санта Моника, США)

КИТАЙ В КРИЗИСЕ

После трагедии на площади Тяньаньмэнь руководство Китайской Народной Республики полно решимости восстановить полновластие централизованного социалистического государства. С точки зрения некоторых наблюдателей, это означает возврат Китая к классическому тоталитаризму, к жесткой внутренней политике времен Мао Цзедуна. Таким образом, Китай переживает еще одно колебание исторического маятника – на сей раз назад, к тотальному контролю партии над обществом, к последовательному подавлению прав и свобод, к централизованному экономическому планированию. Этот взгляд можно назвать «концепцией возрождающегося тоталитаризма».

Однако большинство специалистов по Китаю убеждено в том, что происходящие в стране события представляют собой всего лишь последние судороги отмирающей системы, возглавляемой престарелыми реакционерами. Страна переживает историческую паузу перед скорым уходом со сцены Дэн Сяопина и его соправителей, после чего должен наступить крах нынешнего режима, а также – что весьма вероятно – и коммунистической системы в целом. Этот прогноз исходит из предположения, что в Китае, как и в Восточной Европе, напор сил экономической и политической реформы неодолим и это обеспечивает относительно близкое возобновление поступательного развития страны. Такую точку зрения можно назвать «концепцией необратимой реформы».

Эти два взгляда на будущее Китая, при всей своей противоположности, имеют один общий тревожный элемент. Сторонники обеих концепций полагают, что ход перемен зависит прежде всего от руководства страны, что любые колебания между реформой и реакцией происходят в основном в результате борьбы между реформаторами и консерваторами в высшем эшелоне власти. Такой подход представляет собой грубое упрощение ситуации. Недооценивается значение реальных проблем, стоящих перед Китаем, и в то же время преувеличивается способность *любого* руководства страны эффективно разрабатывать и осуществлять свою политику.

Китайская политическая система находится сейчас в критическом состоянии. Что касается экономики, то ни проводившиеся реформы, ни программа экономии, введенная для нейтрализации негативных явлений в сентябре 1988 г. пока не затронули основных пороков системы. Эти пороки имеют структурный характер и связаны с острым дефицитом важнейших ресурсов (энергии, транспортных средств, капиталов, современных технологий, навыков хозяйственного управления и маркетинга), а также, что еще более важно, со снижением эффективности использования этих ресурсов. В политическом отношении реформы последнего десятилетия, проводившиеся в ограниченном объеме и по частям, породили не меньше проблем, чем смогли разрешить, ибо вступили в противоречие с объявленной целью – повысить устойчивость, предсказуемость режима, придать ему более легитимный характер. События на площади Тяньаньмэнь следует рассматривать как крупнейшее из ряда социальных потрясений, возникших на почве частичной политической реформы. После этих событий кризис политический тесно сплелся с кризисом экономическим.

Чтобы выйти из тупика и добиться дальнейшего прогресса, необходима разработка и проведение гораздо более радикальных экономических и политических мер, так как продолжение нынешнего курса почти наверняка приведет к нарастанию общественно-политической нестабильности. В то же вре-

мя способность системы преодолевать трудности, возникающие в ходе преобразований, сейчас ниже, чем когда бы то ни было.

В современном китайском обществе возникли колоссальные проблемы во всех областях, определяющих жизнеспособность режима: высшее руководство расколото и не может оценивать развитие событий; низовой слой партийного аппарата как в городе, так и в деревне утратил устойчивое положение и решительность, нередко не имея ни возможности, ни желания выполнять требования центра; государственный и партийный аппараты среднего и высшего уровня структурно раздроблены и находятся в конфликте, причем нынешние интересы и взгляды аппаратного руководства вступают в противоречие с идеей контроля из центра; наконец, армия, последний гарант порядка, охвачена глубоким внутренним кризисом, подлинные масштабы которого лишь слабо отражаются в средствах массовой информации.

Все это заставляет предположить, что в обозримом будущем, независимо от исхода смены руководства, центр не сможет ни предложить программу радикальных перемен в экономике и политике, ни восстановить свой жесткий контроль над обществом. Весьма вероятен третий вариант развития событий: долгое скольжение по наклонной плоскости к общественному хаосу, в котором центр сможет только подавлять те или иные виды политической, экономической и социальной активности, а не направлять и стимулировать процессы.

Партия: организационная расплывчатость и упадок воли

Даже на поверхностный взгляд очевидно, что за сорок с лишним лет, миновавших с 1949 г., произошло существенное расшатывание как организационной цельности, так и идеологического авторитета Коммунистической партии Китая (КПК). Это объясняется в основном следующими причинами: рутинностью работы партии в условиях экономической модернизации, непрерывной – с начала 60-х годов – борьбой внутри партийного руководства и, наконец, исчезновением почти всех вождей революции первого поколения. Однако за последнее десятилетие реформ эрозия партии усилилась и перешла на качественно новую ступень.

Упадок жизнеспособности партии происходит под воздействием трех взаимосвязанных факторов, порожденных реформой. Эти факторы таковы: 1) общее ослабление идеологического контроля и большая открытость общества по отношению к внешнему миру; 2) экономические перемены в деревне, глубоко повлиявшие на жизнь и мировоззрение сельских партийных кадров; 3) социальное перерождение партийной элиты среднего уровня.

В городах все члены партии, независимо от своего положения, оказались сильно затронуты процессом политической либерализации. Вместе с широкими слоями городского населения многие коммунисты испытывают глубокое отчуждение от режима: немало членов партии приняло участие в демонстрациях под демократическими лозунгами, проходивших весной 1989 г. Более того, многие представители городского партаппарата сомневаются в официальной трактовке демонстраций на площади Тяньаньмэнь как «контрреволюционного мятежа» и не согласны с версией о том, что бывший Генеральный секретарь Чжао Цзыян стремился расколоть партию, поощряя общественные беспорядки.

Не менее серьезные последствия для власти центра над партаппаратом имеет коренной сдвиг в функциях и интересах партийных кадров, связанный с реформами последнего десятилетия в сельском хозяйстве. До начала 80-х гг. рядовые партийные работники на местах были обычно простыми проводниками политики центра. Их старательность в выполнении инструкций, поступающих сверху, была единственным критерием общественного престижа и продвижения в партийной иерархии.

Однако после некоторого сопротивления приватизации и рыночным отношениям огромные массы деревенских коммунистов увлеклись собственным обогащением. Часть из них действовала законными способами, становясь предпринимателями или посредниками между крестьянскими хозяйствами и рынком. В то же время многие партийные работники образовали паразитическую прослойку, использующую свой контроль над информацией и административные полномочия для шантажа, вымогательства и незаконных сделок. Со временем сельские партийные кадры стали одной из важных опор реформированной сельскохозяйственной системы, находясь нередко в тесном сотрудничестве с теми крестьянами, которые получили наибольшие выгоды от изменения экономических условий.

Вместо того, чтобы испытывать недовольство и разочарование от утраты прежних корней своего влияния в деревне, основная часть сельских парторганизаторов устремилась к новым источникам власти и престижа, независимым от партийно-административной иерархии. Новая ситуация имеет вполне очевидные последствия для центральной партийной власти. Еще до событий на площади Тяньаньмэнь, а в особенности после них, партийное руководство обращало внимание на крайнюю дезорганизацию партийного аппарата, прежде всего на селе.

Помимо кризиса основной части аппарата, следует также отметить сдвиг в составе руководящей партийной прослойки среднего уровня, в руках которой находится управление крупными городскими регионами, где живет более половины населения страны. Ранее эта прослойка состояла главным образом из относительно пожилых малообразованных аппаратчиков крестьянского происхождения, имевших опыт в сельском хозяйстве, в партийной организационной, идеологической и военной работе и выдвигавшихся в ходе политических кампаний. Однако благодаря реформам на место этих руководителей пришли более молодые и лучше подготовленные (обычно с высшим техническим образованием) городские кадры. На высшие партийные должности в городах выдвигаются, как правило, люди, работающие в этих городах.

Подрыв полновластия центра особо остро ощущается в государственном управлении, где усиливаются хозяйственное «местничество» и общий паралич бюрократических структур. Что же касается собственно партии, то выдвижение на высокие посты администраторов, экономистов и инженеров способствует дальнейшему идеологическому «разложению», а вместе с ним и стиранию различий между функциями и интересами партии и государства. В результате центральные партийные структуры имеют все меньше возможностей осуществлять свое влияние на местах.

Раздробленность государственно-бюрократических структур

В сфере государственного управления бюрократические организации становятся все более обособленными и раздробленными. Соответственно уменьшается способность верхушки госаппарата точно оценивать суть проблем и проводить в жизнь свою политику. Бюрократическая власть теряет свою организационную целостность. Эта тенденция, заметная еще во времена Мао, усилилась в период реформ, когда интересы и возможности отдельных бюрократических структур получили более четкое оформление, а общая роль этих структур в политическом процессе значительно возросла.

В большинстве важных областей политики теперь требуется высокая степень координации и сотрудничества между различными отраслевыми и региональными бюрократическими структурами, между различными уровнями иерархии и, наконец, между отдельными руководителями. Поэтому решения уже обычно не принимаются в рамках отдельного бюрократического учреждения, а вырабатываются в результате многоступенчатого процесса, глав-

ную роль в котором играют сделки между различными организациями, контролирующими те или иные ресурсы и стремящимися обеспечить свои интересы.

Например, в ходе разработки и проведения важных экономических мероприятий часто обнаруживаются противоречия между различными вертикальными (отраслевыми) бюрократическими «системами» («ситун»); между горизонтальными (территориальными) управленческими структурами; между бюрократическими единицами разного ранга; наконец, между отдельными чиновниками в центре и на местах. Все эти организации и лица втягиваются в закулисные переговоры и сделки, местом для которых нередко становятся общегосударственные совещания по вопросам планирования и финансов. При этом общая линия разграничения интересов часто проходит так, что по одну сторону оказываются представители тяжелой промышленности, а по другую – группы, связанные с легкой промышленностью и сельским хозяйством, а также сторонники экономии государственных расходов.

Сложный процесс переговоров, направленных на достижение компромисса между всеми заинтересованными бюрократическими структурами, нередко приводит к тому, что смелые поначалу инициативы вырождаются в нечто весьма скромное или же отвергаются вообще. Так произошло, например, в энергетике. Из-за крайней организационной раздробленности этой отрасли возникла необходимость в постоянном сглаживании противоречий между отдельными министерствами, хозяйственными и партийными руководителями. В результате страна так и не имеет цельной и последовательной энергетической программы.

Бюрократическое соперничество тормозит разработку крупнейших энергетических проектов, таких, как сооружение ГЭС «Саньмэнься» и разведка и добыча нефти на китайском морском шельфе. Несколько министерств, связанных с энергетикой, вступили в долгие споры между собой, а также с множеством других министерств, центральных плановых органов и местных чиновников. Предметом споров были масштабы каждого проекта, финансирование, размещение, источники оборудования, технические схемы, каналы снабжения и распределения, уровень и характер участия иностранного капитала. В итоге намерения центра не были осуществлены, а участники дебатов испытали глубокое разочарование. Такое же бюрократическое соперничество наблюдалось и в связи со строительством крупного металлургического комбината в Баошань неподалеку от Шанхая. Ввоз оборудования и сооружение этого комбината растянулись с конца 70-х почти до конца 80-х гг.

Интересы бюрократии уже не те, что прежде

Структурная дезинтеграция государственного аппарата тесно связана с переменой в интересах и ориентирах представителей высшей государственной администрации. Эта перемена также препятствует центру в его попытках навязать стране свою политику. Особое значение имеют сдвиги в психологии высокопоставленных должностных лиц в министерствах и в экономических комиссиях Государственного совета.

Часто считается, что уже в силу своей прежней ведущей роли в системе централизованного планирования экономические министерства и комиссии являются мощными союзниками нынешнего руководства страны в его стремлении усилить контроль центра над экономикой. Однако вполне вероятно, что верхушка этих структур не столь уж поддерживает этот курс.

К такому предположению приводит недавняя реорганизация управления экономикой, в ходе которой при министерствах и комиссиях были созданы промышленные корпорации и инвестиционные компании. Промышленные корпорации должны использовать различные формы экономических контрактов,

чтобы обеспечить производство товаров, за которые несет ответственность то или иное министерство. Помимо этого, правительство поощряет корпорации получать прибыль от коммерческой деятельности, причем не обязательно в рамках отрасли, подведомственной данному министерству. Задача инвестиционных компаний состоит в том, чтобы обеспечивать промышленные корпорации финансовыми ресурсами для осуществления официально утвержденных крупных проектов, особенно в области энергетики и транспорта. Как и корпорации, инвестиционные компании должны не только способствовать реализации крупных государственных программ, но и давать прибыль. Новые организации часто укомплектованы бывшими высокопоставленными министерскими чиновниками (в случае корпораций) или членами Государственной плановой комиссии (в случае инвестиционных компаний). При этом многие работники новых структур сохраняют тесные связи со своими старыми учреждениями.

Поскольку новые хозяйственные организации имеют своей задачей заключение контрактов и иных сделок, а также получение прибыли, то уже в период, предшествующий событиям на площади Тяньаньмэнь, связи этих организаций с другими экономическими структурами вышли за пределы прежней административно-командной системы с ее вертикально-отраслевыми отношениями. Сформировался новый тип экономических связей горизонтального квазирыночного характера. В результате возникла сеть сложных, зачастую неформальных хозяйственных отношений, охватывающая различные отрасли промышленности и различные географические районы.

Для чиновников в центральном экономическом аппарате эти отношения дают возможность извлекать материальную выгоду из новых видов хозяйственной деятельности, а также придают им статус и престиж, свойственный руководителям новых корпораций и компаний. Таким образом, у аппаратчиков формируются новые интересы, толкающие их на дальнейшее развитие свободных экономических связей, основанных на личной заинтересованности. Именно такие связи играют важнейшую роль в «гибридной» экономике. К тому же в рамках новой системы придается большое значение экономическому развитию отдельных регионов и территорий. Все это заставляет предположить, что интересы центральных хозяйственных структур, таких, как промышленные корпорации и инвестиционные компании, навряд ли направлены на укрепление системы жесткого централизованного планирования. Вместе с тем не следует считать, что промышленные корпорации и инвестиционные компании склонны действовать вразрез с интересами отдельных регионов.

Сокращение ресурсов государства

Еще большее значение, чем сдвиги в структуре и интересах экономической бюрократии, имеет существенное ослабление контроля центральной власти над основными финансовыми и административными рычагами, необходимыми для проведения любой экономической политики, будь то курс на восстановление централизованного планирования или реформа, ориентированная на рыночное хозяйство. Бессилие правительства объясняется двумя взаимосвязанными процессами: а) Пекин в значительной мере утрачивает свой контроль над основными экономическими ресурсами, что сопровождается ухудшением финансового положения центральной власти; б) развивается сеть неформальных экономических связей и сделок, существующая как помимо административной системы, так и вне собственно рыночных механизмов.

В 1979 г. общий доход государства составил 31,9% национального дохода. К 1984 г. это соотношение снизилось до 26%, а к 1988 г. — до 19,2%. При этом доля государственного дохода, непосредственно контролируемая центром, упала с 70% в 50-х гг. до 60% в начале 80-х гг. и до 42,8% в 1989 г.

В 1988 г. центральное правительство контролировало только 40% всей иностранной валюты в стране; снизилась и доля валюты, находящейся в распоряжении подчиненных правительству органов. Соответственно можно заключить, что иностранная валюта в стране все в большей степени контролируется негосударственными структурами.

Величина внебюджетных фондов, контролируемых местными предприятиями, начиная с середины 80-х гг., ежегодно возрастает более чем на 20%. В конце 1989 г. Министерство финансов объявило, что в рамках государственного бюджета сосредоточено лишь немногим более половины денежного оборота. Утрата контроля центра над финансами обостряется и в результате растущего накопления денег предприятиями и частными лицами. Объем накопленной денежной массы оценивается в 200 млрд. юаней, что составляет примерно 40% всех денег, находящихся в обороте. Таким образом, все больше денежных средств оказывается практически вне банковской системы.

В конце 1988 г. центр попытался восстановить свой контроль над денежной массой, кредитом и банковской системой, чтобы снизить уровень инфляции, который к середине этого года достиг во многих городах 30–40%. Однако соответствующие усилия правительства не имели существенного результата. Поскольку огромная масса денежных средств уже находилась вне государственного контроля, на местах мгновенно появились неофициальные рынки кредита, где можно было получить займы на договорных условиях. Благодаря таким займам, предприятия и регионы смогли во многом свести на-нет попытки Пекина резко сократить уровень капиталовложений, предпринятые в конце 1988 – начале 1989 г.

Финансовые возможности государства сокращаются не только в результате утраты контроля над денежной массой, но и из-за роста государственных расходов, в первую очередь – на субсидии. Эти расходы мешают государству выделить средства на другие важные цели. По имеющимся данным, в 1989 г. затраты центрального правительства на ценовые дотации и на поддержку государственных предприятий составили около 100 млрд. юаней, или почти треть всех бюджетных расходов.

В ходе реформ Китай интенсивно развивает внешнеэкономические связи. Этот процесс также приводит к ослаблению контроля центра над экономикой, так как увеличивается зависимость страны от внешнего рынка, от иностранных займов и капиталовложений. В 1979–1988 гг. приток иностранного капитала возрос почти с нуля до 47 миллиардов долларов, что составляет примерно 10% всех государственных капиталовложений за этот период.

Объем внешней торговли с 1978 г. возрастал в среднем на 17% в год, причем доля экспорта в валовом национальном продукте увеличилась с 5% в 1978 г. до 14% в 1987 г. К 1989 г. стоимость внешнеторгового оборота превысила 110 млрд. долларов, составив не менее 20% китайского ВВП.

Общий контроль Пекина над экономикой страны также ослабляется благодаря появлению мелкого городского (в малых городах) и сельских предприятий (МСП), которые в период реформ играют ключевую роль в промышленном развитии страны. Эти преимущественно малые предприятия, находящиеся в основном вне государственного контроля и ориентирующиеся на квазирыночные элементы в смешанной китайской экономике, показывают очень быстрый рост, особенно за последние 5–6 лет. Со времени начала реформ в стране возникло около 18 миллионов МСП, на которых занято более 90 миллионов человек (почти 25% всей сельской рабочей силы). По недавним оценкам китайских официальных источников, работа в МСП дает крестьянским семьям примерно половину всех доходов. Что не менее важно, за последнее десятилетие эти предприятия передали государству в виде налогов более 114 млрд. юаней. Таким образом, эти хозяйственные единицы стали играть весьма важную роль в экономике Китая, как с точки зрения занятости, так и в финансовом отношении.

Неформальные сделки и власть на местах

Казалось бы, ослабление контроля Пекина над экономическими ресурсами может быть приостановлено самым простым способом: стоит только вернуть центральным хозяйственным органам те административные и финансовые полномочия, которые в свое время были переданы на места. Однако пекинское руководство уже убеждается в том, что обратная централизация – гораздо более трудное дело, чем представляется на первый взгляд.

Прежде всего надо иметь в виду, что утрата центром финансовых ресурсов и сокращение экономической роли государственного сектора непосредственно связаны с теми ограниченными успехами, которых смогла достичь реформа. Расширение госсектора, восстановление прямого контроля над основными отраслями экономики (скажем, реформирование МСП), обособление страны от мирового хозяйства – все это привело бы к сокращению производства и росту безработицы, а значит, к обострению экономического кризиса.

Еще большее значение имеют структурные и политические факторы, препятствующие восстановлению контроля центра над ресурсами. Структурные факторы связаны с тем, что в условиях частичной реформы, сочетающей плановые и рыночные механизмы, экономические и административные взаимодействия в китайском обществе изменили свою природу. Хозяйственная система КНР представляет собой деформированную плановую экономику, в которой имеются изолированные, недостаточно развитые и несогласованные между собой рынки на отдельные виды товаров и услуг. Экономика страны удерживается от распада благодаря широкой сети неформальных сделок. В рамках сложной системы финансовой ответственности, установившейся в период реформ, постоянно заключаются неформальные личные соглашения между руководителями предприятий, банков, хозяйственных учреждений, местных органов власти и центральных министерств. Эти сделки касаются распределения прибыли, налогообложения, финансирования инвестиций. Так же действует и система ответственности предприятий, в рамках которой производители, поставщики и органы распределения сговариваются относительно плановых заданий, затрат и выпуска продукции, причем выполнение контрактов часто обеспечивается путем предоставления дополнительных благ. В подобной системе экономический успех определяется не знанием рынка и не стремлением к эффективности, а навыками в сделках и кругом связей («гуаньси»). В результате образуется некий «социалистический феодализм», при котором почти в каждой отрасли экономики существуют сложные, запутанные и перекрещивающиеся сети неформальных связей.

Система неофициальных сделок и обменов подрывает централизованное управление экономикой. Она успешно противостоит как колебаниям цен (то есть воздействию рынка), так и административным директивам (то есть плановым механизмам). Эта система также порождает обширные возможности и стимулы для индивидуальной и групповой коррупции. Но попытка разрушить систему неформальных связей и восстановить полномочия центра могла бы только ввергнуть режим в еще больший хаос.

Среди политических препятствий, мешающих восстановлению централизованного контроля над ресурсами, следует прежде всего назвать описанную выше сеть неформальных хозяйственных контактов, а также общую децентрализацию принятия экономических решений в процессе реформ. Надо также учитывать, что в течение 80-х гг. управляющий слой среднего (регионального) уровня стал формироваться в основном из местных уроженцев. Сочетание всех этих факторов привело к тому, что на местах возник мощный блок сил, отстаивающих свои региональные интересы, причем эти силы способны не только поддерживать, но и расширять свой контроль над экономическими ресурсами. В центре основной сети неформальных сделок и соглашений обыч-

но находятся местные власти. Именно они играют ключевую роль в распределении производственных фондов, финансовых средств и возможностей сбыта среди промышленных предприятий и других экономических единиц. Они принимают решения относительно уровня налогообложения, учреждения новых предприятий, размера отчислений иностранной валюты и т.д. Они являются посредниками между предприятиями и центральной властью в налоговых и иных финансовых вопросах и часто торгуются с Пекином насчет величины налоговых отчислений центру. Наконец, местные власти имеют тесные связи с местными же финансовыми учреждениями и могут манипулировать ценами в рамках причудливой двухъярусной системы ценообразования.

В результате многие группы политического руководства на местах создают свой аппарат, посредством которого они контролируют местные экономические монополии и нередко вовлекаются в ожесточенную конкуренцию между собой за дефицитное сырье, товары и финансовые средства. В прибрежных районах страны местные власти приобрели особо мощное влияние благодаря успешной деятельности МСП, а также преимущественному развитию в этих районах внешнеэкономических связей.

Соперничество между этими местными «бюрократами-спекулянтами» за контроль над важнейшими ресурсами еще больше обостряет общую неэффективность китайской экономической системы, усугубляя хозяйственную раздробленность. К тому же, как уже отмечалось выше, нарождающееся в Китае «местничество» влияет на интересы чиновников центрального экономического аппарата, в чьей коммерческой деятельности в промышленных корпорациях и инвестиционных компаниях имеется четко выраженная «региональная» составляющая.

Раскол среди военных

Замешательство и неспособность к действию, характерные сегодня в Китае для партии, государства и экономического руководства, наблюдаются также и среди военных. Однако в Народно-освободительной армии Китая (НОАК) эти явления возникли относительно недавно, в основном в результате внутренних разногласий, вызванных кровопролитием на площади Тяньаньмэнь и его последствиями. Эти разногласия привели к более непосредственному вовлечению военных в политический процесс.

Введение военного положения и последовавшие затем насильственные меры против демократической молодежи (3–4 июля 1989 г.) вызвали сложную реакцию среди китайских военных. Хотя и были попытки создать впечатление единодушного одобрения этих мер в армейской среде, реальная картина была отнюдь не такова. В рядах военных были колебания и попытки сопротивления, подавленные в основном благодаря активному вмешательству со стороны Дэн Сяопина и других лидеров старшего поколения. В течение нескольких недель весной 1989 г. и офицеры, и солдаты участвовали в демократических демонстрациях, а после 20 мая многие отказались повиноваться приказам о военном положении. По имеющимся сообщениям, тысячи военнослужащих еще находятся под следствием, а в армии все еще идут споры о событиях на площади Тяньаньмэнь.

Устойчивость и острота этих разногласий заставляет предположить, что в НОАК есть и другие проблемы, вызывающие ожесточенные споры. Главная из этих проблем — существующее с конца 50-х гг. и обострившееся в последнее время противостояние между сторонниками профессионализации и приверженцами политизации армии. В последнее десятилетие сторонники профессионализации стали явно преобладать, поскольку в ходе реформ снизилась прежняя роль идеологии, политики и партийного контроля в НОАК и началось формирование оборонительной национальной армии западного образца, находящейся под контролем правительства.

Тенденция к повышению профессионализма отразила глубокие перемены в структуре военных кадров. Важную роль стали играть молодые офицеры, находящиеся на средних и высоких (но не высших) командных должностях. Эти люди, выдвинувшиеся в ходе реформ и активно участвующие в движении за профессионализацию армии, являются сторонниками модернизации, связывая с ней не только свою карьеру, но и политическую ориентацию. Хотя число таких офицеров не поддается точной оценке, некоторые аналитики полагают, что они составляют значительную группу, которая может занять господствующее положение в армии после ухода старшего поколения руководства. Это предположение отчасти подтверждается тем, что после событий на площади Тяньаньмэнь в китайской прессе появилось много критических замечаний о таких офицерах. Видимо, они причиняют немалое беспокойство нынешнему руководству.

Более полное понятие о положении и взглядах этого офицерского поколения можно получить из проведенных весной 1989 г. (до событий на площади Тяньаньмэнь) интервью с 20 генералами, выдвинувшимися на высокие должности за последние десять лет. Большинство из них были моложе 50 лет, многие побывали за рубежом. Опрошенные выразили острую озабоченность снижением боеспособности НОАК. Они резко критиковали торможение модернизации со стороны отдельных элементов в командной структуре НОАК, в особенности со стороны неназванных лиц в армейском руководстве, сопротивляющихся научно-техническим нововведениям из-за своего невежества и приверженности традициям. Они также выразили несогласие с продолжением вмешательства в военные дела со стороны формально вышедших в отставку командиров НОАК.

Весьма вероятно, что идея профессионализации находит широкую поддержку в военно-морских и военно-воздушных силах, которые получили особые преимущества от контактов, обмена и торговли между Китаем и западными странами в военной сфере за последнее десятилетие. Это особенно важно в свете общего сдвига в концепции НОАК – от оборонительной стратегии с опорой на внутренние территории Китая к ориентации на побережье при ведущей роли военно-морских сил и авиации. Сторонники профессионализации теперь вступили в прямую конфликт с консерваторами-ортодоксами в партии и армии, которые стремятся укрепить свой политико-идеологический контроль над НОАК, положив конец тенденциям периода реформ.

Провал мероприятий центра

Утрата центром способности эффективно влиять на политику, экономику и военное строительство проявляется в том, что многие инициативы Пекина, объявленные после событий на площади Тяньаньмэнь, почти не имели успеха. Мы рассмотрим судьбу этих инициатив. Некоторые из них были специально направлены на разрешение описанных выше проблем.

Политика. В вопросах партийной жизни курс пекинского руководства состоит из двух взаимосвязанных составляющих: 1) общий упор на партийное строительство на всех уровнях с целью укрепить организационное единство, идеологическую выдержанность и преданность долгу среди коммунистов; 2) усиление внимания к мерам политической «реформы».

Работа в области партийного строительства сосредоточена на кампаниях идеологического воспитания, на обычных мероприятиях по «исправлению ошибок», а также на усиленном внедрении и соблюдении норм демократического централизма. Конкретные формы этой деятельности главным образом следующие: 1) оживление дискуссий по вопросам теории в партийных журналах и газетах; 2) активизация групповых дискуссий среди коммунистов с задачами критики, самокритики и изучения марксизма-ленинизма и мыслей Мао Цзедуня; 3) проведение кампаний, пропагандирующих добродетели образцовых коммунистов вроде солдата Лэй Фэна; 4) карательные меры: внут-

Март 1990 г. Плакат на городском автобусе возвещает, что служащие автопарка награждены за успехи в кампании за «за возрождение духа Лэй Фэна»

ренные расследования и перерегистрация членов партии с целью выкорчевать сторонников «буржуазной либерализации».

Попытки центра исправить недостатки партаппарата наталкиваются на серьезные препятствия, можно сказать, на сильное сопротивление. По имеющимся сведениям, основная часть коммунистов равнодушно относится к усилиям пекинского руководства. Только малая часть проблем становится предметом обсуждения, а число исключений из партии совсем невелико. Несмотря на многочисленные призывы и заявления, намеченные меры по расследованию, перерегистрации и чистке партаппарата либо не осуществляются вообще, либо проводятся сугубо формально, вызывая лишь незначительные кадровые пере-

мещения. Это происходит по ряду причин, в том числе потому, что высокое начальство явно покрывает своих подчиненных. К началу июня 1990 г. уже можно было сказать, что борьба с недостатками в партаппарате фактически прекратилась. На сопротивление рядовых членов партии по отношению к инициативам руководства указывают также повторяющиеся в китайской прессе жалобы на то, что коммунисты слабо понимают концепцию партийного строительства и лишь нехотя участвуют в соответствующих мероприятиях.

После событий на площади Тяньаньмэнь понятие политической реформы стало в значительной степени отождествляться с представлением о морально безупречном руководстве, чутком к потребностям народа. Поэтому вновь обрели значение меры, связанные с идеей «близости к народу», которая широко использовалась коммунистами с 50-х до начала 70-х годов, но считалась устаревшей в период реформ. Вот некоторые из подобных мер: 1) посылка партработников в провинцию, чтобы укрепить местные парторганизации, усилить массовую поддержку политики партии и усовершенствовать рабочие навыки партийных кадров путем «учебы у масс»; 2) оживление начавшейся еще до событий на площади Тяньаньмэнь работы по налаживанию так называемого сотрудничества и консультаций между КПК и демократическими партиями Китая; 3) укрепление связей между партией и крупными массовыми организациями (профсоюзами, Федерацией женщин, Коммунистическим союзом молодежи); 4) усиление борьбы с коррупцией в партии и государстве, в первую очередь – со злоупотреблением властью в корыстных целях.

Атака на коррупцию в партии в целом имела очень ограниченные результаты, а в некоторых важнейших областях не удалось добиться вообще ничего. В ноябре 1989 г. газета «Бэйцзин ревью» сообщила, что центр сталкивается с серьезными трудностями, пытаясь покончить с коррупцией в компаниях, организованных партийными и государственными учреждениями. Число таких компаний достигает 60 тысяч. В них полностью или частично занято почти 50 тысяч партийных и государственных работников относительно высокого (выше районного) уровня. Спустя некоторое время один гон-

конгский источник привел заявление высокопоставленного чиновника, ответственного за борьбу с коррупцией, о том, что эта борьба пока не привела к существенным успехам и многие области страны по-прежнему охвачены злоупотреблениями. Этот чиновник также отметил, что меры по борьбе с коррупцией встречают сопротивление в среде руководящих кадров. Такие же утверждения содержатся и в документе, представленном сессии Народного политического консультативного совета КНР в марте 1990 г.

Особое недовольство вызывает кампания, направленная на укрепление связей и партии с массами путем перемещения высокопоставленных партработников на рядовые должности на местах. Начало этой кампании несколько раз откладывалось, а сроки ее завершения неоднократно пересматривались в сторону увеличения.

Возможно, наиболее ярким свидетельством неудач центра в партийном строительстве и в политической реформе являются постоянные призывы руководства к созданию и поддержанию стабильности в стране и особенно в партии. Эта тема вышла на первый план сразу после кровопролития на площади Тяньаньмэнь. Но и сейчас, несмотря на многомесячные усилия в этом направлении, партия продолжает подчеркивать достижение стабильности как главную задачу момента.

Экономика. Экономический курс пекинского руководства представляет собой программу сдержанности, экономии ресурсов и реорганизации с целью укрепить единство и дисциплину в бюрократических структурах (от министерств до местных органов власти) и восстановить централизованный контроль над главными отраслями экономики, чтобы создать основу для дальнейшего роста, который должен быть «непрерывным, устойчивым и согласованным». Говоря более конкретно, Пекин стремится ужесточить свой административный контроль над общим уровнем цен, фондами потребления и накопления, материальным снабжением, внешнеэкономической деятельностью, над производством и финансами МСП и частных предприятий, над налоговыми отчислениями с мест в центральный бюджет. Кроме того, в деревне режим пытается стимулировать рост коллективных хозяйств, а также увеличить объем капиталовложений в сельское хозяйство.

Основным элементом курса на новую централизацию является расширение полномочий Государственной плановой комиссии, усиление ее контроля над крупными государственными предприятиями, которые должны играть ключевую роль в проводимой реорганизации. С этой целью в рамках Государственной плановой комиссии была создана Производственная комиссия Госсовета. В нее входят заместители министров из 17 министерств и госкомиссий. По своим задачам Производственная комиссия мало отличается от расширенной Государственной экономической комиссии.

Помимо этих, преимущественно административных мер, центральное руководство также стремится усилить свой контроль над экономикой на микро- и макроуровне путем укрепления позиций партии на предприятиях, а также в министерствах и местных органах власти. Это означает пересмотр тенденции, установившейся после XIII съезда партии в 1987 г., когда было решено устранить партийные организации из ряда государственных структур. Такое решение было принято в соответствии с одной из целей реформ — разделением функций партии и государства.

Все эти меры пока оказываются не очень результативными. Сложившиеся механизмы экономической самозащиты территорий в их борьбе между собой и с центром только активизируются при проведении программы сдержанности. Это происходит из-за обострения дефицита ресурсов и из-за неспособности или нежелания центра нарушить контроль местных властей над предприятиями, находящимися в их юрисдикции. Высшие руководители страны были вынуждены лично посетить крупнейшие города Южного Китая, чтобы убедить местное руководство поддержать политику центра.

Ян Шанкунь (слева), Дэн Сяопин и Цзян Цзэминь на Пленуме ЦК КПК 10 ноября 1989 г.

Из-за сопротивления на местах центр пошел на некоторое смягчение жесткой политики по отношению к частному сектору, а также частично отказался от мер, направленных на сокращение денежной массы. Это «отступление», предпринятое в конце 1989 г., привело к росту объема банковских займов сверх ожидаемого уровня. Центр пытается увеличить свои доходы, ужесточив налоговый контроль над местными органами власти в городе и деревне, а также над частными предприятиями. Эта попытка тоже столкнулась с жестким сопротивлением, вплоть до актов насилия. Некоторые органы местной власти прибегли к разнообразным уловкам, саботируя директивы из Пекина.

Усилия Пекина, направленные на укрепление коллективных форм сельскохозяйственной деятельности и на увеличение капиталовложений на селе, также приводят к нежелательным для режима последствиям. Руководство уже не раз заверяло, что планы государства объединить землю, сельскохозяйственное сырье и рабочую силу в единый фонд направлены на повышение эффективности использования ресурсов и будут осуществляться только «по свободному волеизъявлению» крестьян, не нарушая экономическую систему «семейной ответственности». Тем не менее любые попытки новой коллективизации вызывают ошутимое сопротивление. Это сопротивление отчасти провоцируется насильственными методами, к которым прибегают чрезмерно ревностные местные работники. Но в целом представляется, что политике Пекина противостоят как простые крестьяне, так и партийно-государственные кадры, ибо и те, и другие опасаются левацкого сдвига в аграрной политике. Это противостояние сводит результаты усилий центра до минимума.

Центральные власти открыто признают безуспешность мер, направленных на восстановление своего экономического контроля на местах. Выступая перед представителями местных властей в начале октября 1989 г., Ли Пэн прямо указал на сопротивление, которое встречает на местах пекинский курс на восстановление равноправия и экономии ресурсов. Он заявил, что местные работники «оценивают ситуацию совершенно иным образом, чем центральное руководство». Сопротивление политике центра проявилось и в связи с ноябрьским (1989 г.) пленумом ЦК КПК, который, как сообщалось, был ранее отложен из-за «острых разногласий» между центром и представителями провинций. После пленума в прессе появились многочисленные нападки на «местничество» и саботаж государственной политики на местах, а также

призывы к местным работникам и организациям изменить свою психологию и поддержать общегосударственные интересы.

Попытка укрепить государственные предприятия, во многом в ущерб быстро развивающимся МСП, также не имела большого успеха. Хотя под давлением из центра многие МСП были вынуждены прекратить свою деятельность, слиться с другими предприятиями или изменить профиль, местные органы (как партийные, так и государственные) по-прежнему считают, что МСП должны играть важную роль в экономике страны. Позиция местных властей вынудила центр смягчить свою политику по отношению к МСП.

Пока еще нельзя окончательно оценить результаты попыток Пекина усилить плановые механизмы путем создания Производственной комиссии. Однако маловероятно, что эта мера будет иметь успех, если учесть нынешнюю раздробленность хозяйственной бюрократии и перерождение интересов в центральном экономическом аппарате. Следует отметить, что весной 1989 г. появились сведения о создании специальной рабочей группы, весьма сходной по своим задачам с Производственной комиссией. Необходимость такого дублирующего органа свидетельствует о том, что первая попытка решить экономические проблемы страны путем организационного «латания дыр» уже провалилась.

К концу 1989 г. централизаторские меры Пекина помогли снизить объем спроса и умерить инфляцию, однако общее экономическое положение страны не улучшилось. Наоборот, экономика Китая оказалась в застое, затянувшемся до настоящего времени. Центр может оказывать реальное влияние на экономику, только ограничивая или запрещая те или иные виды хозяйственной деятельности. При этом делаются попытки умиротворить население посредством таких мер, как повышение зарплаток на государственных предприятиях, увеличение дотаций, облегчение положения с жильем, выплаты крестьянам по государственным долговым обязательствам. В результате Китай находится теперь на грани глубокого экономического спада.

Военные вопросы. Участие военных в массовых убийствах на площади Тяньаньмэнь и последовавший затем приход к власти сторонников жесткого курса породили мощное движение против профессионализации армии. Это движение выражается в стремлении укрепить партийное влияние и дисциплину на всех уровнях военной иерархии. Опасность профессионализации армии для партии была продемонстрирована событиями в Восточной Европе, особенно в Румынии, в ходе которых оказалось, что армия может «поменять фронт» и выступить на стороне демократических сил, способствуя свержению коммунистического строя.

Как и попытки «навести чистоту и порядок» в партии и экономике, движение против профессионализации армии выражается в ряде мероприятий, о которых вскользь уже говорилось выше. Во-первых, по имеющимся данным, Пекин пытается провести тщательное политическое расследование во всех высших органах НОАК, особенно в тех, что имели отношение к событиям на площади Тяньаньмэнь. Это расследование сопровождается значительными перестановками в командовании частей и соединений НОАК вплоть до уровня военных округов. Усиливается также поток политической пропаганды, специально ориентированной на НОАК, чтобы повысить значимость политики и идеологии в военной сфере. В армии уделяется больше внимание политзанятиям, которые поглощают 70% всего учебного времени молодых солдат.

Возобновилась кампания за воспитание революционных добродетелей посредством подражания подвигам и нравственным качествам образцового солдата Лэй Фэна. При оценке молодых офицеров с точки зрения перспектив продвижения особую роль играют идеологические характеристики. Впервые в истории Генерального штаба НОАК в этом учреждении появились кружки партийной учебы. Политическое руководство стремится возродить роль партийных органов в армии (существенно подорванную в ходе реформ Дэн Сяо-

пина). Наложено запрещение на любое вмешательство в дела НОАК со стороны политических групп и партий помимо КПК. Принимаются меры для усиления влияния политических комиссаров.

Стремление повысить роль политики и идеологии в НОАК сочетается с подчеркиванием полицейских функций армии внутри страны. При этом делается упор на угрозу подрыва китайского общества с Запада, действующего по стратегии «мирной эволюции». Утверждается, что эта стратегия разработана американскими властями, чтобы разрушить политическую систему социалистических стран с помощью различных мирных средств, например, экономических и культурных контактов. Но с точки зрения многих военнослужащих, возложение на армию полицейских задач несовместимо с традиционной ориентацией НОАК на защиту страны от внешних врагов.

За возобновление политизации армии стоят прежде всего Главное политическое управление и Генеральный штаб НОАК. Эти органы в основном направляют важнейшие совещания, кампании в прессе и отдельные статьи, нацеленные на политизацию. Особая роль принадлежит Главному политическому управлению, которое в декабре 1989 г. организовало важную всеармейскую конференцию по политической работе. Это же учреждение контролирует и основную армейскую газету.

Во главе движения за новую политизацию стоит Ян Байбин, начальник Главного политического управления. Он был причастен и к пропаганде вредности «мирной эволюции», и к возрождению кампании за подражание Лэй Фэну. Ян принадлежит также к самым решительным критикам Чжао Цзыяна. Среди всех политических руководителей последнего времени именно он наиболее резко публично осудил смещенного лидера партии. Существенную поддержку усилиям Яна оказывают его старший единокровный брат Председатель КНР Ян Шанкунь, высшее военное руководство, а также Центральная комиссия советников, куда входят консервативные гражданские чиновники вместе с отставными военными руководителями.

Поскольку среди военных стремление к профессионализму успешно глубоко укорениться, усилия, направленные на очищение и укрепление единства НОАК, не дают желаемых результатов. В пользу этого вывода можно привести целый ряд фактов. Во-первых, политические расследования в военной среде постоянно откладываются. Перемещения в военном руководстве также, насколько нам известно, откладывались, очевидно, из-за ожесточенного сопротивления в кругах НОАК. Намеченные кадровые перестановки удалось провести только в мае 1990 г., после того, как Ян Байбин лично посетил военные округа.

Во-вторых, несмотря на многочисленные проведенные за последний год совещания и идеологические кампании, центр по-прежнему подчеркивает значение политико-идеологической работы в НОАК. Высшее военное руководство и пресса продолжают призывать военных к единству и требовать укрепления партийного контроля. Вместе с тем, по имеющимся признакам, кампания за подражание Лэй Фэну порождает лишь притворный энтузиазм в армии и партии, причем умеренные лидеры партии, стоящие в оппозиции Ян Байбину и Ян Шанкуню, относятся к этой кампании отрицательно.

В-третьих, в гонконгской печати появились сообщения о недавнем раскрытии «контрреволюционных организаций» в отдельных частях НОАК, особенно в гарнизонах Шэньяна, Пекина и Нанкина. Хотя число таких групп невелико и они, судя по всему, немногочисленны, сам этот факт говорит о том, что некоторые военнослужащие находятся в противостоянии режиму.

Еще одно свидетельство остроты внутренних разногласий и сопротивления руководству в НОАК заключается в следующем. В последние месяцы руководители КНР не раз подчеркивали, что западная стратегия «мирной эволюции» ныне направлена своим острием на военных, якобы раздувая их недовольство и побуждая их поддерживать «буржуазную либерализацию». Эта озабоченность центрального руководства позволяет предположить, что

оно пытается оправдать свое бессилие в военной политике, ссылаясь на подрывное влияние внешних сил, находящихся вне котроля из Пекина.

Наконец, как и в сфере экономики, неспособность центра выработать эффективную военную политику маскируется попытками «задобрить» военных. Речь идет о новом росте бюджетных расходов на военные нужды после снижения этих расходов в предшествующие годы.

Заключение

Сложные структурные сдвиги, охватившие китайское общество в ходе реформ, подорвали способность центра разрабатывать и проводить смелые меры, необходимые для преодоления огромных нынешних трудностей. Поэтому ни «концепция возрождающегося тоталитаризма», ни «концепция необратимой реформы» не кажутся адекватными сложившейся ситуации. Можно предположить, что приведенные выше примеры неудач в политике центра просто отражают широкое сопротивление возврату к прошлому со стороны сил, выступающих за реформы, а вовсе не присущее режиму бессилие. Однако те силы в партийно-государственном аппарате, которые противостоят политике центра, черпают свою мощь и устойчивость отнюдь не в духе реформ, а в стремлении сохранить свое нынешнее положение, основанное на искаженных, неэффективных социально-экономических структурах, на системе «местничества» и неформальных сделок в рамках частично реформированной китайской экономики. Интересам этих сил угрожали бы любые резкие перемены в системе – как в сторону большей свободы и открытости, так и в сторону жесткого централизма.

Каковы же перспективы Китая? После ухода Дэн Сяопина и других стариков-консерваторов китайское общество может оказаться децентрализованным куда более, чем в предшествующий период развития по коммунистическому пути. Вот основные характеристики такой общественной системы: слабое центральное правительство, охваченное постоянной внутренней борьбой, но сохраняющее единство из страха перед хаосом (такой страх наиболее характерен для военных); территориально раздробленная («балканизованная») экономика с богатыми и бедными регионами, находящимися под контролем местных политических структур, не оспаривающих верховную власть Пекина и более заинтересованных в сохранении и расширении своих экономических ресурсов; постоянная социальная напряженность и недовольство, смягчаемые в периоды относительного экономического прогресса и ослабления идеологического контроля из центра.

Разумеется, такой сценарий не является чем-то неизбежным: многое будет определяться дальнейшим ходом структурных сдвигов. Особое значение будут иметь следующие процессы: развитие формальных и неформальных структур власти на местах; раздробление бюрократических структур; изменение интересов основной массы партийно-государственных кадров, чиновников центральных ведомств и городских элит. Ключевым элементом этого сценария (как и любого другого прогноза) является поведение китайских военных. Как уже отмечалось, военные представляют собой единственную в системе крупную группу, в которой имеется значительное число относительно сильных прогрессивных лидеров. Поэтому можно предполагать, что именно они образуют силу, выступающую за подлинные перемены. Но поддержка модернизации и профессионализации не есть еще поддержка демократии (определенная прослойка НОАК как раз глубоко втянута в коррупцию и незаконные сделки). К тому же в НОАК существуют разногласия не только между сторонниками политизации и сторонниками профессионализации, но и по другим вопросам. Все это ослабляет возможность НОАК стать лидером движения за позитивные сдвиги. Единственный общий интерес, на основе которого возможно преодоление раскола в армии, – это сохранение порядка в стране. Но в сегодняшних условиях «порядок» в Китае означает застой. ●

ЛЕО БЛУМ И САНЯ ЛАЖЕНИЦЫН

1.

Есть чье-то свидетельство о том, как Джеймс Джойс, живший в добровольном изгнании в Триесте, откликнулся на известие о начале Первой мировой войны. Он сказал: «А как же мой роман?..»

Имелся в виду только что начатый «Улисс». Тот, для кого литература – цель и смысл жизни, для кого исходным материалом и конечным итогом его работы является слово, верит в неограниченную власть и сверхъестественную силу слова. Может быть, эта вера и есть единственное отличительное свойство настоящего писателя. В катастрофах внешнего мира такой человек видит всего лишь досадную помеху своему труду.

Вместе с тем имя Джойса, основные вехи его писательской биографии фатально сопряжены с войной. В 1914 году вышла в свет его первая книга, «Дублинцы», закончен роман «Портрет художника в юности». Работа над «Улиссом» продолжалась столько же времени, сколько шла война. Тридцать девятый, начало Второй мировой войны, – публикация «Поминок по Финнегану». И даже пятидесятилетие смерти писателя совпало с началом военных действий в районе Персидского залива.

Напомним, по случаю этой годовщины и по возможности кратко, о жизни Джойса. Он родился в предместье Дублина и провел в этом городе свою юность. О нем он писал потом всю жизнь. В двадцать лет он покинул Ирландию и с тех пор лишь изредка и на короткое время приезжал туда в гости. Два десятилетия его жизни прошли в скитаниях по Европе, между Венецией, Римом, Триестом и Цюрихом. Затем он как будто нашел более или менее постоянное пристанище в Париже. Он был женат, имел сына и дочь. Вокруг бушевали войны и революции, ирландцы восстали против англичан, рухнули четыре империи на континенте, – Джойс, как одержимый, занимался своей литературой, очевидным образом никому не нужной; девиз его жизни был: *silence, exile, cunning* – «молчание, изгнание, мастерство». Прекрасный девиз, если есть средства к существованию. У Джойса их не было. Как вдруг пришла известность и даже слава, но это была слава скандальная. Нью-Йоркский журнал «Маленькое обозрение» согласился печатать отдельными выпусками только что законченный большой роман. Пуританская лига затеяла процесс, и суд приговорил издателей к штрафу за публикацию сочинения. «до такой степени непристойного, безнравственного, разнузданного, предосудительного и отвратного, что более подробное описание было бы оскорблением для суда». После этого «Улисс» был выпущен в Париже, имел успех у знатоков, но шум не утихал; книгу отбирали у туристов на границах и даже подвергали торжественному уничтожению.

Когда весной 1940 года немцы вторглись во Францию, Джойс бежал из Парижа и некоторое время скрывался у друзей в провинции. В оккупированной стране ему как ирландскому подданному грозило интернирование. Он перебрался с семьей в Цюрих, где прожил четыре недели. В январе 1941 года он умер после операции по поводу прободной язвы 12-перстной кишки.

В тридцатых годах в СССР был издан сборник рассказов «Дублинцы», а перед войной журнал «Интернациональная литература», предок нынешней «Иностранной литературы», поместил отрывок из «Улисса», в том числе знаменитый монолог Мэрион из сорока тысяч слов без абзацев и знаков препи-

нения. Об «Улиссе» шли споры на Первом съезде советских писателей. Несколько позже о Джойсе рассуждал Юрий Олеся: «Художник должен говорить человеку: Да, да, да. А Джойс говорит: Нет, нет, нет. Все плохо на земле, говорит Джойс. И потому вся его гениальность для меня не нужна...».

В прошлом году «Улисс» появился в «Иностранной литературе» целиком в переводе покойного В.Хинкиса, работавшего над ним много лет. Публикация огромного романа с подробными пояснениями растянулась на целый год. Журнал поместил обзор читательских писем, там встречались такие отзывы: «чтиво для элиты», «бред сумасшедших и шизофреников и заумных идиотов», «по вашим понятиям, вся инлитература состоит из евреев, сколько они вам за это платят?» Некоторые читатели были немало раздосадованы, узнав, что шизофреник и заумный идиот Джойс не был евреем.

2.

По странному стечению обстоятельств появление «Улисса» на русском языке совпало с публикацией другого, еще более объемистого художественного произведения, которое тоже дошло до советского читателя с запозданием и тоже много месяцев подряд печаталось в журналах.

Как и «Улисс» Джойса, «Красное колесо» Солженицына порождено титаническим усилием писателя, который стремится создать литературную вселенную, сравнимую с реальной вселенной. Обе книги притязают на универсальность. Обе напоминают циклопические сооружения древности и сознательно или бессознательно ориентированы на архаический эпос: роман Джойса – на гомеровскую «Одиссею», эпопея Солженицына, если согласиться с ее толкователем Львом Лосевым, – на древнерусскую летопись. Обе книги поражают пестротой своего состава, и там, и здесь – винегрет разных стилей; вместе с тем они воспринимаются как цельные вещи. Наконец, их объединяет, странно сказать, растерянность критиков. За исключением совсем коротенькой рецензии-аннотации в «Новом мире», Джойс не удостоился ни единого отклика. Но почти то же происходит и с долгожданным творением Солженицына: советская критика молчит, то ли онемев от благоговения перед автором, то ли оттого, что нечего сказать.

На этом, возможно, сходство «Улисса» и «Красного колеса» кончается, и все же я думаю, что независимо от их успеха или неуспеха сопоставление этих произведений, как нарочно представших перед читателем одновременно, может оказаться небесполезным. При том что роман Джойса датируется началом века, да и «Красное колесо» создано не вчера, такое сопоставление могло бы прояснить кое-что важное для сегодняшней русской литературы.

Действие «Улисса» происходит в одном городе – Дублине – и укладывается в один единственный день, четверг 16 июня 1904 года. Утром этого дня агент по сбору рекламных объявлений, сын венгерского еврея Лео Блум завтракает и выходит из дому. Целый день он мечется по городу, и эти блуждания уподоблены путешествию Улисса-Одиссея по Средиземному морю. Двадцать четыре песни гомеровской поэмы упакованы в восемнадцать эпизодов, составляющих роман. Это одновременно и пародия на Гомера. Одиссей оказывается рогоносцем, Пенелопа – распутной бабенкой, волшебница Кирке – сводней, царская дочь Навсикая – колченогой девицей на городском пляже, сказочные людоеды лестригоны – это пьянчуги в баре и так далее. Где-то поблизости от Блума бродит Стивен Дедалус, неудачливый писатель, который в этом переиначенном мифе соотнесен с сыном Одиссея Телемаком. В конце концов после долгой разлуки корабль Одиссея подплывает к родному берегу: Блум возвращается поздно ночью к своей жене Мэрион.

За всей этой пестрой картиной, временами напоминающей фантасмагорию, как за кулисами, раздается смех автора, – но и он есть не что иное, как переформулированный (если можно так выразиться) гомерический хохот богов.

Один день Леопольда Блума – это не только тридцатилетнее странствие Одиссея. Это также скитания обреченного бессмертию Вечного Жиды; кроме того, еврейство Блума намекает на известную гипотезу о семитической основе «Одиссеи». В пределе – это метафора человеческой судьбы вообще. Это, наконец, и некая мистерия о человечестве. Бесчисленные аллюзии, более или менее прозрачные сопоставления, внутренние перемигивания текста и маски, которые нацепляют на себя действующие лица, – все это позволяет выстроить самые разные системы соответствия; три части, на которые можно расчленить роман, – утро, день и вечер, сборы Блума в дорогу, его путешествие и возвращение домой, – это три возраста жизни, три эпохи европейской истории, три ипостаси христианской Троицы, три стороны масонского треугольника, три ступени постижения совершенства мира в средневековой теологии, три члена в диалектическом процессе Гегеля. Каждая из восемнадцати глав-эпизодов сопоставляется не только с определенным эпизодом гомеровского эпоса, но и с органом человеческого тела. Роман Джойса строится по принципу обратной перспективы: тесное пространство и ограниченное время действия раздвигаются до вселенских масштабов. У читателя начинает кружиться голова. Но стоит протереть глаза – и перед нами снова один единственный, ничем не замечательный день, будни европейского города, суета маленьких людей, «жизни мышья беготня».

3.

Действие эпопеи Александра Солженицына приходится приблизительно на ту же эпоху, но охватывает пять лет, из которых выбрано несколько коротких отрезков; по определению автора, это «повествование в отмеренных строках». Слово «отмеренный» здесь надо понимать буквально: время в прозе Солженицына не имеет ничего общего с мифологией, это именно то реальное историческое время, которое обозначено датами-заголовками. Вдобавок это время, решающее для судеб страны; перед нами узлы или сгустки истории, и понятно, почему рядом с вымышленными героями и над ними в «Красном колесе» действуют исторические лица: Ленин, царь, Столыпин, министры, генералы, политики, революционеры и так далее; то, что Стивен Дедалус у Джойса называет «кошмаром истории», в прозе Солженицына составляет главнейший предмет повествования. Писатель намерен восстановить исторический процесс, в который вовлечены все, от монарха до крестьянина, и предлагает нам не более и не менее как окончательный вариант исторической истины – то, что должно отменить лживую историю революции, навороченную идеологами коммунизма. Сверхзадача эпопеи «Красное колесо» находится за пределами литературы.

Отсюда вытекает общая установка на правду: достоверность научно-исторического исследования и правдивость реалистической, жизнеподобной беллетристики. Все в романтическом цикле Солженицына: пейзажи, диалоги, дискуссии, документы, любовные сцены, описания боев – должно выглядеть так, как оно было в жизни, другими словами, это та картина действительности, которую фиксирует усредненное, обыденное сознание. Такое сознание не позволяет вторгнуться гротеску, не дает себя исказить иронии, – ирония и юмор здесь вообще отсутствуют, – и не склонно ни к пародированию, ни к мифологизированию действительности. Такому сознанию чужды догадки относительно того, что действительность может быть зыбкой, двусмысленной, даже двойственной, и вообще надежной. Оно убеждено в том, что истина, какой бы сложной она ни была, всегда едина, всегда равна самой себе, что существует общеобязательная и единообразная версия действительности, – ее и должен реконструировать писатель, в котором беллетрист соединен с историком. Наконец, это сознание отождествляет себя с народным и национальным сознанием: писатель говорит как бы от имени народа и обращается ко всему народу.

Система лейтмотивов в «Улиссе» восходит к музыкальному предку Джойса – Рихарду Вагнеру; принцип музыкального построения состоит в том, что несущими конструкциями прозы служат не столько элементы фабулы, поступки действующих лиц и т.п., сколько сквозные мотивы, которые вступают в особые отношения друг с другом, видоизменяются и вместе с тем остаются теми же самыми на протяжении всей вещи; музыкальная структура в прозе Джойса превращает в «мотивы» самих действующих лиц. В прозе Солженицына музыка нет места: можно сказать, что это принципиально немusикальный писатель.

Чертеж «Улисса»: все линии сходятся в Блуме. Но оказавшись в центре, этот персонаж расширяется до «человека вообще». Как Одиссей, он *ὄυδεις*, Никто. Он зыблется и мерцает; на наших глазах превращается то в одно, то в другое. Саня Лаженицын в «Красном колесе», вроде бы претендующий на роль главного героя, ни в кого и ни во что не превращается: в соответствии с унитарной установкой романа он равен самому себе. Постепенно он перестает интересовать автора: подлинный герой эпопеи – это История.

4.

Сравнение двух книг вплотную подвело нас к тому, что можно назвать философией современного романа. Я хотел показать, что принципиально отличает Солженицына от Джойса, вопреки некоторым чертам сходства, оправдывающим это сравнение. При всем размахе эпопеи Солженицына, она выглядит старорежимной. Под старым режимом в данном случае подразумевается время до литературной революции, но после классического периода. Если увлечься от языка, который часто напоминает стилизованную крестьянско-пролетарскую литературу двадцатых годов, язык Гладкова или Панфёрова, – то так должен был написать историко-документальную эпопею писатель 90-х годов прошлого века. Дело не в том, правильна или неправильна концепция революции в этих романах. И даже не в том, что «восстановить историческую правду», по-моему, совсем не дело литературы: правда искусства в чем-то совсем другом, и незачем было в этом случае беллетризовать историю. А дело в том, что ось, на которой вращается это колесо, точка зрения или обозрения, последовательно проведенная через все части эпопеи, несмотря на ее многосоставность и пестроту, – это та самая точка зрения обыденного сознания, которое даже не догадывается, что сама система отсчета может быть релятивирована: оно просто принимает себя за единственную и конечную истину. И даже когда рассказ ведется «глазами» Ленина, «глазами» императора, через восприятие Богрова и т.п., – это все та же точка зрения беллетризованного обыденного сознания. Оттого такой рассказ «через кого-то» и воспринимается как достаточно тривиальный литературный прием. Кажется, что писатель задает себе вопрос: а как бы я себя чувствовал на месте царя? или на месте женщины, профессора Ольды Андозерской? А вот как: я бы подумал, какой интересный мужчина этот Воротынцев.

«Улисс» Джойса, созданный три четверти века тому назад, переживший волну литературного авангарда, которую он сам же и вызвал, по-прежнему обращен вперед. «Красное колесо» Солженицына, напротив, произведение глубоко консервативное.

ОШИБКА БОГА

или

Размышления русского еврея
о русских евреях

...Разве со стороны Бога не было ошибкой поселить евреев в России, чтобы они мучались, как в аду? И чем было бы плохо, если бы евреи жили в Швейцарии, где их окружали бы первоклассные озера, гористый воздух и сплошные французы?

Исаак Бабель

Я всюду принят, изгнан отовсюду.

Франсуа Вийон

Русский еврей, русский еврей... Что это значит? Самое трудное в этом мире – поиск определения. Скажите мне сначала, что такое «русский», потом скажите, что такое «еврей», а потом уже я вам скажу... Черта с два я скажу!

Начнем с другого. Что такое принадлежность? Я думаю, что любовь. Принадлежать можно только любимому или любимой. И еще можно – по праву собственности, но это уже не принадлежность, а рабство. Я люблю Россию потому, что я здесь родился, и люблю Израиль, потому что родился евреем. В этом слышится нечто как бы унижительное: что назначили, то и люблю. Но ведь и родителей... Эта параллель давно отработана, но она не перестала быть истинной. И родителей любишь не по собственному выбору. А ведь эту любовь я не ставлю себе в заслугу, я ничего за нее не прошу...

Я рос в Марьиной Роше, в бревенчатом доме, по пятнадцать семей на каждом из двух этажей, с двумя сортирами и общей кухней. Лет до двадцати я ни разу не видел отдельной квартиры, личного телефона и ванной комнаты, но не в этом суть. А суть в том, что из этого, страшного в общем-то здания я выходил на улицу, как под артобстрелом, не будучи никогда уверенным, что вернусь целым или даже живым. И даже физически уцелев, почти всегда возвращался домой покалеченным, с очередной пробойной в опустошенной душе. «Улица присела и заорала...» Улица орала мне прямо в рожу, орала всегда, даже если безмолвствовала. Она орала одно слово, нет, не два, не «русский еврей», просто – «еврей». Не каждый прохожий, не каждый пацан в подворотне, но как, приближаясь, я мог различить, оценить заранее? И поэтому, пока не проходил мимо, пока не убеждался, что именно этот не крикнет, столько раз мысленно крик этот слышал, что уже как бы и не было важно, крикнет – не крикнет. И поэтому выходило, что попросту каждый, каждый взрослый прохожий и каждый пацан... А еще ведь была мужская школа, заплеванной красно-кирпичный пыточный дом, тридцать человек веселых садистов или, в лучшем случае, безразличных зрителей...

Быть как все – страстное желание детства, поразительным образом сочетавшееся со столь же острым желанием быть не как все, лучше всех, умней, осведомленней, искусней... Быть как все – не желание, а скорее мечта, исполниться она никак не могла, поскольку постыдность и незаконность были врожденными и неустранимыми.

Еврейская автономная область... Какое-то время, пожалуй, даже несколько лет, это странное словосочетание маячило в мозгу, мозг пытался к нему

притереться, за него ухватиться. Киргизская советская социалистическая республика. Татарская автономная социалистическая республика. Еврейская автономная область... Этот ряд как будто выводил на дорогу, ведущую к сияющей вершине под названием «Как все». Но вскоре выяснилось, что в этой области нет евреев, что она не из этого ряда, а совсем из другого, из того, не имеющего отношения к реальной жизни, куда помещался Еврейский театр со спектаклем о еврее – капитане подлодки, концерты Шульмана и Александровича, Исаак Осипович Дунаевский. Самуил Яковлевич Маршак да еще – Аркадий Исаакович Райкин. Все это было – но этого как бы и не было, потому что от этого в жизни ничего не менялось.

Все изменилось, когда появился Израиль.

Не сразу, еще бушевали в душе комсомольские страсти, еще войну 56-го было мне суждено воспринять как досадный порок буржуазного строя, агрессивного правительства, которое бросило свой мирный еврейский народ против таких же мирных чужих арабских народов... Но зато потом – фестиваль молодежи в Москве летом 57-го. Что сказать? Такого праздника нам уже не праздновать. Никому в России не праздновать такого праздника, никогда не испытать такого прорыва из ничего во все. Но мой прорыв был еще и отдельным прорывом, был у меня и свой собственный праздник среди общего праздника.

Мне было тогда восемнадцать лет, я ни разу в жизни не видел отдельной квартиры, ванной комнаты, личного телефона – и человека, не говорящего по-русски. Встречались нацмены с сильным акцентом и смешным словарем, но такого, чтоб не умел объясниться... нет, не бывало. И тем более я не встречал человека – где бы, интересно, я мог его встретить? – который бы жил в другой стране, при другом строе! И вот мой город, такой привычно советский, такой излюбленный, изненавиденный, такой чужой и такой свой, – заполнился разноцветными людьми в разноцветных одеждах, не понимавшими ни единого слова по-русски. И английский язык, который до той поры я воспринимал, как и все прочие школьные предметы, в качестве чего-то специального придуманного взрослыми для того, чтобы мучить незащищенных детей, – язык этот оказался вполне пригодным для объяснений, с подозрением, что если хорошо его знать, то он почти так же удобен, как русский... Оказалось, что определенное значение слов не навязано занудливым учебником и глупым учителем, а существует само по себе, вполне объективно и, вычитанное мною из словаря, почти в точности совпадает с тем значением, которое знает вот этот парень, всю жизнь проживший в другой стране: в Германии, в Англии, в Канаде... в Изра-и-ле!

Нет, это еще не так быстро, не сходу. Первый и главный прорыв – на Садовом кольце. Мы стояли с моим другом Семкой Гутманом (он теперь в Чикаго, и, слава Богу, мы дважды виделись...) в плотной толпе, но толпа была сбоку и сзади, а впереди – спины солдат и ментов, а за ними пустая мостовая Садово-Самотечной, и вдали на ней – мотоциклисты, цветы и лица. И все это к нам подъездало близко и начало проезжать мимо, и огромные игрушечно-красивые флаги низко свешивались с грузовиков, и сказочно-чужие парни и девушки, сделанные по тому же образу и подобию, но словно из другого совсем материала, чем мы, махали цветами и улыбались... Австралия, Австрия, Аргентина... Где же Англия? Ах, да – Великобритания!.. Германская демократическая республика, Гватемала, Греция... Как далеко, оказывается, до буквы «И». Нет, как, оказывается, близко! Господи, какой же у них... Какой же у нас потрясающий флаг! Какой мягкий голубой цвет и какой простой и серьезный рисунок! И плакат с большой, откровенной, громкой, никого не стесняющейся надписью: «Израиль»! Израиль. Еще и сегодня русская фраза вздрагивает на этом слове. Как же оно звучало, что означало и как выглядело тогда! Толпа прокричала свое «ура», как и всем другим делегациям, пару раз свистнули – но не больше. Под бело-голубым флагом

еврейского государства в советском грузовике по Самотечной площади, весело улыбаясь и пританцовывая, ехали... кто? Мы лихорадочно всматривались. Нет, конечно, встречал я и раньше в жизни крупных, здоровых евреев, не одних же хлюпиков. Но такова уж сила стереотипа, что «еврей» – был чем-то вроде портного у скульптора Антокольского. Сутулый, прищуренный, худосочный... Здоровые краснощекие мужики пританцовывали под еврейским флагом и такие же румяные рекламные девки. Ни одного худосочно-сутулого не наблюдалось. Ясно было, что где-то есть и такие и страна евреев, как и все прочие, показывает на празднике только фасад, но для нас тогда это было л и ц о – таким, скажем для справедливости, оно потом для меня в основном и осталось.

Каждый день всю следующую неделю мы ходили с Семкой, как на работу, в общагу Тимирязевской академии, куда поселили израильтян, разговаривали, как могли, с еврейскими крестьянами, с еврейскими инженерами и работягами, и с каждым днем мир, и покой, и вождеденное равновесие укреплялись в наших измученных душах. Отныне я знал: я такой же, как и все, это уже навсегда при мне, и теперь я могу со спокойной совестью заниматься тем, чтобы быть не как все, то есть делать в жизни свое особое дело... Избавился ли я от мучительной двойственности? Нет, не избавился. Но двойственность перестала быть мучительной, более того, я стал ее чувствовать как безусловное благо. Я понял, что в реальной жизни, вопреки поговоркам, можно и должно сидеть на двух стульях и гнаться за двумя зайцами сразу.

Вы спрашиваете, что такое русский еврей? Это тот, кто бежит за двумя зайцами. Скучно ему бежать за одним, результат здесь как бы известен заранее. А погонисься за двумя сразу – глядишь, и подстрелишь третьего...

Русский еврей... Он ведь тоже бывает всякий. Мой друг, достойнейший человек, умный и искренний, узнав, что мой сын учит иврит, спросил с подчеркнутым недоумением: «Что за выбор, почему, например, не санскрит?» Я сказал: «Видишь ли, дело в том, что иврит – не санскрит. Иврит – еврейский язык и язык Израиля. Это не просто один из языков, как Израиль не просто одна из стран. И не только для него – для тебя тоже, хоть ты и иврит учить никогда не станешь». – «Нет, – сказал он, – для меня Израиль такая же страна, как и все другие. С особой, очень интересной судьбой, но в общем такая же». – «Нет, – сказал я, – не верю, не может быть. Ни за что не поверю, что в этом «такая же» нет дополнительного усилия, подсознательного приглушенного вздрoga». – «А для тебя?» – спросил он. «Ого, для меня... Что там – особая... Это моя страна!» – «А Россия?» – «А Россия – само собой, тут и спрашивать не о чем». – «Но ведь ты же никогда в Израиле не был, откуда ты знаешь?»

И тогда я, как мог, рассказал ему про Самотечную площадь и про Тимирязевскую общагу, про впервые в жизни обретенную возможность – быть как все...

И вот, наконец, я приехал в Израиль, и этот вопрос: «Как все – не как все» – опять заработал в сознании с прежней энергией. Неделю я умилялся еврейским дорогам, еврейским домам и еврейским кассирам, полицейским, солдатам, батарейкам, отверткам, водке, сметане и туалетной бумаге. Да, слава Богу, здесь все в порядке, евреи оказались как люди, как все... И вот ты в этом уже утвердился, и ты уже переходишь к другому, к тому, в чем они как раз не как все, к особым качествам этой страны, к ее магической ни-с-чем-несравнимости... И тут тебя начинают мучать заботливые и добрые люди, то один, то другой, а то и компанией, а то и целой аудиторией. «Ну и когда же ты – насовсем, как все? На двух стульях, знаешь?.. За двумя зайцами?..»

Нет, говорю я, простите меня, ребята. Я понимаю, я снова нарушил, я опять не соблюл. Простите меня, но все дело в том, что жить я могу в одном

единственном месте. Может, и там не смогу, но больше уж точно нигде. Человек – явление динамическое, в статике его просто нет. Он должен непрерывно осуществляться, как бы подтверждать свое существование. И я лично, именно я, про других ничего сказать не могу, вне России я эту способность теряю полностью и начинаю чувствовать себя погребенным заживо. Как бы при жизни тела – гибель души. Нет страны для меня роднее Израиля – вот разве Россия... нет страны, кроме России, нет и Израиля, где бы я мог оставаться живым – пока жив...

А впрочем, вы правы, все это в прошлом. И сам я – в прошлом. Надо ли уезжать из России евреям? Да, видимо, надо, а иначе – чего б они уезжали? И какими частными соображениями ни руководствовался при этом каждый, рука Судьбы очевидна в этом исходе. Кончается еще один эпизод в загадочной, полной великих значений еврейской истории, и, быть может, в этом конце для евреев больше хорошего, чем плохого. Господь исправляет свою ошибку, хотя и не в точности так, как хотелось бы Бене Крику. Для России же, для русской культуры это, я убежден, катастрофа, масштабы которой сегодня еще трудно представить. В каждой культуре бесконечно важны добавки и примеси, но такой напряженной, плодотворной двойственности, как в соединении еврейского с русским, не случалось, я думаю, нигде и никогда...

Это все кончается, и мы, остающиеся, не живем уже в этой стране, – мы здесь до ж и в а е м. У меня, слава Богу, два замечательных сына, но в каком-то смысле я последний в своем роду. Если внуки мои и будут иногда говорить по-русски, то читать по-русски они уж точно не будут.

Как же нам быть, что нам придумать, вот таким, доживающим?

А не надо, я думаю, ничего придумывать, просто жить себе и жить, продолжая делать каждый свое исконное дело, и сколько каждому суждено, пусть столько и будет. И попытаемся прожить эти трудные и, быть может, кто знает, страшные годы как достойные евреи и достойные русские – честное слово, между этими понятиями вовсе не такая уж большая дистанция, как может показаться на первый взгляд. Ваше здоровье!

Москва, 1991

ЛЕВ ГУМИЛЕВ И ДРУГИЕ

В мире опасных измышлений

В общественных науках всегда таится опасность зарождения мифа. Если в сфере естествознания, кроме всего прочего, существует нелюбимый судья любых теоретических измышлений – эксперимент, то свободный полет гуманитарных детищ человеческой мысли преград не знает и иной раз знать не хочет. Только ли в шутку один из ведущих физиков нашего столетия классифицировал всю современную ученость на физику и «собрание марок»?

Похоже, что одна из наиболее ярких разновидностей «собрания марок» – историография – дает своим адептам широкие возможности сочинения любых, в том числе и самых безумных идей, но только к ним, в отличие от физических, критерий

Н.Бора неприменим («достаточно ли теория безумна, чтобы быть верной?»).

Недавно изданная книга Льва Гумилева «Древняя Русь и Великая степь» еще в большей степени, чем все его предыдущее творчество, являет собой собрание чисто спекулятивных теорий, что, однако, совсем не мешает автору преподносить их как истины в последней инстанции.

Стержневая идея всего творчества Л.Гумилева – это теория этногенеза как биологического процесса, который определяется космическими воздействиями на генофонд этноса. Некое излучение (например, «удар пучка нейтронов по массе вещества» (с. 595), как бы «удар бича по телу планеты»), превращает попадающие под него этносы в «пассионарные», что приводит к коренному изменению их поведения.

Среди других теорий Л.Гумилева стоит упомянуть концепцию «биополей этносоциальных систем» и совместности или

несовместимости этнических биополей различных народов. Заслуживает внимания также трактовка идеи «прогресса» в отношении развития этносов.

Все эти и многие другие построения Л.Гумилева по существу не имеют даже намеков на обоснование. Это гипотезы, которые можно либо принимать, либо не принимать, но нет никакого смысла спорить об их истинности. Если у математика и биолога А.Чижевского доказательство влияния космоса на живые организмы и на историю черпались из экспериментальных работ и статистики (эпидемии чумы и других болезней, революции и т.д. и их зависимость от 11-летних циклов солнечной активности), то Л.Гумилев лишь сообщает, как проходили эти «удары космического бича», в том числе тысячу и более лет тому назад, или просто декларирует то или иное положение.

Такой подход Л.Гумилев применяет не только к теоретическим проблемам истории или этногенеза, но и к конкретным темам, достаточно острым и актуальным, несмотря на их древность. Одна из них, «еврейская», и побудила меня написать эту рецензию.

Если предыдущие труды автора, изданные еще во времена предшественников нынешнего генсека, имели легкий привкус историсофски «обоснованного» антисемитизма, то в разбираемой работе евреев предьявлены уже серьезные обвинения.

Нет ничего нового под солнцем: все те же юдофобские мелодии, которые перпеваются в другой, изначально ненаучной литературе, проходят главными темами и в притязаемом на научность опусе Л.Гумилева.¹

Еврейской тематики Л.Гумилев касается в связи с Хазарией. И вот как он это делает.

Начну не с начала, а с отрывка, который «понравился» мне с первого взгляда. «Всегда было известно, что война – дело тяжелое и неприятное. Но есть вещи хуже войны: обращение в рабство, оскорбление чтимых святых, разграбление имущества и, наконец, оскорбительное пренебрежение. Все это выпало на долю народов Восточной Европы после того, как они оказались в сфере влияния иудейской Хазарии» (с. 190).

Сама собой напрашивается аналогия с нынешними обвинениями против «жидомасонов» и «сионистов» за все «устроенное» ими в России после октябрьского переворота.

Согласно автору, взаимодействие евреев и хазарской верхушки привело к возникновению «страшной суперэтнической химеры» (с. 63). Отвлекаясь от основной темы, Л.Гумилев делает экскурсы в более отдаленную историю евреев и их религию. Вот что написано про библейскую Книгу Есфири: «Мудрый Мардохей, благодаря очарованию своей племянницы Эсфири, пленившей царя, сумел организовать погром (выделено мною. – И.М.) македонян и других соперников евреев, боровшихся за влияние на персидского царя царей» (с. 96). Каждый, имевший удовольствие прочесть «Русофобию» И.Шафаревича, может вспомнить его практически такую же трактовку этой еврейской книги. Возникает вопрос (в дальнейшем он встанет еще не раз): кто же первый?

О восстании Бар-Кохбы сообщено лишь следующее: «Особенно сильно повлияли на консолидацию христиан зверские убийства их иудейскими повстанцами Бар-Кохбы в 135 г.» (с. 98). После его поражения «иудаизм стал распространяться в самом Риме через женщин, утративших в эпоху империи традиционную нравственность» (с. 103). Под пером Л.Гумилева эта иудейско-сексуальная тема перекочевывает и в хазарскую эпоху.

Вот каким путем, согласно Л.Гумилеву, евреи попали в Хазарию. «Власть и господство над народом халифата были для них (евреев) недостижимы, так как пассионарность арабов и персов была выше еврейской (что нам стоит измерить «пассионарность» тысячелетней давности? – И.М.). Поэтому евреи стали искать новую страну... и обрели ее в Хазарии» (с. 119). Ищите и обращайтесь!

Коротенькое замечание о еврейской торговле VIII века: «Торговля была баснословно выгодна, потому что торговали не товарами широкого потребления, а только предметами роскоши. В переводе на понятия XX века эта торговля соответствовала валютным операциям и перепродаже наркотиков» (с. 127–128). Ну и соответствия!

Положение в Хазарии рисуется следующим образом: «Государством правил... малик. Он и его советники были родовыми иудеями, хозяевами многоэтнического государства и сочленами самых выгодных торговых предприятий. Но он представлял не столько Хазарию, сколько свой расеянный по миру и баснословно разбогатевший суперэтнос... Глава иудейской общины выжимал из хазар и окрестных

Попутно замечу, что Л.Гумилев не скрывает своих симпатий и антипатий: любит кочевников, прежде всего монголов, не любит китайцев; занимает славянофильскую и открыто антизападническую позицию (Прим. автора).

народов средства на наемников, которые должны были этих хазар подавлять. И хазары платили... (многоточие автора. — *И.М.*) а выхода не было» (с. 150).

Как же объясняет Гумилев «хазарскую трагедию»? Как иудеи ухитрялись так ужасно угнетать в общем-то свободолюбивый хазарский народ? Ученый историк Л.Гумилев предлагает «очень простое» объяснение: хитростью. Иудеи поддерживали непримиримых противников христианства, ислама и манихейства. «Они (иудеи) любили в этом мире себя, свои дела и свое потомство. Ради торжества своего этноса они применяли тайну, оружие, заимствованное у их злейших врагов — эллинских гностиков, и ложь, но только по отношению к гоям и акумам. То, что манихейство раздвигает любую позитивную этническую систему, иудеи знали. Поэтому они предпочитали видеть манихеев у своих соседей, но ни в коем случае не допускать их к себе. И поскольку рахдониты (еврейские купцы), как *метастазы* (выделено мною. — *И.М.*), проникали во все цивилизованные страны, им это удавалось, хотя и не всегда» (с. 151).

Далее. «Иудео-Хазария была в дружбе со всеми императорскими режимами: поздней Тан (китайская), Каролингями, саксонскими Оттонами, Аббасидами — и во вражде со всеми средневековыми народностями: армянами, грузинами, шиитами халифата, поскольку они представляли интересы завоеванных племен, печенегами и славянами... И это не случайно. Здесь имеет место социальная близость деспотических режимов, противопоставленных ходом истории природным процессам образования этнического многообразия. Борьба этих двух принципов была ведущим антагонистическим противоречием эпохи VIII—X вв.» (с. 167).

Остается лишь от всей души поздравить ученого Л.Гумилева, который открыл достойнейшую замену марксистскому двигателю истории — классовую борьбу.

Как бы между прочим замечено, что хазарские иудеи были опасны и для Франции, так как, «приезжая с большими деньгами в Прованс, они покупали покровительство короля и вельмож и защиту от преследования со стороны духовенства и народа» (с. 168). «Таким образом, в наиболее богатых областях Священной Римской империи евреи составляли господствующий класс, диктующий свои порядки» (с. 170).

Подводя итог, исследователь пишет: «Рубеж IX—X вв. — это кульминация иудео-хазарского могущества и катастрофа для аборигенов Восточной Европы, пе-

ред которыми стояла альтернатива: рабство или гибель?» (с. 184). Примерно так же нынешние «памятливые» знатоки новейшей истории говорят о катастрофе русского народа, которую устроили ему потопки хазарских иудеев в отместку за победу русских над их предками.

«Кроме того, иудеи заключили договор с захватившими Русь варягами, которые начали поставлять в Хазарию «дань кровью»: варяги посылали подчиненных им славяно-русов умирать за торговые пути евреев» (с. 187). В 941 г. иудеи спровоцировали поход «русов» на Византию. При этом русы совершали жуткие зверства, «которые были непривычны даже в те времена» (с. 194). Объясняя подоплеку столь варварского поведения, Л.Гумилев иронически замечает: «Видимо, русские воины имели опытных и влиятельных инструкторов» (с. 195).

Все-таки, несмотря на специфических инструкторов, а может быть, даже благодаря им, греки победили, а остатки русского воинства были добыты... кем же? — правильно, все теми же лицами, которые совсем недавно «обучали» их (таких наивных) изуверству. Но послушаем автора, как кровожадные хазары ликвидировали несчастных русских. «Перебить больных и выздоравливающих совсем несложно, так что акция прошла без шума» (с. 196). Причина, из-за которой евреи ликвидировали пострадавших за них же русских, согласно Гумилеву, та, что в Хазарии действовал закон об уничтожении потерпевших поражение воинов и он неукоснительно соблюдался даже в отношении чужеземцев. Исключение делалось лишь для предводителя и его заместителя, которые, как это совсем нетрудно догадаться, были иудеи (с. 143).

Но к счастью всего прогрессивного человечества тех времен, иудейская «империя зла» в конце концов была уничтожена (отмстили «неразумным хазарам»). Эта историческая победа привела к «гибели иудейской общины Итиля и свободе хазар и всех окрестных народов» (с. 212).

Невозможно писать таким образом о евреях и не упомянуть «добрым» словом их религию: «Христиане и мусульмане молились одному и тому же богу, но по-разному, а иудеи — другому», и вот этот «другой» — Яхве — определен Л.Гумилевым как дьявол (с. 248). Ну и, разумеется, дьявольщина приводит к «бесовщине» а la Достоевский, объединенной в специфическую организацию — «малый народ». И в очередной раз, как бы нарочно заставляя читателя мучиться над проблемой плагиата, историк Л.Гумилев приводит точно те

же цитаты о «малом народе», что и академик-математик И. Шафаревич.

Итак, чтобы читатели не забыли и немотали себе как следует на ус: «малый народ» отнюдь не новое явление – его корни тянутся, как минимум, в VIII–X века.

Такой автор, как Гумилев, имеет свое мнение практически по любым историко-культурным проблемам. Вот его объяснение сюжета из «Повести временных лет» о выборе Русью веры: «Так или иначе, неприятие иудейской веры, *распространявшейся в X веке исключительно половым путем* (выделено мною. – И.М.), не загадка. Слишком памятен был пример несчастной Хазарии» (с. 253).

Пришло все-таки время и мне вспомнить рассчитанную на самых примитивных погромщиков, ходившую по рукам в конце 80-х гг. брошюрку под названием «Ушкуйник». В ней тоже одним из главных способов еврейского влияния на окружающий мир считается половой: «Каждому гою – еврейскую подружку и каждой гойке – еврейского дружка». Как было указано во введении к этому сочинению, именно такая инструкция рассылается во все страны мира и прежде всего в СССР сионистами из Тель-Авива.

Не обошлось в книге Гумилева и без кое-каких открытий касательно культурного воздействия евреев. У евреев был другой, окольный путь, уже испробованный в Испании и Лангедоке: распространять скептицизм и индифферентизм, а тем са-

мым ликвидировать этнокультурную доминанту. Это был принцип «вавилонского столпотворения» (с. 282).

Цитаты в этом роде можно продолжать, но я полагаю, что уже приведенных достаточно, чтобы понять позицию автора, блестяще продемонстрировавшего приложение общих антисемитских построений на конкретном историческом материале. Тираж книги – 50000 экземпляров, написана она бойким и легким языком.

Сам автор утверждает, что его выводы весьма отличаются от традиционных, основанных на летописной версии (с. 18). Достигается это «путем анализа и синтеза», помогающих «устанавливать» факты, не упомянутые в источниках, а то и противоречащие им, если того требует теория. В частности, автор оспаривает «Повесть временных лет», где говорится о вражде хазарских иудеев и викингов; согласно Гумилеву, они были союзниками.

Стоит ли говорить о простом человеке, давно забывшем, что он учил в школе на уроках истории, если в предисловии к книге академик Д.С. Лихачев пишет: «Эта книга – весомый вклад в развитие отечественной и не только отечественной истории. Впрочем, значение ее выходит далеко за рамки традиционного понимания истории как науки. Книга Л.Н. Гумилева, безусловно, станет заметным явлением нашей культурной жизни». Я полагаю – не только «культурной». ●

И. Мирович (Израиль)

СЧАСТЬЕ БЫТЬ СОВЕТСКИМ ПИСАТЕЛЕМ

«Себя ты можешь увидеть лишь в зеркале чужого лица», – говорит венгерский поэт; эту истину иллюстрирует только что опубликованная в США и Великобритании книга супругов Джона и Кэрол Гаррард.

Примечателен уже самый выбор темы. Союз писателей, этот, на мой взгляд, монструозный, а с точки зрения литературы совершенно бесполезный организм, более всего подходит для изучения недугов духовной жизни в условиях диктатуры – да и механизма самой диктатуры. И здесь взгляд человека со стороны может неожиданно высветлить многое. Каким жутковатым комизмом, например, отзываются старания авторов книги объяснить английским и американским читателям, что существование Союза

писателей оправдывается уже тем, что эта организация предоставляет своим членам право покупать особую пищу, пользоваться улучшенным медицинским обслуживанием, а также защищает литератора от уголовной статьи, карающей за тунеядство.

С какой обстоятельностью описывается поразительная для западного человека система «вертушек», при помощи которой происходит управление некогда великой литературой! Немало хлопот приносит авторам терминология: как перевести слово «вертушка»? Слово «блат», тоже не имеющее английского эквивалента, переводится как «влияние», а толкование советско-орвелловского термина «ответственный редактор» на стр. 87 выглядит так: «В советском языке слово «ответственный» означает лицо, которое отвечает перед партийными властями. Ответственность отнюдь не означает обязанность в чем-либо отчитываться

перед коллегами или читателями». Справедливо.

Пожалуй, интереснее всего в книге описание самого Союза писателей с его партийным началом: какие звенья партийной бюрократии связаны с писательской верхушкой, как работают разные отделы, ответвления, секретариаты, в чем полномочия их руководителей и т.д. Было бы неплохо перевести на русский язык если не всю книгу, то хотя бы такие главы, как «Партийное руководство» и «Советский Парнас», трактующие вопрос об «отрицательной селекции» — отборе худших — в практике управления духовной и интеллектуальной жизнью. Отметим разделы книги, посвященные противоянию писателей диктатуре (Пастернак, Синяевский и Даниэль, Галансков и Гинзбург, Л.Чуковская и т.д.), а также две заключительные главы с кратким и скорее публицистическим, нежели научным, обзором первых лет перестройки и нынешнего положения вещей.

Наряду с верными наблюдениями в книге американских исследователей встречаются утверждения, с которыми трудно согласиться. Прежде всего они касаются предистории возникновения Союза писателей. Происхождение этой организации Дж. и К. Гаррард связывают с тремя группами разнородных факторов: авторы ссылаются на характер русской культуры царских времен, на некоторые идеи немецкой философии, воспринятые в России, и, наконец, на понимание Лениным задач культуры, каким оно сформулировано в его дореволюционных статьях. Привлечение этих факторов, особенно последнего, представляется не вполне убедительным. Разумеется, в СССР нет такого учебника по истории литературы, который не начинался бы с цитат из Ленина. Но это вовсе не означает, что его идеи легли в основу создания Союза писателей и всей инфраструктуры советской культуры. Ленин, возможно, кое в чем и виноват перед русской историей; но его представления о будущей культуре не объясняют случившегося. Почему пришлось прибегать к немногочисленным, в сущности, очень скудным высказываниям Ленина о литературе для обоснования советской литературной политики — другое дело.

Переходя к сталинскому периоду, авторы книги высказывают мысль, что при помощи писательского союза и предоставляемых литераторам привилегий вождь будто бы хотел добиться от писателей «поддержки нового социалистического государства». Совсем недавно в Венгрии, на вступительном экзамене в аспирантуру,

талантливый и отнюдь не настроенный консервативно молодой литературовед старался убедить меня, что создание единого союза послужило объединению писательской братии.

Откуда этот абсурд, эта наивность? Влияние советских работ, которые нельзя долго читать безнаказанно? Как можно забыть, что самые разные и часто враждебные друг другу литературные группировки по меньшей мере семь лет — с 1927 по 1934 год — сопротивлялись увлекательной идее единой дружной семьи, пока их не сломали? Как можно не замечать в настойчивом стремлении руководителей тоталитарного государства загнать деятелей литературы в один общий отсек, где их удобно будет контролировать, как можно не видеть в самой идее Союза писателей — страх, извечный страх тирана перед интеллигентами, перед творческими и свободно мыслящими людьми! Нечего и говорить о том, что Союз писателей был нужен Сталину и его «соратникам», а отнюдь не злосчастным писателям. Об их отчаянной борьбе против этого изобретения в книге супругов Гаррард не сказано ни слова. Наоборот, авторы утверждают, что писатели чуть ли не по сей день вспоминают радостное чувство, охватившее их в 1934 году: больше не будет тирании агрессивнотерпимых рапповцев (Российской ассоциации пролетарских писателей).

Впрочем, тут есть и доля истины. Каждый раз на протяжении 75 лет советской истории писатели — по крайней мере на словах — ликовали на пороге очередного этапа своего закабаления. После участия о литературе 8–9 мая 1924 года с участием Троцкого, Бухарина, Радека и других партийных руководителей писатели-«путчики» вместе с их партийным ангелом-хранителем Александром Воронским вздохнули с облегчением: начальство не пожелало вмешиваться в литературные дела. Этот отказ от вмешательства декларирован в постановлении партии о литературе 1925 г. Пресса летних месяцев этого года переполнена восторгами писателей — от Андрея Белого до Бориса Пильняка, от Пастернака до Шкловского: партия пресекала литературно-политические дразги, осудила кружковщину, и теперь, наконец, можно будет спокойно создавать «большую литературу». В 1932 г. снова ликование: распушена РАПП; о праздничном настроении на Первом съезде-параде советских писателей в 1934 г. и говорить нечего. Спустя двадцать лет, на съезде 1954 года, все буквально опьянены и так далее.

Возникает впечатление, что и американские авторы, к сожалению, оказались в

плени некоторых догм идеологизированной несвободы, подобно ветеранам СП, которые все еще поют старые песни о первородном грехе РАПП. Тот, кто знаком с документами РАПП, со статьями и докладами «неистовых ревнителей» (выражение советского исследователя С.Шешукова), защищать их, конечно, не станет. Но нельзя забывать и о том, что именно рапповцы обратились к Сталину с протестом против апологетики гладковского «Цемент», против того, чтобы книги такого рода ставились в пример советским романистам; что, поняв свою роковую ошибку, деятели РАПП в значительной своей части «примкнули», как тогда говорили, к оппозиции, что, наконец, именно они в числе первых оказались под колесами кровавой диктатуры.

Можно сказать, что книга двух американских авторов, несмотря на сделанные нами замечания, представляет собой серьезный вызов их советским коллегам. Эта книга — плод многолетних исследований,

результат обобщения сотен интервью, которые Джон и Кэрол Гаррард лично провели со свидетелями и участниками полувекowego литературного процесса в СССР. Я уверена, что есть люди, которые смогли бы добавить к этой хронике много интересного; это прежде всего бывшие или еще функционирующие «слуги народа» на высотах советского Парнаса, вблизи от Старой площади и Лубянки, или, по последней моде, связанные с Президентским советом. Но эти люди все еще молчат. Рано или поздно, однако (как это уже происходит в Венгрии), заговорят и они, и на нас обрушится лавина мемуаров, покаяний, разоблачений и взаимных обвинений. Подавляющее большинство интервью, взятых авторами книги в 1980-е годы, было записано в Париже, Мюнхене, Нью-Йорке, Вашингтоне и Лондоне. Продолжение, будем надеяться, последует в Москве.

Гербен Агнеш (Будапешт)

ВНИМАНИЮ БЕССМЕРТНЫХ!

Уважаемый министр иностранных дел Союза Советских Социалистических Республик!

Мы полагаем, вы еще не имели времени увидеть, как выглядит «Визовая анкета», предлагаемая в консульских отделах советских посольств во всех странах мира. Видимо, анкета эта осталась в наследие еще от ваших предшественников (надеюсь, от А.Громыко, а не от Э.Шеварднадзе). Взгляните на ее начало, которое мы воспроизводим *факсимильно*.

КОНСУЛЬСТВО (консульский отдел посольства) СССР в _____ страна

Форма № 95

VISAANTRAG

ВИЗОВАЯ АНКЕТА

ACHTUNG! Bitte in Blockschrift mit Kugelschreiber oder Schreibmaschine ausfüllen. Falls falsche Information angegeben wird, kann Visum, Überfahrt der Staatsgrenze der UdSSR verweigert und Visum auf dem Territorium der UdSSR annulliert werden.

ВНИМАНИЕ! Писать четко, обязательно шариковой ручкой или на машинке. Неправильные данные могут повлечь за собой отказ в визе, в пересечении границы СССР или аннулирование визы на территории СССР.

Lichtbild

1	Nationalität	Национальность
2	Staatsbürgerschaft (falls eines vorherigen Besitzes der Staatsbürgerschaft der UdSSR, anzugeben, und aus welchem Grund sie eingebüsst wurde)	Гражданство (если Вы имели гражданство СССР, то когда и в связи с чем его утратили)
3	Familienname (in Blockschrift)	Фамилия
4	Vorname, Vatersname (Vornamen)	Имя, отчество (имена)

Давно известно, что английское слово *nationality* (и его аналоги в других языках) советские люди привычно истолковывают в его «кровяном» смысле, тогда как для западного человека — это всего лишь гражданство. Чернокожий «француз» или «британец» никого не удивляют.

Но составители советской анкеты — не обыватели. Из анкеты ясно видно, что они четко различают «национальность» (пункт 1) и «гражданство» (пункт 2). Ясно также, что для них имеет первостепенное значение: национальность «главнее» не только что гражданства, но даже фамилии и имени, которые удостоились только третьего пункта. А ведь было время, когда национальности отводились всего лишь «пятый пункт».

Если вы ничего не имеете против такой анкеты, сообщите, пожалуйста, как лучше всего поступить туристу «известной национальности» — гражданину Германии: писать ли по-немецки *Jude*, или уж, без затей, по-русски: **ЖИД**?

С уважением, редакция «Страны и мира»

I.

Не надо вбивать гвоздь в стенку.
Брось пиджак на стул.
К чему устраниваться на четыре дня?
Завтра ты вернешься домой.

Не надо поливать деревце.
К чему сажать еще одно?
Прежде чем оно дорастет до ступеньки,
Тебя здесь уже не будет.

Надвинь на глаза кепку, когда мимо идут люди!
Зачем листать чужую грамматику?
Новость, которая позовет тебя домой,
Будет написана на родном языке.

Как известка сыплется с потолка
(Ну и пусть!),
Так повалится забор насилия,
Воздвигнутый на границе
Против правды.

II.

Взгляни на гвоздь в стене, вбитый тобой:
Когда, по-твоему, ты вернешься?
Хочешь знать, о чем ты думаешь в глубине души?

День за днем
Ты работаешь для дела свободы.
Сидя в своей каморке, ты пишешь.
Хочешь знать, что ты думаешь о своей работе?
Взгляни в углу двора на маленький каштан,
К которому ты несешь ведро с водой!

21 мая 1991 г.

Андрею Дмитриевичу САХАРОВУ
исполнилось бы 70 лет

